

ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

10

2001

Дорога к муравейнику

•
**Н. Старченко и
муравейник-гигант
Фото В. Пескова**

•
**...Эти пригорки,
речушки, лесные
болотца с глухарями
— это не просто
охотничьи угодья,
это наша общая
Россия. Наша Родина
Фото Н. Старченко**

Дорога к муравейнику

Охота в моей жизни

Николай СТАРЧЕНКО,
генеральный директор
ООО Издательское Дело «Муравейник»,
член Союза писателей России,
кандидат филологических наук

Когда в студенческие годы, в славном городе на Неве, я впервые прочитал «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина, меня сразу поразило там одно место: юноша Арсеньев впервые приезжает в Севастополь и... узнает город, как будто он здесь уже был: «вдруг с ужасом и радостью узнал его. Именно — вспомнил, узнал!». Отозвался, судя по всему, потаенные, глубинные корни родовой памяти — ведь отец Арсеньева защищал Севастополь в Крымскую войну, здесь прошла его молодость... И мне тут же вспомнился собственный случай, одно из самых ярких событий моего младенчества: поздним зимним вечером широко, разом открывается тяжелая дверь нашей избы, клубами влетает морозный воздух, а через порог весело шагают отец и наш сосед, колхозный счетовод Василий. Они на саниях вернулись из районного городка Мглина. В руках у отца новенькое ружье — двустволка, а счетовод кладет на лавку у стола пачку пороха и мешочек с дробью.

Но как я, четырехлетний, узнаю впервые виденное мною ружье? Узнаю тут же, мгновенно! Возможно, увидел до этого в какой-нибудь книжке, все же родители мои — сельские учителя, и немного книг у нас в доме было. Но скорее всего, все та же корневая память: ведь основатель нашего рода — казак Мглинской сотни Стародубского казачьего полка. В «Словаре древнерусских личных имен» Н. М. Тупикова (СПб., 1903) говорится, что фамилия Старченко происходит из юго-западных областей древнерусского государства, входит в число старинных славянских фамилий, появление которых относится к XVI—XVII векам. А в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского (М., 1974)

указывается еще более ранняя дата зарождения фамилии — здесь записан Федор Андреевич Старко, боярин, конец XIV века. Во времена Киевской Руси патронимический суффикс -енко означал «маленький», или «сын такого-то», то есть Старченко буквально понималось как «сын Старко». Когда же границы Российского государства расширились далеко на юг, то много мглинских и стародубских казаков с семьями были переселены к новым рубежам. На Кубани и на Тереке сейчас у меня есть однофамильцы, а под Мариуполем — даже большое село Старченково. Многие переселили казаков, но все же достаточно их осталось и на старых рубежах. Как будто знали о будущих зигзагах истории: сейчас, через триста лет, моя родная брянская деревенька Осинка снова оказалась на границе. Я час-то стою в апреле на вальшнепиной тяге на том самом бугре, где когда-то была пограничная застава с Польско-Литовским государством.

И вот появилось у нас в доме ружье. Оно висело всегда во второй, задней половине, на самодельной, деревянной вешалке. Летом было завешано зимней одеждой, а зимой одиноко и таинственно поблескивало воронеными стволами, гладким красноватым прикладом. Зимой чаще всего и брал отец ружье. Охотничьей собаки у нас не было, так что, походив немного в выходной, возвращался с пустыми руками. А как я мечтал сам пойти на охоту! В десять лет уже прочитал много охотничьих рассказов, в двенадцать стал ходить в сельскую библиотеку за журналом «Охота и охотничье хозяйство», а в четырнадцать и сам написал рассказ о старом партизане и охотнике. Послал свое несовершеннопроизведение в районную газету, откуда вскоре в нашу школу пришел ответ-запрос: а что это за ученик такой, больно хорошо написано? Помню, как из школы вернулась мама и, как-то по-особому, по-новому взглянув на меня, сказала одновременно и ласково, и строго: «Коль, так ты у нас, оказывается, писатель!» (тетрадные листочки с написанным я послал в газету втайне от всех). Рассказ опубликовали в марте 1967 года, в мои неполных 15 лет... И так совпало, что за месяц до публикации я добыл своего первого русака — мне наконец-то доверили самостоятельно ходить с ружьем. Так и слилось с самого начала: любимое писатель-

ско-журналистское дело и охота! И трофеи одинаково дороги — и добытый на току глухарь, и добытый за письменным столом новый охотничий рассказ или очерк...

В первый студенческий год я очень тосковал по родным краям. Когда особенно зажимало, то шел на Невский, в самый известный в Питере охотничий магазин. Потолкаешься, постоишь там, полюбуешься на искусно выполненные чучела зверей и птиц, на ружья, снаряжение, помотришь с волнением, как отвешивают на весах кому-то гладкую, таинственно мерцающую дробь, — и что-то отмякнет в душе, становится легче ждать зимних каникул. И как же радовался я свиданию с родиной после первой долгой разлуки! Лежал глубокий снег, и не было такого уголка в любимых с детства местах, где бы я не побывал — на лыжах, с ружьем... П. М. Мачеварианов очень верно сказал: «Привязанность охотника к родине безгранична. С какой любовью смотрит он на свои поля, луга, рощи и вообще на окружающую местность...»

А потом было извечное наше деревенское «пробывание в люди», очень насыщенная журналистская работа, — приехав по распределению в Орел, я за пять лет одолел все ступеньки служебной лестницы, став главным редактором областной молодежной газеты, два с лишним года проработал в этой должности, а затем был переведен в Москву, где тоже надо было утвердиться и проявить себя... Во время многочисленных командировок по стране мне все же удавалось на дальних кордонах лесников, на речных таежных разливах брать в руки ружье, волноваться и переживать прекрасные мгновения. Тяга к охоте не остывала еще и потому, что тема природы родной земли все больше занимала меня не только в журнальных и газетных публикациях, но и в моих книгах повестей и рассказов. Сами их названия горят за себя: «Черемуховые холода», «Монолог в апреле», «Косогор», «Небесная подкова»...

Что называется, по движению души занялся кандидатской диссертацией на тему «Проблемы экологии в современной прозе». И тут я с удивлением и огорчением обнаружил, как поверхностно, а то и беззастенчиво-конъюнктурно толкуется критиками охотничья тема в рамках экологической

охота

и охотничье хозяйство 10 2001

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовая коллекция редакции журнала,
Союз обществ охотников и рыболовов РФ.
• Основан в октябре 1955 г.

прозы. Не раз, не раз мне вспоминался тогда замечательный писатель Юрий Павлович Казаков, с которым посчастливилось быть знакомым и даже вместе побывать на охоте, вспоминался его изумительный по силе, классический рассказ «Адам и Ева», где приехавший на Север художник Агеев «сидит в одиночестве черт знает где, в то время как разные критики живут в Москве на улице Горького, сидят сейчас с девочками в ресторанах, пьют коньяк, едят цыплят табака и, вытирая маслянистые рты, говорят разные красивые и высокие слова, и все у них лживо, потому что думают они не о высоком, а как бы поспать с этими девочками. А утром эти критики, перешибая похмелье кофеем и сердечными каплями, пишут про него статьи и опять врут, потому что никто не верит в то, что пишет, а думает только, сколько он за это получит, и никто из них никогда не сидел вот так в одиночестве на сырой свае и не смотрел на пустой темный остров, готовясь к творческому подвигу». Для таких критиков охотничья тема в литературе и искусстве конца XX века выглядела как-то атакизмом, и если упоминали о ней, то исключительно в лицемерном духе «защитников природы».

Так вышло, что после защиты диссертации я был назначен главным редактором журнала «Юный натуралист». Все больше собиралось вокруг друзей-единомышленников, истинных знатоков природы, все чаще приходила мысль о создании принципиально нового, мировоззренческого журнала о природе.

Легко сказать: создать журнал... Насстойчиво искал название. Название — это очень много для нового, никому не известного издания. И я его нашел... на охоте! В родном краю. Страстным охотникам, конечно, известно, что с ружьем зайдешь в такое место, куда без ружья не заходишь по целым десятилетиям. Так получилось, что вышел я однажды на почти заросшую, старую дорогу, по которой когда-то мы с дедом моим Михаилом Варламовичем везли воз сена. Я, десятилетний, обратил внимание на большой камень, что лежал, поросший мхом, на обочине, почти на самом пути, так что надо быть тут аккуратным, чтобы колесо не уперлось в него и не опрокинулся высоко нагруженный воз.

Дед рассказал, что камень этот когда-то вез мужик из деревни Гилуши в соседний белорусский городок Хотимск — там шло строительство и за привезенные камни платили деньги. Мужик переусердствовал, взвалил очень тяжелый камень, и уже через две версты лошадь встала. Пришлось камень свалить на землю... «Не хватай в жизни больше того, что сможешь поднять...» — раздумчиво сказал тогда дед. И вот я вышел как раз к этому камню. Он и на заросшей дороге по-прежнему выделяется, от прибивавшегося мха только больше поседел. А мысли в тот, страшный 1993 год (бойня в

Останкино, расстрел Верховного Совета) были у меня как раз такие: что же будет с Россией, что же поднять сегодня самому, своими руками? Как определиться в новой жизни? У всех у нас тогда начиналась новая, во многом пугающая, жизнь... Одни мои знакомые, приобретшие, как и я, еще в молодости хороший опыт руководящей работы, кинулись усердно служить новой власти, другие свои организаторские способности развернули в бизнесе, третьи как-то удачно принарядились во вполне хлебные одежды оппозиции... И вот стою я над камнем в раздумьях. Огля-

Николай Николаевич Старченко в поле

нулся кругом и вижу в двадцати шагах под елью, у изгиба дороги, у круглой, прогретой нежарким сентябрьским солнцем полянки очень большой, красивый, правильной конической формы муравейник. Пошел к нему, не спеша вспоминая: а был ли он здесь тридцать лет назад? Кажется, был, только поменьше...

Кто из нас не останавливался где-нибудь на лесной опушке перед живым куполом муравьиного гнезда? Кто не восхищался слаженной, трудолюбивой жизнью муравейника, кто не желал такого же собственной семье? И вдруг как пронзило: вот оно, название журнала! Две вечные ноты в богатой гамме человеческого бытия — Семья и Природа — сольются здесь воедино. Разумеется, писать не только о муравьях. Муравейник — это прежде всего символ подлинной, соразмерной, гармоничной жизни в природе.

Взволнованный, я смотрел на муравейник. Конечно, не все сразу определилось в эти минуты. Но мощный толчок был дан! Всю осень и зиму я готовился к предстоящему событию. Лес-

ные муравейники, как известно, в это время спят. Но, наверное, немногие знают о том, что в самом муравейнике есть муравьи-теплоносы, которые первыми просыпаются весной, выбирают наверх и, нагревшись на солнце, спешат в глубь гнезда, своим теплом согревая всю семью. Остыв, снова поднимаются наверх, на макушку купола, под солнечные лучи. И так постоянно... И мне, вместе с авторами-единомышленниками, хотелось создать именно журнал-теплоноса, чтобы помочь каждому — и ребенку, и взрослому — расправить плечи, уже ссутуленные тяготами будней, поверить в себя и в возможности возрождения российской земли на разномыслии началах, в единстве с матерью-природой. И в июле 1994 года вышел в свет первый номер первого в России семейного журнала о природе «Муравейник»!

Теперь в каждый свой приезд на родину обязательно навещаю муравейник-родоначальник. Почему-то душу трогают особенно осенние встречи — подойдешь каким-нибудь ненастным, холодным ноябрьским днем, снимешь с него, уже спящего, нападавшие за осень сучки, осторожно подправишь вмятинки, погладишь ладонью его покатым верх-куполом...

Греет душу и сознание того, что в том же 1994 году удалось вместе с Михаилом Васильевичем Булгаковым и Василием Викторовичем Королевым возродить к жизни альманах «Охотничьи просторы». Это долгое время широко известное в среде не только охотников, но и всех любителей природы, солидное книжное издание к концу 1980-х годов усохло, считай, до брошюры, захирело, а потом и вовсе закрылось. С этим трудно было смириться — ведь каждый из нас троих с юности любил «Охотничьи просторы». Да разве мы одни?.. Дружно, вдохновенно взялись за дело. И вот счастливая минута — я в типографии подписываю «сигнал» первого номера новых «Охотничьих просторов». Да, по-настоящему обновленных — и по содержанию, и по оформлению, и по периодичности: вместо одной книги в год стало выходить четыре. Настоящий праздник был в душе...

Тема природы и охоты сегодня полностью пронизывает мою жизнь. Потихоньку растет подписной тираж «Муравейника» — в немалой степени и потому, что только в нем есть постоянный охотничье-рыболовный раздел для детей и подростков. В нашем издательстве стала выходить книжная серия «Современный охотничий рассказ», а в 1999 году учреждено и новое периодическое издание для охотников и рыболовов — литературно-художественный иллюстрированный «Охотничий сборник». Вышло в свет уже 4 сборника, и, судя по отзывам, читатели одобряют принципиальное направление нового книжного издания, в котором представлена именно художественная литература и только она, чистая чувствами и мыслью литература, без всяких до-

весков в виде якобы актуальных практических наставлений. Охотничье-рыболовный рынок уже завален сверхмеры этой навязчивой, примитивной «практикой» по добыче всего живого на земле, в воде и в небе, а человеческого, взволнованного слова о бесценной радости познания природы там не встретишь.

Какой мишурной, легкомысленной, болтливой видится жизнь наших парламентариев и других так называемых государственных мужей с обычного охотничьего поля! Эти горе-агрии, давно сами не пашущие землю, о чем они думают, о чем говорят? Как не стыдно вам, новоявленные господа?! Вырванные в свое время у леса-бурелома крестьянские поля, ухоженные, пестованные поколениями, сегодня зарастают непролазным кустарником-хмызником. Так больно! Я едва успеваю фотографировать затягивающиеся буйной, дикой порослью обширные поля — чтоб хоть в памяти осталось, ведь я мальчишкой, юношей тут распахивал картошку, сеял хлеб, косил косяй созревшую гречиху... Все дичает, зарастает на моей милой родине, а дичи, наоборот, становится все меньше. Вот и тетерева уже почти все перелетели в соседнюю Белоруссию, где еще кое-как засеваются и убираются поля. За сотни лет, за долгие века лесная и полевая живность привыкла жить поближе к человеку, кормиться от крестьянских угодий...

Вот характерный в этом смысле случай. Прошлой зимой, под Старый Новый год, охотился я в Ивановской области на кабанов с вышки. По лицензии полагаюсь добыть подосвинка. В нужный момент егерь шепнул на ухо: «Вон того!». Я заколебался: что-то маловат для подосвинка. Но препираться — не тот момент и не то место. Уложил четко кабанчика и тут уж высказал егерю напрямую. Он спокойно, по явным признакам доказал, что это именно подосвинок, а не сеголеток, как показалось мне. «А что маленький, так корм-то у него теперь какой? Нет колхозных полей с картошкой, с кукурузой, с люпином... Одни кочки да кусты на бывших полях! На этом веса не нагуляешь... Вот и тетерева у нас, когда химию перестали сыпать, поначалу возродились немного, а теперь снова затухают без сеяных полей. А казалось бы, плодись! Никто не мешает, ни машин, ни комбайнов, ни самих людей...»

Безлюдье нашей средней полосы (еще 70 лет назад самой населенной части России) просто ужасающее! (Не судите, пожалуйста, по ближнему Подмосковию, по многочисленным дачным постройкам.) Приедешь весной на охоту, а за одну только зиму там, в не так еще давно большой деревне, из 17 жителей осталось 13... Четверо стариков умерло, а детей ни одного не родилось... Когда стоишь на тяге, на уже упоминавшемся здесь бугре за родной деревней, где «возродилась» старая, трехсотлетней давности гра-

ница, мучительно думаешь: что же дальше? Многие мы потеряли то ли в холодной, то ли в подколодной войне, но ведь и на оставшееся ненасытный рот разевают! Того и жди, что уже проявившее себя в последние годы в отношении России так называемое мировое сообщество заявит: мол, «гуманитарная проблема» назрела — у вас так много заброшенной, безлюдной земли, а «прогрессивному человечеству» стало тесновато, так что лучше добровольно поделитесь... Уже не последнее ли мы поколение свободных охотников на Российских просторах? И уверен, не один я, а все настоящие охотники сегодня очень даже это сознают и, как никто, готовы защитить родную землю — как от иноземных, так и от своих собственных нахрапщиков, спешащих приватизировать уже и леса, и недра, и все земные угодья. Потому что эти пригорки, речушки, лесные болота с глухарями, росные луга с дупелями и бекасами, еще оставшиеся ржаные поля с перепелами — это не просто охотничьи угодья, это наша общая Россия, наша Родина, единственная на свете, не заменимая ни на что!

И мне представляется, что нашей сегодняшней литературе и журналистике на охотничью тему самое время подняться над узкими, специальными вопросами (не отрываясь, конечно, от конкретики), говорить в полный голос словами Михаила Пришвина, что защищать природу — значит защищать Родину, взывать словами Ивана Бунина: «Как же потрясюще прекрасен мир Божий и как люди быстро, уже в раннем детстве, привыкают ко всем этим чудесам, и почти никто за всю жизнь не восторгается ими так, как они этого стоят». Ах, если бы все из-

датели и писатели не раз и не два, а постоянно убеждали своего читателя, «как же потрясающе прекрасен мир Божий!». Сколько друзей природы и охоты росло и взросло бы рядом, сколько бы ложных ценностей им удалось избежать!..

Нынешняя издательская среда на тему охоты и рыбалки вообще очень разнообразна, неоднородна и, как принято говорить, неоднозначна, и я по-настоящему счастлив тем, что к нашему «Муравейнику» тянутся подлинно знатоки природы, добрые душой и талантом люди со всей России. Особо благодарен за неизменную поддержку и творческое сотрудничество Василию Михайловичу Пескову, Олегу Кирилловичу Гусеву, Вадиму Борисовичу Чернышеву, Сергею Петровичу Кучеренко, Николаю Николаевичу Руковскому, Игорю Петровичу Шпиленку, Василию Ивановичу Юровских...

Счастлив и тем, что сегодня, когда мне потихоньку подкатывает к пятидесяти, я только набираю охотничьей страсти, она становится глубже и сокровенней. Взгляните, пожалуйста, на эти фото, сделанные мною в прошлом октябре, на моей родине — Брянщине, где я так люблю охотиться со своими деревенскими друзьями — лесником Владимиром Ивановичем Курбацким и егерем Виктором Васильевичем Лосевым. С каждой поездкой туда полнится новыми страницами моя книга охотничьих рассказов «Закрайки». Кто читал ее, тот знает, что назвал я ее так не только потому, что опушки — закрайки леса, поля, луга, болота таят в себе больше всего дичи, а из прочувствованного сознания того, что охотничьи часы и дни представляются мне самыми желанными и светосносными закрайками в самом поле нашей единственной жизни...

В октябре 2000 года, на родине, на Брянщине, с друзьями на охоте

Фото Н. Старченко

В. ГРЕВЦЕВ

Наблюдавшиеся сокращения поголовья ряда видов охотничьих животных в 1992—1995 гг. объясняются общим ухудшением социально-экономического положения в стране и в связи с этим — ростом браконьерства. После указанного срока этот негатив стал проявляться еще в больших масштабах. В частности, если в 1997 г. было выявлено 48 тыс. случаев незаконных охот (Гоголев, 1998), то в 1998 г. эта цифра увеличилась до 52,5 тыс. случаев. В условиях резкого падения материального уровня жизни населения (около 60 % находится за чертой бедности) пресс промысла, особенно нелегальный, становится ведущим фактором в сокращении ресурсов основных промысловых животных, а не погодно-климатические условия, как это утверждают специалисты Охотдепартамента.

По их анализу численность основных пушных зверей находится на высоком уровне и в последние годы возрастает. Продолжающийся спад объемов добычи объясняется низкими закупочными ценами на шкурки и возникшими трудностями с их реализацией.

Из аналитических сведений следует, что специалисты Охотдепартамента совершенно не владеют информацией о характере эксплуатации ценных пушных зверей в субъектах РФ после отмены государственной монополии на закупку пушнины и особенно с внедрением в практику по инициативе этого главка платных именных разовых лицензий на право их добычи.

Для примера приведем сведения по объемам добычи некоторых пушных видов в Кировской области. В частности, в 1990-х гг. здесь добывали до 4 тыс. шкурок бобра. Начиная с сезона 1997/98 г. после введения платных именных лицензий, охотники стали выкупать всего лишь около 0,8—1,0 тыс. платных лицензий. Однако, по экспертной оценке в г. Кирове, частные фирмы, занимающиеся заготовкой, выделкой, пошивом и реализацией меховых изделий, ежегодно от охотников закупают те же 4 тыс. бобровых шкурок вместо 1 тыс. выкупленных ими лицензий. Из всего закупаемого сырья шкурки весеннего браконьерского отстрела, совпадающего с периодом массового деторождения и расселения молодняка старших генераций в новые

угодья, составляют свыше 20 %. Весенний отстрел бобра наносит существенный урон воспроизводству поголовья, процессу естественного расширения ареала вида. По некоторым регионам количество бобра за последние 10 лет снизилось наполовину (Дмитриев, 2000). Становится массовым явлением добыча многих зверей за пределами официальных сроков. Это подтверждается данными о низком качестве заготавливаемых шкурок. В частности, в Кировской обл. шкурки наиболее ценной околотовидной группы — бобра, выдры, норки, ондатры — закупаются с оценкой в пределах 45—65 % от нормального качества.

Наблюдается своеобразный парадокс: неофициальные размеры добычи шкурок бобра в Кировской обл. сравнялись с официальными общероссийскими (в сезоне 1998/99 г. в РФ закуплено 4019 шкурок, в 1990 г. закупалось около 20 тыс. шт.). Аналогичная картина типична и по другим ценным пушным видам, что свидетельствует о процветании теневого пушного бизнеса, а взимаемая официально плата за пушные лицензии занижена в несколько раз от реальных объемов их добычи.

Для иллюстрации спроса на некоторые шкурки пушных зверей приведем закупочные цены нормального качества кировских фирм в сезоне 2000/01 г. в зависимости от посреднических звеньев: бобр 360—490 руб., енотовидная собака 350—400, куница 300—450, норка дикая 120—300, хорь черный 60—100, ондатра 40—100, выдра 1000, рысь 2000 руб. На два последних вида платные именные лицензии выкупаются лишь по 2—3 десятка на область. До 1990 г. в области сезонные закупки шкурок выдры составляли около 150 шт., рыси — до 400 шт. Ресурсы этих видов вследствие высоких цен, диктуемых нерегулируемым оборотом пушнины, могут быть подорваны в ближайшее время. По сравнению с предшествующим сезоном закупочные цены на ценные пушные виды в Кировской обл. увеличились в 1,5—2 раза. Эти данные полностью опровергают утверждение специалистов Охотдепартамента об отсутствии спроса на шкурки диких пушных зверей.

Драматическая ситуация сложилась

в последнее десятилетие в использовании ресурсов соболя. В 1990 г. его заготовки составили 240 тыс. шкурок при общей численности 1,0—1,2 млн особей (Бакеев, Синицин, 1998). По экспертной оценке этих авторов, фактическая добыча в то время с учетом оседания шкурок достигала 300—350 тыс. зверьков. После отмены госмонополии на заготовку пушнины официальные закупки шкурок соболя резко снизились и в 1996 г. составили всего 53 тыс. шкурок, хотя, по утверждению многих специалистов, фактические размеры промыслового изъятия сохранялись на прежнем уровне. К этому периоду в ряде мест популяция соболя уже испытывала излишнюю промысловую нагрузку, и только отдаленные угодья не подвергались перепромыслу ввиду удорожания заезда в них охотников.

В результате либерализации внешнеэкономической деятельности и выхода на прямые связи за рубеж отдельных хозяйств и юридических лиц произошло резкое снижение цен и объемов поставок на экспорт шкурок соболя. В частности, в 1990 г. только «Союзпушминой» на экспорт было поставлено 149,3 тыс. шкурок «дикого» соболя по цене 120,8 доллара за шкурку, а в 1998 г. соответственно только 60,56 тыс. шт. по цене 72,45 доллара. За последние 8 лет поставка шкурок соболя этим объединением на экспорт сократилась в 2,5 раза, а цена снизилась в 1,7 раза. Цена шкурки наиболее ценного баргузинского кряжа в 1987 г. составляла 237 долларов, а к 1997 г. она снизилась до 82 долларов (Ермолин, 1998). Этот автор утверждает, что в результате бесконтрольного вывоза ресурсов данного вида государством неоправданно теряется часть валютной выручки и создаются условия для утечки капиталов за рубеж. С целью поддержания и сохранения стабильного рынка этого уникального и чисто российского товара, Ермолин предлагает восстановить паритет мировых цен.

Введение именных платных лицензий «за намерения» добычи пушных видов, в том числе и соболя, исключило возможность соблюдения на практике научно обоснованных квот их изъятия. В частности, в Красноярском крае в условиях развала многих предприятий в

сельской местности число людей, пожелавших обеспечить себя заработком за счет охоты на соболя, удвоилось (Соколов, 1998). Если раньше они были любителями и тратили на охоту только свой отпуск, то сейчас стали заниматься этим промыслом в течение всего срока охоты. При этом часто выкупается более заниженная квота добычи (10—20 особей), чем позволяет продуктивность охотничьих угодий участка (Зырянов и др., 1998). Сверхлимитная добыча по более низким ценам скупается нелегально разного рода заготовителями, выводя ее из налогообложения (Соколов, 1998; Зырянов и др., 1998). Например, в Иркутском регионе до 70 % урожая промысловой пушнины скупается частными лицами, не несущими затрат по ее охране и воспроизводству. Часть пушнины и другой охотпродукции сбывается контрабандным путем в Китай (Каверзин, 2001) без оплаты налогов.

Далеко не полный перечень негативных примеров нерационального использования пушных ресурсов страны не соответствует официальному выводу Охотдепартамента, что в связи со снижением спроса на промысловую пушнину ее заготовки сократились (Лякин, 1999). Фактически опромышленные ресурсы идут в объемах 1990-х гг., а по некоторым ценным пушным видам с превышением научно обоснованных норм изъятия. Стратегия жесткого ограничения квот добычи ряда охотничьих животных, как утверждает руководитель этого главка Б. В. Лякин (Гоголев, 1998), применительно к пушным ресурсам, с внедрением именных платных лицензий, на практике не работает. В настоящее время с ликвидацией повидовой статистической отчетности почти полностью утерян государственный контроль за оборотом промысловой пушнины в стране.

По прогнозу в перспективе ожидается усиление пресса промысла на пушные ресурсы в связи с сокращением продукции клеточного звероводства. За последние десятилетия в России объем производства основного клеточного вида — норки с 11 млн шкурок в 1990 г. к настоящему времени уменьшился до 2,5 млн (Чипурной, 2001). Например, в последние сезоны в Кировском регионе на сырьевом пушном рынке даже шкурки крота, которые ранее отвергались мехообработывающей промышленностью, стали пользоваться повышенным спросом.

Введение лицензионной системы с предварительной оплатой «за намерения» добычи пушных зверей противоречит сложившемуся традиционному укладу российского охотничьего дела. Д. К. Соловьев (1925) писал: «При сравнении добычи пушных зверей, с одной стороны, и копытных зверей и птиц — с другой, нельзя не отметить того, что первые имеют преимущественное товарное (торговое) значение, тогда как

последние играют значительную роль в личном хозяйстве населения. Для собственных надобностей охотники оставляют лишь часть пушнины, основная же масса ее добывается с целью сбыта». В охотоведческих работах того периода, с учетом зарубежного опыта (Соловьев, 1919, 1925; Бутурлин, 1925; Генерозов, 1927; Житков, 1927; Кулагин, 1927), были заложены основы законодательных и практических мероприятий по организации и регулированию пушного промысла через охотника, а не через рынок: вовлечением неорганизованных охотников в товарищества, артели, союзы, обеспечением охотснаряжением, закреплением охотугодий, освобождением сдатчиков пушнины от налогов, встречной продажей дефицитных товаров, налаживанием статистики добытого. В 1927 г. В. Каверзнев писал: «Самой главной задачей в области охраны пушного зверя и упорядочения охоты вообще является просвещение охотничьих масс, их дисциплинированность, что совершенно недопустимо без соответствующей организации этих масс и без лишения в законодательном порядке неорганизованных «диких» охотников права охоты, необходимо отказаться от принципа «охоты для всех».

Внедренный принцип административного давления на обнищавшего за время реформ охотника в форме оплаты за «намерения» добычи пушных зверей исключил его из творческого ресурсосберегающего процесса их использования. Такая форма оплаты противоречит традиционно сложившейся системе охотпользования. Проследить за соблюдением квот изъятия охотниками пушных зверей по предварительно оплаченным лицензиям практически невозможно. На практике сложилась тенденция к занижению охотниками легальной добычи в 4—5 и более раз и процветанию теневого оборота пушнины. Следовательно, выявленные за последние годы нарушения правил охоты в отчетах Охотдепартамента (48,0 и 52,5 тыс. случаев за 1997 и 1998 гг.) занижены в несколько раз, а относительно нарушений добычи пушных зверей чаще всего спровоцированы некомпетентным нововведением оплаты за пушные охотресурсы. В целях неистощительного рационального использования пушных ресурсов назрела необходимость отмены индивидуальных платных лицензий на право их добычи.

Оплата за пушные ресурсы должна быть заменена на налог при ее переработке в полуфабрикат и реализации готовых меховых изделий. При этом в субъектах РФ средства должны поступать на специальный «прозрачный» счет и расходоваться целевым назначением на охрану и воспроизводство этой группы охотничьих животных. Для обоснования нашего предложения приведем экспертный анализ поступления

денежных средств от продажи именных разовых лицензий в сравнении с внутрироссийским оборотом дикой пушнины. С этой целью данные Охотдепартамента по заготовкам пушных зверей в сезоне 1998/99 г., а следовательно, и количество проданных разовых лицензий были сгруппированы по видам их ценности: 1 — соболь, бобр, выдра, рысь; 2 — барсук, енот, куница, лисица; 3 — все остальные виды. Стоимость

В настоящее время поставка шкурок соболя «Союзпушминой» на экспорт сократилась в 2,5 раза

Фото А. Лавровой

разовых лицензий соответственно по группам экспертно была принята: 42 руб., 25 и 10—20 руб.

Общее поступление средств за этот сезон по 68 субъектам РФ составило около 20 млн руб. При этом сумма по третьей пушной группе от продажи лицензий несколько завышена, так как расчет проведен не за группу в целом, как это предусмотрено постановлением Правительства, а по каждому виду в отдельности. По экспертной оценке специалистов, величина внутрироссийского современного годового оборота

денежных средств по пушному сырью определяется примерно в один млрд американских долларов, в том числе доля промысловой пушнины составляет около 165 млн долларов (Чипурной, 2001). Очевидно, сумма оборота промысловой пушнины, вследствие процветания теневого пушного бизнеса, существенно занижена. В процессе переработки с учетом розничных цен сумма товарооборота полуфабриката и готовых меховых изделий увеличивается обычно в 3–6 раз. Следовательно, введение в целесообразных размерах налога на торговый оборот полуфабриката и готовых меховых изделий позволит существенно превысить полученные средства от реализации платных лицензий. Разработка изменений платы за пушные ресурсы, определение размера налога на торговый оборот полуфабриката и готовых меховых изделий и механизм его внедрения в практику — дело специалистов-экономистов.

Напомним, до перестройки заготовительным организациям на возмещение расходов выплачивалось 25–35 % от суммы закупаемого сырья, что было недостаточным (даже убыточным), в то время как цены на полуфабрикат и готовые меховые изделия увеличивались, как правило, на 800–1100 %. Обществу охотников за содействием добыче пушнины выплачивалось 5 % от сданного охотниками-любителями сырья. Экспорт дикой пушнины тогда оценивался в 20 млн долларов в год, а доля соболя составляла около 14 млн долларов (Бакеев, Сеницын, 1998).

Предлагаемые меры позволяют легализовать охотниками добычу пушных зверей, восстановить статистику добытого, вывести из теневого оборота промысловую пушнину, улучшить финансирование госорганов по охране и воспроизводству пушных ресурсов. В соответствующих пропорциях налог должен распределяться между центральными госорганами и субъектами РФ. С целью рационального использования пушных ресурсов госорганами на уровне субъектов РФ необходимо провести организационные мероприятия: регистрацию всех юридических и физических лиц, занимающихся закупкой, переработкой, пошивом и реализацией меховых изделий из промысловой пушнины, возродить долгосрочное закрепление лучших угодий за конкретными ловцами. За путевку охотник в начале сезона арендатору угодий вносит плату (часть ее) или в конце сезона не более 5–7 % от рыночной цены реализации добытых шкурок, за вычетом затрат, связанных с добычей пушнины. Полученные суммы арендаторы угодий используют на ведение охотхозяйства, охрану и воспроизводство пушных ресурсов. До реализации добытых ценных шкурок (5–8 видов, по усмотрению госорганов субъектов РФ) подлежат обязательному биркованию специаль-

ными пломбами. Система биркования шкурок ценных пушных зверей широко распространена в мировой практике с целью регулирования квот изъятия и налогообложения. Все отступления от этого разумного правила рассматриваются как браконьерство (Бородин, Дёжкин, 1977). Сошлемся на меры по охране и использованию ресурсов бобра в Швеции. По Закону об охоте, каждый погибший бобр регистрируется полицией с выяснением причин его гибели. Каждая выделанная бобровая шкурка, а также каждое готовое изделие из меха бобра, поступающие на внутренний или внешний рынок, имеют специальные государственные пломбы. В законе предусмотрен запрет иметь бобровые шкурки без подобных пломб, предлагать их к продаже, покупать или принимать на хранение. Лица, нарушающие предписания Закона, несут тяжелые наказания, вплоть до тюремного заключения (Петтерссон и др., 1976). Предлагаемая система оплаты за пушные ресурсы направлена на установление доверительных (компромиссных) отношений на уровне арендатор угодий — охотник. Биркование пломбами ценных шкурок будет играть роль регулятора в соблюдении квот изъятия и их сбыта в системе охотник — покупатель (заготовитель). Эта система будет содействовать также повышению качества через соблюдение сроков отлова и первичной обработки сырья.

Следует акцентировать внимание специалистов на необходимости восстановления повидовой статистической отчетности. Основы инвентаризации охотресурсов и их рационального использования специалистами 1920–30-х гг. на практике одновременно решались тремя путями: разработкой повидовых учетов численности, организацией постоянной массовой корреспонденческой сети «службы урожая» (Формозов, 1942), использованием статистических сведений по их добыче. Эта триада успешно развивалась и функционировала вплоть до 1990-х гг.

Известно, что для оценки ресурсов того или другого вида в зависимости от региона, сезона, биологического цикла, размера площади угодий применяются комплекс методов с использованием в большинстве случаев косвенных следов деятельности животных. И лишь анализ их результатов позволяет специалистам конкретным хозяйствам определить чаще всего состояние относительной, а не абсолютной численности конкретного вида. Следовательно, нет оснований местным госорганам игнорировать ресурсные сведения по охотничьим хозяйствам, дискредитируя сложившуюся систему учетных работ (Любченко, Мамаев, 2001). Это же самое касается политики централизованного установления лимитов и норм добычи охотничьих животных непосред-

ственно федеральными органами на основе усредненных данных ЗМУ, отождествляя их с абсолютными величинами. Определять квоты изъятия — дело местных органов и конкретных хозяйств.

«Служба урожая» успешно продолжает функционировать при ВНИИОЗе, однако ее результаты, вследствие межведомственной несогласованности, остаются слабо востребованными практикой.

Статистические сведения до реформ, с определенными коррективами на оседание пушнины, широко использовались специалистами с целью научного обеспечения «более гибкого планирования охоты и заготовки». Они необходимы для определения продуктивности угодий при охотустройстве (Данилов, 1953), ведения кадастра и мониторинга. Данилов особенно обращал внимание на то, что обезличка в использовании угодьями мешает нормальному их опромышлению, что она становится тормозом в развитии охотничьей промысла в основных пушных районах страны.

Для решения проблемы охраны, воспроизводства, мониторинга и неистощительного рационального использования пушных ресурсов необходимо действующую лицензионную систему оплаты (Постановление Правительства № 1 от 04.01.2000) изменить на налог с торгового оборота полуфабриката и готовыми меховыми изделиями, внедрить биркование ценных шкурок государственными пломбами, а также проводить комплексную оценку состояния ресурсов через альтернативные методы учетов, использование «службы урожая», восстановление повидовых статистических сведений. В соответствии с Законом РФ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», которым допускается возврат к государственной монополии на экспорт и импорт отдельных товаров, восстановить монополию на внешнюю торговлю ценными видами промысловой пушнины (Ермолин, 1998).

Законодательно закрепить принцип ведения охотничьего хозяйства России на профессиональной основе, в Концепции Охотдепартамента (1998) этот метод проигнорирован.

обыкновенный погоныш, или просто погоныш, можно сказать, «основатель» большого рода погонышей. Близкие его родственники, но не двойники — малый погоныш и погоныш-крошка, обитающие иногда совместно.

Погоныш немного крупнее своих «собратьев» и расцветка его иная. Сразу бросаются в глаза великолепные белые и темные полосы по бокам стройного туловища. Весь он усыпан белыми крапинками по буро-охристому фону, особенно в передней части. Это — главный его отличительный признак. У поляков он так и называется — «курочка накрапная». Всех погонышей в народе называют курочками. В Мазурских болотах Польши — это одна из самых обычных и многочисленных птиц.

Но особенно он запоминается своим голосом в брачный период. Весной, когда земля просыпается от зимнего сна, по утрам и вечерам и всю ночь в осоковых зарослях раздается неугомонное «вить-вить-вить». Кажется, только на полчаса-час птица утихает, а с первым проблеском зари возобновляет свою песню — это прилетели погоныши из дальних стран. Токует погоныш на кочках среди высокой осоки, часто поворачиваясь и перебегая с одной на другую. И неустанно поют «вить-вить-вить».

На территории, занимаемой погонышем от Западной Европы через среднюю и южную полосу России, Беларусь, Украину, Молдову до Западной Сибири и бассейна Енисея, он встречается везде спорадически и фрагментарно. Характер расселения определяется соответствующими биотопами, которые представляют собой значительные площади разнотравно-злаковых и осоковых массивов на сырых и заливных лугах и участках мелкого невысокого тростника.

В пойме р. Мжа любимым местопребыванием погоныша стали осоковые заросли, раскинувшиеся сплошным массивом на многие сотни метров. Погоныши легко пролазят среди густой осоки, свободно ориентируются в ней и неизменно весной прилетают на одни и те же места. Здесь они чувствуют себя в безопасности и спокойно выводят потомство.

Среди высокой осоки обитают светлые луговые муравьи — лазиусы, строящие большие кочки из песка и почвы. Такие кочки, вкрапленные в траву, погоныши используют для токования, а позже — для постройки гнезд. Здесь крошечные пуховички будут перебегать от одной кочки к другой, укрываясь на них от воды и сырости.

К размножению погоныши приступают в двухлетнем возрасте. В образовании пар у них наблюдается интересная особенность: после наиболее интенсивного токования, когда пары уже определились, начинаются разнообразные брачные церемонии. Ведущая роль принадлежит самке. Она преследует самца на воде, суше или в полете. В это время птицы довольно молчаливы. Такие игры особенно активны в теплую

Погоныш

Н. РУЧКИН

дождливую погоду, когда идут обложные, но легкие дожди с небольшими перерывами. Увлечшись, птицы вылетают на открытое пространство, и тогда их можно хорошо рассмотреть. После спаривания погоныши занимаются ритуальной чисткой оперения.

Гнездовой участок птицы выбирают там, где наиболее густо стоят кочки, и на одной из них строят себе гнездо. Оно имеет высокие стенки и надежно сделано из таких же осоковых, мятликовых и листьев других трав, аккуратно переплетенных. И всегда хорошо укрыто с боков и сверху естественной крышей. К гнезду ведут один-два прохода. В строительстве принимают участие и самец, и самка.

Полная кладка состоит из 8—9 яиц, плотно лежащих друг на друге. У них на охристо-глинистом фоне расположены бурые и серые пятна. Насиживание начинается с откладки половины яиц, насиживают попеременно оба супруга. В это время, когда один сидит на яйцах, другой находится рядом с гнездом — кормится, отдыхает и одновременно зорко следит за окружающей обстановкой. Длительность инкубации 18—19 дней. Как и у малого погоныша, птенцы вылупляются не сразу, а в течение 4—6 дней. Первых птенцов, обсохших в гнезде, водит и кормит самец, а самка продолжает насиживание оставшихся яиц.

Родители водят и кормят свой выводок долго — более 20 дней. Черненькие маленькие птенчики, круглые и пушистые, трогательно трепещут малюсенькими крылышками и часто-часто трясут головками, выпрашивая корм. Особый, чуть слышный писк служит сигналом для обогрвания озябших

малышей. Первое время они часто мерзнут на сырых осоковых лугах, и периоды кормления регулярно сменяются периодами обогрвания, которые длятся дольше. Взрослые птицы подкармливают и опекают своих птенцов, пока те не станут на крыло.

После окончания размножения, в августе, погонышу свойственно, в отличие от других пастушковых, часто появляться в нетипичных для него стациях. В это время его можно встретить в густых лозах кустарников ивовых, заламах высоких тростников, где холостые погоныши и взрослые самостоятельные птенцы живут совместными стайками с такими же молодыми водяными пастушками и малыми погонышами.

Обилие животных кормов во второй половине лета привлекает погонышей, и они часто посещают всевозможные болотистые места, где находят надежное укрытие и богатый корм. А в конце лета начинают потихоньку подвигаться к югу. Вначале перелет имеет характер кочевков, а чем ближе к осени, тем птицы летят все дружнее и активнее. Летят погоныши непременно ночью и всегда в одиночку, ибо пары в это время у них уже распадаются до следующей весны.

Зимовки европейских погонышей находятся в Восточной Африке и в долине Нила. Некоторые популяции зимуют значительно ближе — по западному побережью Черного моря, в Крыму и в странах Северного моря.

Не раз приходилось мне, проводя наблюдения над птицами, возвращаться глубокой ночью. И всегда, проходя через болотистые луга, что на Мже, я слышал знакомое «вить-вить-вить». Все остальные птицы давно умолкли, и даже дроздовидная камышовка — известная ночная певунья до хрипоты — и та уснула. И только все ближе и ближе раздается... уже не отрывистый пошвист, а будто удары хлыстом. Оттого и погоныш — как бы погоняет.

Фото автора

Первый чемпионат

А. ОНЫЩУК, И. ОНЫЩУК, эксперты РАЛББ. Фото В. Животченко

По полю неслись борзые. «Ату его, ату!» — слышалось со всех сторон. Часто меняя траекторию, «заяц» бежал из всех сил, стараясь оторваться от собак. Хорошо обученные борзые были самыми настоящими. Преследование доставляло им огромное удовольствие, несмотря на то, что заяц был искусственный — механический. Азарт борзятников и многочисленных зрителей тоже был настоящий, охотничий.

Солнечным днем в Парке Дружбы, что на Фестивальной улице, прошел Первый чемпионат России по курсингу. Соревнования открыла Главный судья чемпиона-

та — Г. Б. Полякова — руководитель Бегового клуба кинологического племенного центра «Элита». Курсинг — это тренировка и испытание охотничьих качеств собак в условиях, приближенных к полевым. Это отличная подготовка борзых к охоте за настоящей добычей и азартное, очень красивое зрелище.

Курсинг как вид спорта для борзых возник в Англии. В 1776 г. был создан первый Курсинг-клуб для грейхаундов. Позже в этих испытаниях стали принимать участие и другие представители многочисленной группы борзых — уиппеты, афганы, русские псовые и др.

Современный курсинг — это любительский вид спорта. Трасса курсинга, по которой движется приманка, линия не прямая, а ломаная с частыми поворотами. Ее длина от 600 до 1000 метров. Для мелких пород — уиппетов и левреток — от 400 до 600 метров. На трассе могут выстраиваться небольшие препятствия в виде ям с водой и снопов сена. В отличие от спортивных бегов, в курсинге собаки оцениваются по нескольким показателям: скорость и ловкость, ум и выносливость, поимистость и общие впечатления от прохождения дистанции — по 100-балльной шкале. Именно эти качества борзой оп-

по курсингу

ределяют успех в преследовании зверя и класс собаки.

В Первом чемпионате России по курсингу было заявлено 36 собак пяти пород: афганы и афганские аборигенные борзые, русские псовые, уиппеты и грейхаунды. По правилам курсинга в каждом забеге стартовали две собаки одной породы, одинакового пола и возрастной группы.

Первыми чемпионами Российской Кинологической Федерации по курсингу стали: в породе афган — Хаджи Аль Араби Иордан и Линда (владелец А. Б. Першин), в породе русская псовая борзая — Амбир Русич (владелец Т. В. Маллинг) и Пулька

(владелец В. Косынкин), в породе афганская аборигенная борзая — Найджел (владелец И. Л. Нежникова), в породе уиппет — Воляр Блэк Шарк Элтон (владелец Н. А. Мурадымова) и Сафо Жоли Фий (владелец Н. Т. Тарумова). В породе грейхаунд принимали участие молодые собаки по классу юниоров. Первую в своей жизни победу одержал Элвис Блэк Эрроу (счастливый владелец — Е. Лазутина).

Первые официальные соревнования по курсингу в России прошли, положив начало прекрасной традиции отличного тренинга, восхитительного зрелища и честной борьбы.

1. Главный судья чемпионата Г. Б. Полякова (в красной кепке) и руководитель бегов, вице-президент РАЛББ А. Оныщук
2. Афганские аборигенные борзые перед стартом
3. Старт
4. Приехали (русская псовая борзая в автомобиле)
5. Награждение победителей в породе русская псовая борзая
6. Зрители
7. Афганская аборигенная борзая
8. Скачка афганов
9. Искусственного зайца заносят к месту старта
10. Грейхаунды догоняют...

Ярослав Русанов: «Охоты в России»

Зверовые охоты

На зайцев

Зайцы — кто их не знает? Кому не знаком их длинноухий, куцехвостый облик? Кто, хотя немного живший на лоне природы, не вздрагивал от стремительного прыжка выскочившего из-под ног «косого»? Кому не случалось рассматривать их какие-то простодушно откровенные следы на снегу или следить ночью из машины за удирающим в свете фар зверьком? Таких людей найдется немного — зайца знают все. Хотя охота на этих робких грызунов как-то не соответствует гордому названию «зверовая».

В России обитает 4 вида зайцев: исконный обитатель леса — заяц-беляк, житель открытых степных и полевых ландшафтов — заяц-русак, заселяющий пустынные и полупустынные уголки юга страны — заяц-талай и, наконец, маньчжурский заяц, обитающий в лесных уголках Дальнего Востока. По широте распространения, обилию и охотничьей значимости первенствуют несомненно два первых вида. Охота на них начинается осенью, примерно с октября, если, конечно, органы управления охотничьим хозяйством не измыслят повод для задержки ее открытия до ноября. Она может проводиться многими способами, но нужно сразу сказать, что тот из них, который наиболее распространен в странах Европы, а именно охота загонном, у нас, как правило, малоэффективен. В наших достаточно суровых климатических условиях численность зайцев редко достигает того уровня, который необходим, чтобы загонная охота была оживленной, веселой и добычливой. Одно дело, когда с сотни гектаров можно выгнать несколько десятков зайцев, и совсем иное — когда на этой площади имеется всего 1–2 зверька. Стоит ли ради этого «огород городить» — собирать загонщиков, расставлять стрелков и вообще осуществлять всю достаточно трудоемкую процедуру загона? Только в отдельные годы, в отдельных районах при так называемых «пиках» зая-

чьей численности — этот способ охоты дает хорошие результаты. И тогда он используется. Обычно же на зайцев мы охотимся с гончими собаками или с подхода, отыскивая зверьков там, где они имеют обыкновение ложиться на дневной отдых, либо вытрапывая их по следам, при наличии снега, иногда подкарауливая их в местах ночных жировок.

Вне всякого сомнения, наиболее интересной и волнующей является стрельба зайцев из-под гончей собаки. Участие собаки, ее «работа» наполняют охоту каким-то особым эмоциональным содержанием, дополнительными ощущениями и украшают ее.

Гончатнику, который скажет, что не стал стрелять замеченного на лежке зайца, чтобы послушать, как его погоняют собаки, я поверю. Поверю, зная, что для страстного любителя звуки хорошего гона бесконечно драгоценнее убитого зверька. Трудно сказать — в чем завораживающая сила этих звуков. Многие связывают ее с красотой тембра и общей музыкальностью голосов гончих собак, и во многом они правы — лай кровной гончей совершенно не похож на бреханье и твяканье остальных представителей собачьего племени. Но мне все же кажется, что дело не только в этом, а в той неимоверной, яростной, всепоглощающей страсти, которая звучит в голосах побудивших зверя и идущих по его горячему следу гонцов. Она заражает, она словно приобщает нас к азарту погони, жажде преследования, к той борьбе, где стремлению догнать и схватить противостоят быстрота ног и всяческие хитрости, порожденные желанием спастись. Чем азартнее (а не музыкальнее) гон, тем больше он нас волнует, доводя порой до полного самозабвения и экстаза.

Среди охотников-дилетантов бытует в высшей степени нелепое убеждение, что гончая собака или собаки «нагоняют» зверей на охотника. После оконча-

ния охоты нередко доводится услышать, как некто огорченный неудачей сетует и возмущается:

— Дрянн у вас собаки! Видели ведь, что я на этой полянке стою, два с лишним часа гоняли, а на меня так и не выгнали. И на черта таких держать?!

Винить здесь собак глупо. Гончая идет по следу зверя и никак не может изменить направление его хода. Охотник сам должен угадать или подметить, где имеется наибольшая вероятность перехватить спасающегося от собаки зайца, и получить возможность выстрела по нему. В этом и заключается залог успеха.

Зайцы под гоним почти всегда ходят по уголкам кругами. Эти круги, а вернее, неправильные замкнутые линии имеют зачастую довольно затейливую конфигурацию. Зверек бежит не просто «куда глаза глядят», а по совершенно определенным участкам полей или леса, там, где ему легче идти или где он надеется скорее отделаться от преследования собаки. Видимо, у каждого зверька есть в уголках свои «тракты», так как каждый заяц ходит под гоним по-своему. Но эти пути отдельных зверьков нередко пересекаются или сходятся в каких-то местах. Где бы ни были подняты зайцы, каждый из них обязательно и не раз пройдет такими излюбленными «лазами». По характеру эти места могут быть очень различными: перекресток дорог или просек, перемычка, соединяющая два участка

чащи, опушка, пролом в изгороди, бровка канавы, мостик через ручей и т. д. Кроме того, заяц то и дело возвращается к своей лежке, т. е. к месту, где он был поднят. Круговой ход зайца нередко перемежается прямыми переходами из одного массива угодий в другой и обратно.

Заяц-русак обычно ходит очень широко. От места подъема он может уйти на несколько километров, так что даже звучный голос гончей потеряется вдали. Он может закатить по угодьям круг в два-три километра диаметром и к лежке выйдет не скоро. При этом пойдет он чаще всего полями, дорогами, межами и бровками канав, а зайдя в лес, будет придерживаться редины, полян и широких просек.

Совершенно иное дело — беляк. Он ходит обычно на очень малых кругах и обязательно старается пролезть самым крепким местом. Чаща молодняка, лес с густым подростом и подлеском, сухое или промерзшее болото с ивняком и высокой некоей, захлапленная заросшая вырубка — вот излюбленные места его хода. Поляну всегда беляк перейдет там, где она всего уже, из одного массива чащи в другой переберется там, где они ближе всего сходятся, по просеке или лесной дорожке если и пробежит, то немного, а чаще всего их только пересекает.

Руководствуясь этими особенностями поведения зайцев, следует выбирать место под гоним. Долго охотясь с гончими в одном и том же районе, быстро удастся выяснить места постоянных заячьих переходов. В новых же местах приходится выбирать лаз, сообразуясь только с характером местности, знанием заячьих повадок и направлением гона.

Охотясь с гончими, многие, особенно молодые охотники, делают одну и ту же ошибку — они слишком много передвигаются по угодьям, стараясь перехватить зайца. Чуть только отдастся голос собаки, и они уже оставляют выбранный лаз и мчатся туда, откуда доносится гон. При этом они забывают, что заяц идет намного впереди собаки и мы, стараясь быть как можно ближе к последней, чаще всего попадаем туда, где он уже прошел. Кроме того, заяц всегда услышит спешащего ему наперехват человека и отвернет в сторону, избегая опасной встречи. Таким образом, постоянно перебегая с места на место и чуть ли не по пятам гонясь за гончей, наверное, ничего не убьешь. Мало того, на коллективных охотах таким поведением обязательно помешаешь товарищам. Беготня под гончими сбивает зайца с выбранного им хода, он начинает ходить напрямиком, уходит далеко, и дожидаться его даже на верном лазу становится трудно.

Первое, что следует сделать, услышав начавшийся гон, это постараться как можно точнее определить место, где зверек был поднят. Как уже говорилось, место лежки — самый надежный пункт для ожидания зайца, самый

верный лаз. Обычно после первого круга зверек сюда возвращается, чтобы сдвоить и запутать след. Иногда он приходит к лежке не сразу, а после двух, трех или большего числа кругов, но приходит обязательно и попадает под выстрел. Если же место подъема определить не удалось, то нужно по звуку гона постараться определить направление движения зайца и попытаться перехватить его в каком-либо подходящем для его хода месте. Став на лаз, нужно спокойно ждать, соблюдая тишину и относительную неподвижность. Покинуть выбранный пункт есть смысл только в том случае, если по звуку гона слышно, что зверек раз за разом проходит каким-то одним и тем же местом. Перейти туда явно целесообразно. Занимая лаз, следует следить, чтобы кругом открывался достаточно широкий обзор для того, чтобы заметить и отстрелять зайца, когда он появится.

Вот те правила поведения охотника на охоте с гончими, в выполнении которых кроется залог удач при прочих благоприятных условиях, т. е. при хорошей работе собак, наличии в угодьях зверя и благоприятной погоде.

Поднять зайца с лежки, наткнувшись на него или отыскав его по жировочным следам, способны многие собаки, а не

охота на зайцев из-под собаки возможна только с гончими. Именно последние обладают совершенно специфическими свойствами, необходимыми для этой охоты. Сюда относятся: настойчивое стремление во что бы то ни стало отыскать зверя, неутомимое преследование его по следу, сопровождающееся постоянной отдачей голоса, который у гончей должен быть звучным и доносчивым, умение быстро разобраться во всех уловках, к которым зверь прибегает, чтобы запутать свой след. Если гончая обладает этими основными свойствами, то с ней самый неопытный, начинающий охотник, в конце концов, убьет зайца. Если же собака ищет лениво, преследует зверя недолго, не умеет или не желает отыскивать потерянный след или гонит зверя молча, то убить из-под нее зайца зачастую оказывается непосильно и многоопытным охотникам.

На подъем зайца, даже хорошей собакой, нередко уходит много времени. Особенно это бывает в дни, когда ночные следы зверьков смыты дождем или засыпаны снегом. Заяц на лежке дает мало запаха, и собаке его трудно почувствовать. В этих условиях охотник может помочь собаке побудить косога. Для этого стоит, не жалея себя, пробираться теми, иногда очень неудобными для

Увидеть сразу двух русаков — большая удача

Фото А. Севастьянова

только гончие. Гнать зверька какое-то расстояние (иногда очень большое) по следу молча или с голосом могут и лайки, и континентальная легавая, такса и даже некоторые самые обыкновенные дворняжки. Тем не менее настоящая

ходьба местами, где заяц, скорее всего, может лежать. При этом полезно покрикивать, трещать валежником или постукивать по стволам деревьев с тем, чтобы напугать зайца и заставить его встать с лежки и дать след.

По черной тропе (пока земля еще не покрыта снегом) для охоты с гончими лучше всего тихие, безветренные, пасмурные дни, когда и земля и прибитый дождями слой опавших листьев мягки, мокры, когда неподвижный воздух наполнен мельчайшими частицами влаги, а серое небо словно опускается на неподвижные вершины оголенных деревьев. В эти дни след зайца более пахуч и дольше сохраняет свой запах. Гончие по мягкой тропе не сбивают ног, а голоса их доносятся к охотнику особенно звучно. Не беда, если даже моросит дождь, но именно мелкий, сеющий словно сквозь сито, не заливающий следов и не смывающий моментально их запаха. То же и после выпадения снега. Гон хорош в сравнительно мягкую тихую погоду, но без снегопада. Хуже всего для охотника сухая или морозная погода, а также сильный ветер, при котором потерять собак со слуха ничего не стоит. В неблагоприятные для охоты дни с собаками лучше вообще не ходить.

Заяц не крепок на рану, особенно при попадании дробы по его передней части, однако и для него нужно ружье с достаточно резким боем и соответствующие номера дробы. Дело в том, что при стрельбе на большие расстояния, при малой резкости боя ружья или при чрезмерно мелкой дробы последняя путается, закатывается в густом заячьем пуху и удар ее ослабляется.

С осени зайца можно убить и пятым номером дробы, но к зиме, когда он окончательно вылиняет, лучше всего употреблять дробь 3—1 номеров (в зависимости от боя ружья). Увидев идущего в ноги зайца, совершенно не нужно стараться напустить его как можно ближе. В десяти-пятнадцати шагах, когда заряд идет пулей, промахнуться очень легко и та точность прицела, которая на тридцать-сорок шагов обеспечила бы верное попадание, здесь оказывается недостаточной.

Угонного зайца следует полностью закрывать стволами так, чтобы над мушкой ружья были видны только его уши. Стреляя по встречному зайцу, нужно целиться в кончики его передних лап. Зайцу, проходящему мимо охотника, целиться нужно прямо перед грудью.

Входить на охоту с гончими лучше пораньше, так, чтобы к рассвету быть уже на месте охоты. В это время собаки еще хорошо чувствуют запахи ночных заячьих следов и им легче по ним отыскивать зверька. В это время есть смысл пускать гончую в поиск прямо с мест предполагаемых заячьих жировок: с озимей, окрайков полей, больших полей и опушек. Только в дни с сильными утренними заморозками имеет смысл задержаться с выходом с тем, чтобы тропа немного отмякла. Когда с гончими охотятся вместе два-три человека, согласованность их действий обычно достигается сама собой. Следует толь-

ко помнить следующее: не положено стрелять издали по зайцу, хорошо идущему на товарища, не следует, заметив, что кто-то из спутников стал на хорошем лазу, забегать вперед и становиться перед ним, чтобы перехватить возможный выход зверя, совершенно недопустима и стрельба в сторону товарища по охоте или по неясно видимой цели, нельзя даже, увидев зайца, криками и выстрелами наманивать собак, если они в это время гонят. Соблюдение этих правил необходимо всегда.

Если с гончими охотятся компанией, то совершенно необходимо перед охотой выбрать ее руководителя. Ему предоставляется право определять направление движения порсканьем и свистом, подбадривать и направлять собак. Он следит за соблюдением участниками охоты правил поведения и безопасности. На время охоты его распоряжения обязательны для всех участников.

Несоблюдение этого правила неизбежно ведет к тому, что из коллективной охоты ничего путного не получается. Либо охотники разбредутся по угодьям и потеряют друг друга, либо кто-нибудь из них отобьется в сторону и увлечет за собой собак, либо беспорядочной беготней под гонимом вся стройность и весь правильный ход охоты будут нарушены.

Участники коллективной охоты должны спокойно идти, растянувшись неширокой цепью, в направлении, выбранном ведущим, ориентируясь на его голос. Они обязаны идти молча. Только если кто-либо из них увидит поднявшегося зайца, он может начать накликать собак, если они в это время не гонят.

С началом гона все участники охоты должны быстро выбрать себе места, где они будут выжидать выхода зверя и без особой надобности с них не уходят.

Убив вышедшего на него зайца, охотнику следует криками «готов» или «дошел» известить товарищей о своей удаче, но до выхода собак с места не сходить. Дело в том, что под выстрел нередко попадает не гонный, а шумовой заяц, и после его отстрела гон продолжается.

После выстрела по зайцу, если последний не убит, нужно внимательно прислушиваться к голосу гончей — не смолкает ли он внезапно. Если это случилось, следует незамедлительно поспешить к месту, где смолкла собака, так как очень возможно, что она или заловила подранка, или дошла до павшего после ранения зайца. Торопливость такой проверки — залог того, что вы найдете зайца более или менее целым, а не разорванным в клочья или, попросту, не съеденным. Полагаться в отдалении от хозяина зайчатиной гончие обычно большие любители.

Окончание следует

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Потапов Л. П. Охотничий промысел алтайцев. Спб.: Петербургское издательство, 2001. — 500 экз. 167 с.

Л. П. Потапов — ученый с мировым именем, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии и премии Американского фонда по изучению шаманизма. В 1996 г. получил золотую медаль от Индианского университета; в телеграмме президента говорилось: «...хочется выразить свое восхищение Вашей жизнью, посвященной развитию алтаистических исследований». Леонид Павлович Потапов дожил до 95 лет и был в курсе всех событий, живо интересовался делами страны и родной науки — сибиреведения. Книга вышла в свет уже после смерти автора.

Широко известен и сын Л. П. Потапова — Рольф Леонидович Потапов, доктор биологических наук, директор Зоологического музея АН, крупный орнитолог, автор раздела о куриных птицах в издании «Птицы СССР» и многих других книг, в том числе и научно-популярных: «В Тигровой балке», «Неведомый Памир», «Тетеревинные птицы» и др.

Сын Рольфа Леонидовича Потапова — Евгений был одним из любимых учеников проф. А. С. Мальчевского. После окончания биологического факультета ЛГУ уехал в Магадан, где изучал хищных птиц тундры. Потом в сложнейшем конкурсе выиграл право на бесплатноехождение курса аспирантуры в Оксфордском университете. Стоимость этого курса (в 1990 г.) составляла 24 000 фунтов. Через три года, первым из российских зоологов, получил оксфордский диплом доктора. Вернулся в Магадан, в свой институт, где работает и поныне. На данный момент, получив иностранный грант, изучает зоологию соколов (алтайского кречета и балобана) в Монголии.

Дочь Р. Л. Потапова, Ольга Потапова, тоже орнитолог, изучает ископаемых птиц, а точнее — фауну птиц четвертичного периода Урала, Кавказа и Крыма. Ее работы в этом направлении так же широко известны, и она неоднократно выступала с докладами на международных конференциях, подготовила к защите кандидатскую диссертацию.

Такова молодая поросль Леонида Павловича Потапова.

М. Калинин

Кучеренко Сергей. Трудное детство тигра. Хабаровск: Хабаровская краевая писательская организация, 2000. — 500 экз. 65 с.

Это новая повесть С. П. Кучеренко, известного охотничьего писателя и ученого, больше 30 лет профессионально изучающего тигра. Автор с глубоким чувством сопереживания рассказывает о бедственном положении тигра Амбика в Уссурийской тайге. Книга предназначена для детей среднего и старшего школьного возраста, но интересна всем любителям природы.

М. АЛФЕРОВ,
эксперт-кинолог II категории по породе
и испытаниям гончих

Прочитав статью эксперта-кинолога Всесоюзной категории по гончим А. Шарафутдинова в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (№ 12, 2000) «Не загубить бы гончих», хочется высказать свои мысли, и не только свои, но и мнения всех гончатников от Тамбовской области.

Я занимаюсь с гончими и вожу гончих вот уже тридцать лет. За эти годы перевидал и сам вырастил много гончих. Брали мы щенят от многих знаменитых заводчиков Москвы и Московской области, работоспособными вырастили только единицы, несмотря на кучу полевых дипломов у родителей.

Состязания — это карточная игра с очень жесткими правилами, и если действительно какая-то очень достойная гончая не доработала до дипломного показателя, то не стоит огорчаться. Если она действительно хороший, вязкий, чутыистый, мастеровитый гонец, то покажет свои достоинства на других состязаниях, благо они стали проводиться часто. Говорить о том, что новые правила испытаний были разрабатаны и введены в жизнь келейно, не совсем правильно. Обсуждение повышения требований к правилам испытаний и бонитировки гончих идет начиная с 1956 г. Уже тогда в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (№ 12) Б. Протасов писал, что составители правил снизили требования к полевым качествам гончих.

В. Подсевалов в статье «Об оценке чутья гончих» сетует на то, что в правилах 1972 г. оценка чутья, привязанная к мастерству, слишком ущербна, и это влияет на племенную работу.

В статье «Какие же гончие нам нужны» (№ 1, 1981) В. Ермолинский говорит об изменении правил бонитировки при вхождении в класс «элита» и требует ужесточения требований. Об улучшении рабочих качеств гончих очень хорошо и своевременно, в то время, писал А. Романенко (№ 6, 1986). Его поддержал и одобрил в своей статье «Больше заботы о гончих» Б. Марков (№ 8, 1986). Хорошие предложения по усовершенствованию правил бонитировки дал Н. Рубен, «Статью приветствую, но не совсем согласен» (№ 4, 1987). Качественный уровень гончих беспокоил Б. Дмитриева — эксперта Всесоюзной категории (№ 5, 1987), статья «Гончие: итоги обсуждения».

В каждой статье и до сегодняшнего дня стоял и стоит вопрос о несовершенстве правил испытаний рабочих качеств гончих и их бонитировки. Писали не рядовые охотники, а эксперты высоких категорий, и каждый автор предлагал какие-то изменения и до-

полнения к правилам в отдельных элементах расценочной таблицы, чтобы ограничить доступ бездарных собак к племенной работе. Если говорить об увеличении времени на продолжительность работы гончей на гону, то, помоему, А. Шарафутдинов зря «ломает копыя». Время на работу гончей выравнилось до часа и сравнялось с работой перводипломника по старым правилам, а расценка по степеням дипломов из часовой работы была и в старых правилах, просто их взяли за основу и утвердили, и, по сути, нового-то ничего и нет. Убралась лазейка получать дипломы недостойным гончим и ловким владельцам от охоты, вот и все.

Еще А. Шарафутдинов пишет, что за увеличенное время все равно нельзя выявить полнее все рабочие качества. Конечно, за час работы в полной мере определить работоспособная ли гончая, тоже сложно, ведь на охоте от собаки требуется не час работы, а порой целый день, да еще на другой день надо работать, но отсеять собак, которые и час не отработывают, можно. Оправдываться, что собаки на весенние и осенние испытания выставляются после большого перерыва в работе, несерьезно: мы все знаем, что весенняя нагонка начинается в основном с 15 апреля, а в некоторых регионах и раньше. Охотники, готовые выставлять своих гончих на испытания, к началу испытаний делают до 30 выходов в поле, на нагонку, а осенью и того больше.

Новые правила неудобны именитым заводчикам, которые держат по десять и более гончих, где уж им набрать столько времени, чтобы всех подготовить к полевым испытаниям. Вот и сидят собаки в вольерах от выставки до выставки, сохраняя экстерьерные формы и теряя рабочие качества. Ведь только постоянная работа в поле развивает, закрепляет и усиливает заложенные природой рабочие качества, передаваемые потомству. И пусть те немногие гончие, которые выдержат испытания и состязания по новым правилам, оставят след в племенной работе и дадут продолжение своего племени.

Меняется окружающая среда, повышается требование к чутью гончих. Должны меняться и правила полевых испытаний, при помощи которых мы улучшаем племенную работу с породой.

А. Шарафутдинов считает, что большую часть охотников лишили интереса к участию в полевых испытаниях гончих и тем самым отстранили их от племенной работы. Но думаю, — не будут принимать участие в работе лишь те охотники, которые не уверены, что их гончие отработают отведенные им шестьдесят минут на гон.

Не стоит ссылаться на англичан: им не надо менять правила парфорсной охоты, которые существуют 300 лет. У них, как и 300 лет назад, и в настоящее время содержатся стаи травильных гончих, и охота ведется парфорсная. В нашей необъятной России никогда не было парфорсной охоты, стайная или комплектная охота с гончими и борзыми канула в Лету, а содержится гончие-одиночки, от которых требуется многочасовая работа, чтобы компания из двух-трех охотников могла добыть трофей, а не 15-минутная работа, которая требовалась от стаи гончих, чтобы выставить зверя из острова. С тем, что охота с гончими — активный отдых, никто не спорит, но, если гончая не получила диплома, это не значит, что отдых не удался.

Настоящий гончатник будет еще больше уделять внимания полевым занятиям со своей собакой, чтобы получить полевой диплом. И если она достойна диплома, она его получит и на следующую весну или осень. И еще хочется вернуться к ранее сказанному об истории: правила полевых испытаний гончих постоянно претерпевали изменения начиная с 1900 г.: в 1911, 1925, 1939, 1947, 1954, 1959, 1972 и до сегодняшних новых правил. Это и есть наша история.

По белой тропе. Перед началом охоты
Фото В. Животченко

На соболя с лайкой

А. БЛЮМ

На территории нашей огромной страны обитает немало пушных зверей, но гордость России — это, безусловно, соболь, который всегда ценился очень высоко и в самой России и за ее пределами. Основной составляющей ясака, который платили сибирские народы русским царям, был соболь. Популярность этого меха в мире была столь велика, что к началу двадцатого века соболь сохранился, наверное, не больше чем на десятой части своего ареала и во многих регионах традиционного соболиного промысла (Предбайкалье, Забайкалье, Якутия и др.), след этого зверька в тайге стал большой редкостью. Добыча соболя охотником была свидетельством не только мастерства промышленника, но и великой удачи. Именно отсюда пошло уважение к охотнику-соболятнику. Времена изменились, усилиями наших охотоведов соболь снова превратился в вид, обычный для сибирской тайги, но уважение к охотнику, промысляющему соболя, осталось прежним.

Несмотря на то что численность соболя многократно возросла по сравнению с периодом депрессии, он остался типичным таежным зверьком, и охотники из глухих таежных деревень вынуждены уходить за соболем за 10—15 км и обустраивать свой участок избушками, так как дойти за день до соболиных угодий, поохотиться и вернуться домой в течение одного дня практически невозможно. Соболевый охотник, будучи даже любителем, такой человек, который живет жизнью промысловика-таежника на протяжении всего периода своей охоты и зачастую в одиночку. Охота на соболя дает право если не войти, то по крайней мере приблизиться к клану настоящих профессиональных таежных охотников.

Иногда случается слышать такие разговоры: «Ну соболь, ну и что? И куницы бывают не хуже!» Верно, бывают, но редко. Мех соболя очень разный, и зависит это прежде всего от районов его обитания. По качеству меха его издавна делили на несколько «кряжей». В настоящее время их, по-моему, восемь: тобольский, алтайский, минусинский, енисейский, амурский, баргузинский, якутский и камчатский, а раньше их было еще больше. Основные отличия между кряжами — это общий цветовой фон, цвет подпуши, а также дли-

Автор статьи со своим верным помощником на охоте

на и шелковистость ости. Каждый кряж делится еще на четыре характерных для себя цвета: первый — самый темный, второй — несколько светлее, третий — еще светлее и четвертый — самый светлый. Самый простенький соболек тобольский, дальше на восток качество меха возрастает, и лучшими считаются последние три в вышеприведенном перечне. На мой взгляд, самый замечательный — это баргузинский. Мне не приходилось в Баргузине (восточнее побережья Байкала) самому добывать соболей первого цвета, но я видел несколько у местных охотников и на заготпункте. Красота, конечно, необыкновенная! Голубоватая подпушь и почти черная переливающаяся ость с искорками седины. Поистине царский мех!

Соболь добывают двумя основными способами: с собаками и капканами. Штатные охотники промысловых хозяйств пользуются обоими. Обычно они в самом начале промыслового сезона оборудуют свои путики капканами и одновременно охотятся с собаками до тех пор, пока снег им позволяет это. Охоту только с собакой, как правило, практикуют охотники-любители, нахождение в тайге которых ограничено по времени. Именно об этом способе мы и поговорим подробнее.

Начнем с натаски собаки. Если собака никогда раньше не работала по соболю или кунице, т. е. не знает этого запаха, ее нужно целенаправленно учить, но непременно условием успеха обучения должно быть наличие у нее охотничьего азарта и хотя бы небольшого опыта охоты в лесу, например, на белку. Задача упрощается, если кроме неопытной есть еще и рабочая собака, потому что азарт преследования и поиска быстрее познается на примере. Но если собака одна и она неопытна, то заставлять ее понять необходимость преследования соболя можно только единственным путем. Нужно найти свежий, лучше парной след и тропить его, постоянно поддерживая у собаки интерес и помогая ей не сбиться. Идеальный случай, когда удастся дотропить соболя до запуска, чтобы собака почувствовала его там, и добыть этого зверька вместе с ней. Бывают случаи, когда молодая, неопытная собака сама случайно наткнется на соболя в укрытии и сначала просто интерес, а затем и охотничий азарт заставляет ее вести себя соответствующим образом — лаять и стремиться достать его из запуска. Если подошедший охотник добудет этого соболя в присутствии со-

баки, то есть шанс, что мимо очередного парного следа она просто так не пройдет.

В моей охотничьей практике был именно такой случай. Осенью 1975 года наша охотстроительная партия проводила учет соболя на нескольких промысловых участках Тунгусо-Чунского коопзверопромхоза. Это район падения Тунгусского метеорита. Я находился в тайге один без напарника, и со мной были две лайки — два кобеля. Один — западносибирский красавец Шаман 4 лет, взятый мной у нашего сотрудника, который в эту осень находился в Москве на камеральной работе, и, чтобы собака не пропустила охотничий сезон, он сам предложил мне взять его в тайгу. Я согласился с удовольствием, тем более что мой русско-европейский Черныш был еще только 10 месяцев от роду, а Шаман, по словам хозяина, соболя уже знал. Но случилось так, что я остался на несколько дней только с Чернышом, так как у охотника, находившегося от меня в 30 км, заступала сука, и как об этом узнал Шаман, известно только ему, но тем не менее он удрал туда. Соболек на моем участке был, но немного, и мне никак не удавалось найти свежий след, чтобы запах зверька был еще сильный и постоянно волновал бы собаку, пока мы вместе тропим его. Это было еще в самом начале промыслового сезона. На следы не первой свежести пес внимания просто не обращал, а все мои попытки протропить нескольких соболей по вечерним следам не приносили успеха, потому что очень короткий день ни разу не позволил довести дело до конца и вернуться в избушку не в полной темноте. Так как собака не работала по соболю, а по белке и глухарю у него получалось очень хорошо, я во второй половине дня почти не обращал внимания на следы соболей. И вот однажды я возвращался в избушку и перед самыми сумерками, находясь километрах в трех от зимовья, пересек соболий следок, который порядочно накрутил на небольшой площади. Но разобравшись в этих хитросплетениях с ходу было трудно, тем более вот-вот накатят сумерки, а мне еще идти около часа. В общем, оставил я этот след очередной раз в покое и двинулся дальше, но собаки со мной не было. Как и положено соболевой собаке, я старался приучить ее к широкому ходу и поменьше попадаться мне на глаза спереди или сзади, к чему он быстро привык и с удовольствием отдавался поиску своих любимых белок. Как я уже сказал, собель пока был не для него. Дело в том, что молодые лайки чаще всего белку, свой первый охотничий объект, как и взрослые, ищут и обонянием, и слухом, и зрением, но работа носом заключается только в том, что собака ловит беличий запах, который сохраняется на месте кормежки или игр зверька, а также исходит от посорок, спускаемых белкой с дерева при кормежке или движении, а не распутывает беличий наброды. Поймав носом за-

пах, собака старается услышать или увидеть белку. По следу искать собаки начинают позже, уже приобретая некоторый опыт. Работу же по соболю предопределяет именно преследование по следу, ориентируясь в основном на запах; и только собаки с большим опытом работают и по старым следам, почти не имеющим запаха, полагаясь только на зрение. Так вот, отойдя от соболичьих следов метров на 150, я вдруг услышал сзади совсем неуверенное: «Гав». Остановился. Черныш примерно через минуту взлаял еще пару раз, а еще через несколько секунд лай стал непрерывным с нарастающим азартом. Подойдя к собаке, я увидел, что он лает в корни среднего размера сосны, метрах в 100 от моего следа. Черныш уже раскопал между корнями прямо у основания ствола углубление, которое, как выяснилось, было входом в дупло. Отодвинув в сторону собаку, я ухом приложился к этому отверстию, а топором несколько раз стукнул по стволу дерева, стараясь ударить как можно выше. После 4-го или 5-го удара послышалось характерное урканье. Соболя внутри был! Добыть его было делом техники, что мы и проделали в течение последующих примерно 20 минут. Когда я поднял в руке нашу добычу, Черныш в замечательном прыжке вырвал его у меня из рук, трепанул уже мертвого, сделал вокруг меня два-три круга, потом положил соболя на снег и встал над ним, широко расставив лапы. Пока я укладывал зверька в рюкзак, пес метрах в 20 от меня выкопал из снега ползайца. Очевидно, собель задавил зайца, плотно поел, здесь же задуплился и отдыхал после сытной трапезы, когда на него наткнулся Черныш. С этого момента собака стала работать по соболю без уговоров и напоминаний. В этот охотничий сезон у нас была неделя, когда за 7 дней мы с ним добыли 9 соболей. Согласимся, для одиннадцатимесячной собаки отличный результат. А что Шаман? Этот пес, видимо, имел очень своеобразный характер и, несмотря на очень хорошее отношение к нему, он был участником добычи только двух соболей. Видимо, просто не хотел со мной работать (хотя я до сих пор не знаю, а работал ли он когда-нибудь нормально вообще). Правда, справедливости ради надо сказать, что с ним было взято несколько глухаредей, причем манера работы по этим птицам у него была замечательной. Он никогда не бегал за взлетевшей птицей, а, наоборот, останавливался и внимательно слушал, где она сядет. Он безошибочно находил дерево с вешим глухарем за 600—700 метров. Этому же приему научился от него Черныш.

Главное — научить собаку сознательно идти по соболю по следу, и как можно быстрее и напористей. Однако то, что она хорошо берет след и активно преследует зверька, не всегда означает обязательную победу. Если след соболя совсем свежий — «парной», то, скорее всего, собака загонит зверька на дерево, правда при условии, что он

не почувствовал преследования заранее и не имеет поблизости более надежного укрытия. Простота или сложность добычи соболя с дерева зависят от двух основных причин: от густоты кроны и положения, в котором находится зверек, пережидая опасность. Если охотник подходит к дереву вскоре после начала облаивания, то обычно собель еще «не угнездился», он может находиться на самой макушке дерева (чаще это молодые зверьки) или вжавшись в ствол, или на тонкие ветки, решив по какой-нибудь причине помешать это дерево на другое. На первый взгляд может показаться, что собель на дереве в абсолютной безнадежном положении, и все же подходить к нему нужно аккуратно, чтобы не спровоцировать от испуга на отчаянные действия. Заметив приближающегося человека и то, что внимание собаки этим несколько отвлечено, он может спуститься с дерева по противоположной стороне ствола и уйти незаметно и для того и для другого или сделать отчаянный прыжок вниз, ухитрившись увернуться от собачьих зубов и уйти в завалы, коряжник или колodник, где достать его будет совсем непросто. Стрелять соболя нужно быстро, как только представится удобный момент, по голове, если из винтовки, да и из ружья тоже нужно постараться, чтобы дробины большей частью попали в голову.

Если собака загнала соболя, а охотник на лай добирается долго, то зверек, не имея возможности уйти, старается на кажущейся ему безопасной высоте устроиться поудобнее и часто выбирает для этого или развилку двух достаточно толстых сучков (веток), или между стволом и отходящим сучком, да еще старается так, чтобы и его задняя часть опиралась на что-нибудь. Приняв удобное положение, собель без видимых эмоций слушает лай собаки, да и на приближающегося охотника зачастую смотрит, не меняя положения. Стрелять удобно, зверек почти неподвижен, головка всегда повернута мордочкой к собаке или охотнику. Осталось только прицелиться и нажать спуск. Но в этом случае лучше не торопиться. Стрелянный в таком положении собель часто остается на дереве там, где сидел. Мертвый, конечно. И возникает проблема, как его доставать. Влезть даже на 7—8-метровую высоту по стволу дерева очень непросто, да и очень опасно. К сожалению, я знаю не один случай со смертельным исходом от падения с высоты, как раз среди охотников, пытавшихся снять с дерева зависшего зверька. В такой ситуации лучше рубить дерево, чем лезть на него. Но чтобы всего этого не случилось, нужно перед выстрелом любым способом заставить соболя сменить положение, а желательно и место на дереве и стрелять только после этого.

Не стоит думать, что собель на дереве виден всегда хорошо, вовсе нет. Иногда он так затаивается в самой гуще кроны, что разглядеть его там при всем желании совершенно невозможно.

У меня был случай в енисейской тайге, когда я почти четыре часа пытался выгнать на хотя бы относительно просматриваемое место соболя, затаившегося в жутком кронахосплетении трех кедров (два росли совсем рядом, а третий навалился на них). Я истратил почти две пачки м/к патронов, а слышал иногда только урканье, видимо, когда пульки били по веткам слишком близко от него. И добыл я его совершенно случайно, невероятным образом заметив половинку свисающего хвоста. У меня была малокалиберная винтовка, но помочь в подобной ситуации могло бы только ружье с гладким стволом под дробовой патрон.

Но ветки дерева для соболя убежище вынужденное, оно просто всегда «под рукой», основными же укрытиями служат дупла и подкорневые лабиринты деревьев, каменистые россыпи и даже земляные норы. И для каждого из убежищ есть свои приемы, которые с большим или меньшим успехом помогают охотнику добыть этого зверька.

Лай собаки то звонкий, то глухой почти наверняка указывает на то, что она лает в корни дерева. Практически любое дуплистое дерево может служить пристанищем зверьку на некоторое время. Но если куница в равной степени использует дупла и с макушечной, и с комлевой части дерева, то соболю явно предпочитает второе. Вообще, несмотря на большое морфологическое сходство, куница остается большим древолазом, чем соболю. Общеизвестно, что она часто пользуется беличьими гайнами, для соболя же это очень редкий случай. Как правило, соболю отдыхает в комлевой части дерева и только при опасности поднимается выше по дуплу. Чтобы добыть соболя из дупла стоящего дерева, прежде всего нужно расширить и заткнуть самое нижнее отверстие, тогда соболю будет заперт внутри дерева, и только после этого можно приступить к следующему этапу операции. Если я не хотел рубить дерево, то поступал таким образом. Примерно на расстоянии 1,2–1,4 м от земли делается горизонтальный проруб в стволе до полости дупла и в зависимости от его диаметра вбивается в противоположную стенку несколько палочек, образуя как бы решетчатую перегородку. Затем у нижнего отверстия разжигается дымный курник. Дым тянет в дупло, как в трубу, его большая часть выходит в проруб, но кое-что попадает и выше. Соболю очень чувствителен к дыму, даже к газам из ствола малокалиберной винтовки после выстрела, и либо падает сверху на искусственную решетку, либо сам спускается к отверстию, стремясь выбраться наружу. А решетка нужна для того, чтобы зверек не упал вниз и не опалился или не удрал, если вдруг придет в себя. В такой ситуации очень многое зависит от собаки. Нужно за ней внимательно наблюдать, обращая особое внимание на те

места, к которым она проявляет особый интерес. Ведь бывает, что соболю не в дупле, а в корнях, мало того и корни бывают дуплистыми. Был случай, когда соболю оказался в корневом дупле старого кедра примерно в полуметра метрах от ствола, и если бы собаки не показали, никогда бы мы его не добыли. Вообще, вырубать соболя из корней или выкапывать из земли лучше вдвоем, потому что точно не известно, где он находится, причем один должен работать топором или лопатой, а другой стоять наготове с ружьем, заряженным дробью. Из укрытия соболю вылетает, как стрела, т. е. настолько стремительно, что иногда его не засекает даже собака, а пока ее направишь, соболю будет уже очень далеко, и совсем не всякое преследование оказывается результативным, хотя зверек был совсем рядом.

Если собака нашла соболя в пустотелой валежине (колоде), то, держа наготове оружие (лучше дробовик), нужно сначала заткнуть то отверстие, в которое лает собака. Затем обойти всю лесину вместе с ней и позатыкать все подозрительные места. А собака всегда покажет любую щель, если оттуда выходит запах соболя. После этого в середине делают узкий и длинный продольный проруб и стараются определить, где соболю — справа или слева. Когда определили, щель расширяют и затыкают пустоту в сторону зверька, сужая ему пространство, и в конце концов добывают его в тупике.

Пожалуй, самое сложное — это взять соболя из каменистой россыпи. Если он ушел туда, то успех или неуспех действий зависит прежде всего от площади этой россыпи, ее расположения по склону, размера камней, из которых она состоит, и количества внутренних пустот, соединенных между собой. Надо признать, что добыть соболя из россыпи удастся вряд ли чаще, чем в 3 случаях из 10. Практически есть единственный способ, дающий хоть иногда положительный результат, — это задымить россыпь. Правда, получается такое не всегда. Если россыпь расположена по склону, то нужно ниже того места, где скрылся соболю, сделать углубление, разжечь в нем дымный костер и постараться направить дым так, чтобы он уходил в щели между камнями и поднимался вверх по внутренним полостям россыпи, выходя наружу возможно выше места запуска. Хотя это и непросто, но сделать вполне возможно, учитывая, что внутри между камнями есть потоки воздуха, движущиеся снизу вверх, они-то и увлекают туда дым. Вся процедуру выкуривания лучше проводить вдвоем, так как один охотник, пока занимается костром, свободно может не заметить выскочившего из камней соболя, тем более что он может появиться не рядом, а в нескольких метрах (десятках метров) в стороне. То же можно сказать о собаке, особенно если она хватала немно-

го дымку. Выскочившего зверька лучше стрелять из дробового ружья. Но чаще всего соболю остается внутри, у него могут быть десятки выходов, любым из которых он может воспользоваться когда угодно. Даже установка капканов на входе или старых следах редко дает хороший результат.

Есть еще одно место в тайге, куда соболю может уйти от преследующей его собаки, — участки ветровала, где одни деревья рухнули на землю, а иные зависли на соседних под разными углами. Для охотника такое место очень опасно, и лазить под такими деревьями и тем более по ним нельзя ни в коем случае. В любой момент может рухнуть любое дерево. Соболю же свободно переходит с одного наклонного ствола на другой, затаивается и спокойно переживает опасность. Учитывая, что такие участки могут занимать площадь от одного-двух до нескольких десятков гектаров, нетрудно понять, что скрыться собою там труда не представляет.

Охотясь с собакой, даже с очень хорошей, нельзя полагаться только на нее, сидеть и дожидаться ее лая сколько угодно долго. Опыт подсказывает, что, если собака ушла по следу и в течение часа лай так и не услышан, нужно идти ее искать (тропить). Собачий след, тем более свежий, хорошо различим на снегу, и идти по нему несложно. По следам хорошо заметно, каков характер хода преследования зверька. Если пес пошел махами, потом иногда меняет темп на более медленный, а затем опять возвращается к прежнему ходу, то, скорее всего, соболю он уже загнал, но находится в таком месте, из которого его лай просто не слышен. Особенно часто это случается в увалистой или гористой местности. Там соболю чаще уводит собаку или в соседний распадок, или за гряды увалов (небольших сопок), и, хотя по прямой расстояние небольшое, физические преграды не пропускают звук в сторону охотника. Но бывает и так, что собака по следу идет медленно, часто тыкается носом в след, как бы стараясь проверить наличие запаха, сбивается в многослеdice — это значит, что соболю прошел давно и собака могла бросить преследование и заблудиться. Да, и с собаками такое бывает.

Охота на соболя довольно сложна, и не только самими приемами, но особенно тем, что в этом процессе и охотник, и собака находятся в тайге вдвоем. Они должны работать слаженно, дополнять и помогать друг другу.

В короткой журнальной статье невозможно рассказать обо всем, что касается охоты на соболя с собакой, да, правду сказать, всего я и знать не могу. Но я постарался выбрать некоторые ситуации, которые в процессе охоты встречаются довольно часто, и подсказать, может быть, не очень опытным коллегам, на что нужно обращать внимание в первую очередь, чтобы не упустить желанный трофей.

Большое событие для заповедного дела

Завершено издание десятитомной книжной серии и наших заповедниках

В. Флинт,
доктор биологических наук,
Заслуженный эколог Российской
Федерации

О заповедниках России и СССР, история которых берет начало на переломе XIX и XX веков, когда создавались первые охотничьи резерваты для спасения соболя, за истекшие века написано немало. Издавались большие и малые справочники, объемистые научные труды, красочные альбомы, разнообразные брошюры и буклеты. Однако не только в нашей стране, но и во всем мире не существовало ранее столь обобщающего серийного издания, посвященного детальному описанию природных заповедников.

Началом этому послужила инициатива сотрудников Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН (в то время — ИЭМЭЖ АН СССР), в частности, заведующего лабораторией охраны экосистем академика Е. Е. Сыроечковского, поддерживаемая директором академиком В. Е. Соколовым. В начале 1980-х гг. они предложили издательству «Мысль» подготовить обобщающие материалы об отечественных заповедниках (в СССР их в то время было около 150). Для этого потребовалось объединить усилия очень многих людей — прежде всего, научных сотрудников самих заповедников, а также ведущих специалистов заповедного дела страны. В результате большой организационной работы в 1985 г. удалось издать первый том серии «Заповедники СССР», посвященный Дальнему Востоку. Была создана специальная редколлегия, своего рода «мозговой центр», занимавшийся подготовкой последующих томов. Было найдено и воплощено в жизнь удачное полиграфическое оформление, привлекавшее внимание читателей, в первом томе было представлено около 200 цветных иллюстраций.

В 1987—1990 гг. вышло в свет еще шесть таких же красочных книг («Заповедники Украины и Молдавии», 1987; «Заповедники европейской части РСФСР» — 2 тома, 1988—1989; «Заповедники Прибалтики и Белоруссии», 1989; «Заповедники Кавказа», 1990; «Заповедники Средней Азии и Казахстана», 1990. Успех издания был велик: при стотысячном тираже книги сразу же исчезали с прилавков.

К сожалению, в 1991—92 гг. издание было прекращено, и лишь спустя несколько лет «пробился» ранее подготовленный восьмой том серии, посвященный национальным паркам и заказникам СССР (он был издан в 1996 г. тиражом в 1000 экз.). Серия оставалась

незавершенной, поскольку в ней отсутствовали заповедники обширного сибирского региона, где в последние два десятилетия возникло много новых заповедных объектов. Лишь благодаря настойчивости зачинателей серии, а также при активной поддержке со стороны бывшей Госкомэкологии России, удалось на исходе века завершить это грандиозное предприятие. Основные средства на завершение серии были выделены Федеральным экофондом. Приняли участие в этом деле также Всемирный Фонд Дикой Природы и Министерство сельского хозяйства Нидерландов. Результатом стал выход в 1999—2000 гг. двух заключительных томов «Заповедники Сибири» в том же серийном оформлении, но при заметном повышенном уровне научного содержания (детальные списки литературы по каждому заповеднику отдельно, перечни видов растений и животных). Это несомненное достижение редколлегии двух последних томов, тогда как существенное улучшение иллюстративного оформления надо поставить в заслугу издательству «Логос» и его руководителю А. М. Нечаеву, который известен как большой мастер фотографирования живой природы.

Издание двух томов «Заповедники Сибири», завершающих уникальную серию, — большое и отрадное событие как для книголюбов, так и для заповедного дела в целом. Усилия авторского и издательского коллектива (а это около 500 человек) несомненно заслуживают предельно высокой оценки и самых громких похвал. Если один из специалистов (В. Красильников) недавно отметил 1985 г. — начало издания серии — как один из «зеленых юбилеев человечества», то завершение этих фундаментальных трудов в 2000 г. является несомненно очень крупным достижением нашего природоохранного книгоиздания и биологии в целом. Нельзя забывать о том, что заповедники России традиционно и неразрывно связаны с охотничьим хозяйством. Вклад наших охотоведов в заповедное дело столь значителен, что его невозможно переоценить. Уместно отметить, что один из постоянных членов редколлегии серии, начиная с первого тома, он же — редактор-составитель двух последних томов и соавтор ряда статей, д-р биол. наук Ф. Р. Штильмарк является именно биологом-охотоведом, выпускником Московского пушно-мехового института.

ОАО «Вологодский оптико-механический завод»

**продолжает рассылку
наложенным платежом
прицепов для охотничьего оружия:**

- оптических П4х32, 18х56, РV2-0х52,
П4х32П, П8х56П (с подсветкой сетки);
- ночного видения PMS-2,4х30, PIS-4,6х52;

**боковых и вертикальных кронштейнов
для крепления прицепов на оружие**

Справки по телефону (8172) 25-48-14

Заявки по адресу:

160001 г. Вологда, ул. Мальцева, 54

коммерческий отдел,

или по факсу (8172) 72-61-45

ОБЩЕСТВА ПРАВИЛЬНОЙ ОХОТЫ

Р. БОБРОВ,
канд. с.-х. наук

целях наведения порядка по рациональному использованию охотничьей фауны в 1892 г. Правительство приняло специальный «Закон об охоте». Он определил отношение к охоте общества и государства, в том числе по части научно обоснованного регулирования сроков и мест охоты. Контроль за соблюдением «Закона» поручался местным властям и Министерству Государственных имуществ, в состав которого входил Лесной департамент. Лесная стража согласно «Закону» обязана была охранять лес от браконьеров, хотя организация самой охоты определялась не Лесным уставом, а Уставом о Сельском Хозяйстве. Принадлежность охоты к Департаменту сельского хозяйства устанавливала направление развития ее не как второстепенного раздела природопользования, а важного направления хозяйственной деятельности.

Необходимость в коренном изменении отношения к охоте особенно сильно стала проявляться в конце XIX столетия, в связи с резким сокращением численности охотничьих животных. Именно в это время окончательно утверждается производственная концепция современного охотничьего хозяйства. В соответствии с ней охота рассматривается как отрасль производства по добыче мяса, пушнины, звериных шкур, рогов и других охотничьих трофеев. К началу XX столетия охота получает научное обоснование и профессиональное обеспечение. Задача ее — уже не только производство добычи животных, но и охрана, воспроизводство дичи, форма своеобразного целевого досуга. Ускоряется переход от поискового промысла к научно-механическому хозяйствованию.

Вековой опыт устройства охоты как интересного целевого досуга и природоохранное направление совершенствовались при создании в стране добровольных охотничьих обществ, принявших на себя распорядительные функции по устройству охот и надзору

за соблюдением охотничьих правил. Удача, сопутствовавшая деятельности добровольных обществ в России, превзошла самые оптимистические ожидания, поскольку в работе их задействованы были многие известные в России общественные и государственные деятели. Касалось это не только добровольных охотничьих обществ, но и вообще всей системы организации внегосударственных объединений России.

Само понятие — общественная работа, как ни странно, девальвировалось именно в наше, социально обусловленное «всеобщим общественным правом», время. Убедиться в этом нетрудно, знакомясь с дореволюционной практикой организации общества дела. В перечне должностных обязанностей классных государственных чиновников различных ведомств непременно встречаются общественные должности, ими исполнявшиеся. Занятия общественными делами считались для государственного чиновника столь же нужными и важными, как их основная работа в Правительстве или Ведомстве. Государственные люди, по мнению Правительства, обязаны были чувствовать себя опорой государства во всех его делах, в том числе и общественных. Лучшие из них награждались (первый Председатель Общественного содействия лесному хозяйству награжден за работу в Обществе орденом Александра Невского). Им присваивались отличительные звания «Почетных опекунов». Звания эти входили в номенклатуру Императора и устанавливались лицам, занимавшим высокие должности не столько на службе государственной, сколько в общественных учреждениях. Звание «Почетный опекун» приравнивалось к 3-классному чину (тайному советнику) и должности сенатора. Исключение из общественного учреждения за бездеятельность или недостойный поступок расценивалось как серьезное упущение по службе.

Добровольных же, в том числе и благотворительных, общественных учреждений и организаций были сотни. Это была организующая сила страны. Только в Санкт-Петербурге общественных

учреждений значилось более 600. Чтобы придать каждому из них актуальность и весомость, авторитетным чиновникам приходилось участвовать иногда в работе нескольких таких учреждений. И не формально — а делом! Сам П. А. Столыпин, например, будучи премьер-министром и министром внутренних дел, был еще и почетным мировым судьей Гродненского и Ковенского уездов, почетным гражданином Полоцка и поселка Дубровки Саратовской губернии, почетным членом московского детского приюта, Председателем императорского яхт-клуба, Попечителем Общества глухонемых, членом Тамбовской губернской архитектурной комиссии, членом правления Общества Красного Креста и Попечительства о трудовой помощи. Его помощники из этих обществ напрямую сносились со своим шефом и получали соответствующую помощь.

В отличие от других добровольных обществ, занятия в обществах охотничьих, конечно же, доставляли их членам немалое удовольствие. В охотничьих обществах состояло значительное число лиц состоятельных и занимавших высокие государственные должности. Охотничьи общества, согласно их уставам, создавались «для товарищеского общения охотников, содействия улучшению охотничьего хозяйства, производства охоты, состязания в стрельбе, поощрения улучшения пород и полевых качеств охотничьих собак». Они имели свои охотничьи угодья и помещения. Большинство охотничьих обществ утверждалось именными Императорскими указами. Вот один из них от 1877 г.:

Июня 2. Именной, объявленный Сенату Министерством Внутренних Дел 3-го июня «Об утверждении Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты и о именовании его Общества Императорским».

В указе отмечалось:

«По высочайшему докладу Государю Императору ходатайства Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Владимира Александровича, об утверждении Устава Общества раз-

множения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, Его Императорское Величество, во второй день Июня сего года, Высочайше соизволил наименовать Общество Императорским, разрешить Министерству Внутренних Дел утвердить Устав этого общества, с тем чтобы оно состояло в ведении Министерства Внутренних дел».

Это Общество стало одним из крупнейших охотничьих обществ страны. Оно имело свои общества не только в губернских, но и обычных городах. Приписаны были к ним и свои охотничьи угодья, питомники для разведения и тренировки собак и стрельбища.

Петербургское Общество, например, имело земли у станции Оредеж по Варшавской железной дороге и у Помераня Московской железной дороги.

Возглавляли Общества опытные специалисты. Петербургским Обществом перед революцией руководил Андрей Рудольфович Кох.

В Москве это общество курировал Великий князь Сергей Михайлович.

В Воронеже Императорское Общество размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты возглавляли принцы Александр Петрович и Константин Петрович Ольденбургские.

Именитыми охотниками из Императорского дома представлены были почетные члены Общества. Причем участие Великих Князей в работе Общества не было формальным и также определялось специальными Императорскими Указами. Один из них определял принятие звания Почетного члена Императорского Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты Великим Князем Михаилом Александровичем.

Другой Указ сообщал «О принятии Великим Князем Сергеем Александровичем покровительства Московским охотничьим Обществом». Указ доводил до сведения россиян, что: «Государь Император, по всеподданнейшему докладу Министра Императорского Двора в 18 декабря Всемилошвейшее соизволил принять под Августейшее покровительство Великого Князя Сергея Александровича Московское Общество охоты имени Императора Александра II».

Весьма представительным в России было Общество поощрения полевых достоинств и всех видов охоты. Во главе его стоял дядя Императора Великий Князь Николай Николаевич. Весьма престижным Обществом, включавшим в себя многих российских аристократов, было Общество любителей породистых собак, которое возглавлял другой дядя Императора — Великий Князь Владимир Александрович. Вице-премьером Общества многие годы избирался императорский ловчий, известный охотовед В. Р. Диц.

Многие годы в стране существовало Императорское Российское Общество рыбоводства и рыболовства. И оно находилось под покровительством пред-

ставителя Императорского дома — Великого Князя Сергея Александровича. Председателем этого Общества в 1894 г. значился товарищ Министра и исполнявший обязанности Министра Государственных Имуществ Вешняков Владимир Иванович. Членами Общества состояли И. И. Воронцов-Дашков, А. С. Ермолов, М. Н. Островский и другие известные государственные деятели страны.

В добровольных обществах, как мы уже отмечали, недостатка не было. В столице, например, существовало несколько Военных охотничьих обществ, было охотничье Общество Ижора-Рыбачьего, охотничье Общество «Северянин» и другие. Каждое из них могло предоставить своим членам возможность поохотиться в собственных охотничьих угодьях. В Москве популярными были Кружок ружейной охоты, Клуб охотников, Московское общество ружейной охоты, Общество любителей фокстерьеров и такс и другие более мелкие, но оттого ничуть не менее интересные общественные объединения по охоте и рыболовству.

Добровольные охотничьи общества со временем стали удачно вписываться своей деятельностью в природоохранные проблемы страны через «Общество акклиматизации», созданное в мае 1872 г. Как отмечалось в Уставе «Императорского Русского Общества акклиматизации животных и растений», общество это ставило целью: «...во-первых в распространении сведений о животных и растениях вообще и во-вторых в содействии водворения, размножения и сохранения в России полезных животных и растений». Отдельные разделы «Общества акклиматизации» вошли и в Уставы охотничьих обществ.

На широкое участие в природоохранной работе общественности обращалось внимание в 1904 г. в статье «Угроза памятникам природы и предложения к их охране» проф. Конвеца. Он указывал, что охраной природы необходимо заниматься всем ее пользователям и приступить к созданию специальной природоохранительной службы, которая бы вела учет выявленных интересных объектов природы и популяризовала бы наиболее замечательные из них. Предложение проф. Конвеца находит поддержку среди охотников.

В 1906 г. создается «Общество естествоиспытателей» в Швейцарии. Оно учредило Комиссию по охране памятников природы и доисторических древностей. В 1908 г. такое же общество уже работает при российском (польском) «Обществе родиноведения». В нем также имеется комиссия по охране памятников природы. Организации по охране природы появились в Швеции, Дании, Италии. С 1910 г. «Общества охранителей природы» в России имелись уже во многих городах. Почти в каждом из них присутствовали и охотники.

В 1913 г. в Швейцарии прошла первая международная конференция по охране природы. В ней участвовали

17 государств, в том числе и Россия. Первый Всероссийский съезд по охране природы в России проведен в 1929 г.

Время, которое переживает наша страна, — сложное, но и перспективное по части использования богатейшего исторического наследия России. Что же касается темы, которой мы коснулись в своем очерке, то нелишне вспомнить начальные строки одного из первых «Уставов» добровольных обществ России XIX столетия:

«Всякое Общество, имеющее целью усовершенствование какого-либо дела, тогда только исполняет истинное свое предназначение, когда труды его делаются гласными, когда оно распространяет свои открытия и новые сведения, им приобретаемые: в этом заключается главнейшая польза. Человек, действующий отдельно одними собственными способами, не выходит из круга собственности; но, призванный участвовать в опытности всех и каждого, он следит за ходом науки во всех просвещенных странах, пользующихся всеми ее успехами, и где бы он ни был на обширном пространстве земного шара, всегда шествует впереди наряду с совершенствованием науки» (Исторический обзор 50-летней деятельности Императорского Общества Сельского хозяйства Юга России. 1878 г., Одесса).

Пожелаем же успехов и нашим российским охотничьим обществам, но вспомним при этом в очередной раз составляющие эффективности их работы в прошлом.

Желаемое и реальность

О праве человека на лишение жизни животных

Концептуальные основы

В. ДЁЖКИН

Морской зверобойный промысел

Несколько фраз о морском зверобойном промысле, формально относимом в России к ведению рыбного хозяйства. Сейчас в основе его — голая необходимость обеспечить прибрежным коренным жителям минимальные источники пищи и животного белка. Они используют традиционные методы добычи моржей и тюленей, малопродуктивные, но далекие от гуманности, и никто их в этом не упрекнет. Общий ущерб популяциям ластоногих минимален.

О промысле китообразных необходим особый разговор. Когда-то люди «очистили» от этих превосходных зверей многие моря и океаны, причем допускались чудовищные вещи. По данным члена-корреспондента РАН А. В. Яблокова, например, советская статистика добычи китов была сфальсифицирована. Вместо разрешенных к добыче видов шла охота на редкие, запрещенные. В отчетах фигурировали разрешенные.

Мучения животных при попадании в их тело гарпуна чудовищны. Конечно же, действующий мораторий на китобойный промысел вполне оправдан. Но вот беда. Трофические морские системы под влиянием человека претерпели громадные изменения и требуют определенной «балансировки». Возможно, придется решать проблемы их регуляции, но, конечно же, с максимальным применением щадящих орудий добычи.

Кстати, о последних (эта проблема имеет общий характер, касается и добычи водных, и промысла сухопутных животных). На западе обратили внимание на то, что пушные звери, добываемые так называемыми ногозахватывающими капканами, при попадании в них не погибают сразу, а мучаются часами и сутками. Совершенно обоснованно был поставлен вопрос о разработке и широком внедрении новых капканов, убивающих зверей за короткий срок (авторам этого предложения хватило разума не вести дело к общему запрещению

пушного промысла). Странам, которые не выполняют это условие, был обещан запрет на импорт их пушнины в государства ЕЭС (смотри статью А. Амирханова, В. Дёжкина и В. Чипурного в журнале «Охота и охотничье хозяйство» за 1994 год).

Прошел добрый десяток лет, а задача полностью не решена. Кроме бюрократических проволочек, этому мешают странные условия, которые формулирует Международная комиссия. Годы в ней идут споры о том, что является объективным свидетельством смерти животного, каким должен быть «разрешенный срок» гибели животного в капкане, для соболя, положим, 2 или 3 минуты, и т. д. Это усложняет технические аспекты проблемы. Если в наших экспериментальных образцах капканов удавалось добиться трехминутного срока, то переход к двум минутам представлял собой уже большую трудность. При наличии отечественной концепции гуманного отношения к диким животным наши представители в Комиссии вполне могли настаивать на поэтапном решении вопроса: на первой стадии — переход от многих часов и суток к нескольким минутам (до гибели в капкане). Явный прогресс и принципиальное решение проблемы. Внедрение. Затем — работа над минутами и секундами. Отшлифовка техники лова. Пример этот, на наш взгляд, показателен тем, что характеризует необходимость реального подхода к решению сложнейших гуманитарных проблем. Он, кстати, характерен для западно-европейского и российского менталитета.

Рыбное хозяйство

Примеры с объектами рыбного хозяйства в некотором отношении удивительны и выпадают из общего ряда. Пожалуй, они являются своеобразными доказательствами слабости позиций гуманистов и защитников «всего живого». Ежедневно, ежемесячно, ежегодно от рук человека гибнут миллионы миллионов рыб, ракообразных, моллюсков и других представителей «водных биоресурсов», как их принято ныне называть.

Гибнут, принося человеку огромное количество ценных пищевых продуктов, оцениваемых многими миллиардами долларов. Гибнут в страшных мучениях, извлеченными из родной стихии, задыхаясь, будучи раздавленными своими собратьями. Смерть большинства из них тяжела, мучительна, продолжительна. Но она не ужасает, почти не ужасает людей! Мы совершенно спокойно смотрим, как трепещется, умирает на воздухе рыбка. И даже — что греха таить — испытываем чувство некоторого удовлетворения, если рыба велика и поймана нами.

Мы приучаемся к рыбной ловле с раннего детства. Приучаем к этому занятию наших детей, не находя в нем ничего предосудительного (разве что пожалеем червяка, которого приходится насаживать на крючок).

Наловив раков, кидаем их еще живыми в кипящую воду. Едим живых устриц. Совершаем еще тысячи таких же «антигуманных» поступков и не возмущаемся. Что, с точки зрения человеческих условий, граница между «живым» и «неживым» определяется температурой тела? Теплокровные существа заслуживают внимания и жалости, хладнокровные находятся по ту сторону «добра и зла»?

Ответ, по нашему мнению, заключается в том, что имеется искусственность, нереалистичность некоторых представлений о гуманности. И здесь она обнаруживается наиболее выпукло. «Водные биоресурсы» издревле рассматривались в качестве источников пищи, с ними не связывали представлений о добре и зле. Если отказаться от вылова и поедания их, большинству людей грозит голод. Это обстоятельство подспудно тормозит благородные чувства сопереживания.

Лабораторные животные

Разговор о лабораторных животных (а их в научно-медицинском обиходе не считанные миллионы) требует специальных знаний, ибо невозможно с позиций дилетанта убедительно заявить: этот острый опыт, это умерщвление животного необходимы, а в других случаях можно обойтись без них. Цена

субъективных оценок в этой сфере очень велика. Необходимы знающие, объективные и лично не заинтересованные арбитры. Вероятно, при деликатном подходе и использовании достоверных альтернативных методик можно значительно уменьшить число лабораторных животных, отдающих жизни ради науки и медицины в страшных мучениях. И с сожалением констатировать: умерщвление значительного числа животных пока что действительно необходимо.

Городские животные

Проблема **городских животных** — назовем ее так — относится к числу наиболее сложных, спорных, сильно отягченных эмоциональными воздействиями и попытками безграмотных, бюрок-

де опаснейших и свержадаптированных ко всяким гонениям пасюков.

Численность диких голубей и особенно — серых ворон следует жестко регулировать. Городской пейзаж все-таки немислим без этих птиц, но их обилие нежелательно и опасно. Немного странно читать участвовавшие в последнее время сообщения, как вороны, защищая гнезда с птенцами и слетков, пикируют на головы детсадовских ребятшек и школьников, а огуманенные воспитатели и учителя не знают, что делать с серыми разбойниками...

Современная «проблема городских собак» (в меньшей степени — кошек) создана человеком в значительной степени искусственно. Прежде действовала система отлова бродячих животных. Найденных и спасенных хозяевами — отдавали, прочих — утилизировали (прошу прощения, но это назы-

ганные и оскорбленные профессионалы оставляют свое занятие, а их места, действительно, занимают люди, одержимые заботой о халтурных зарплатах. В России все совершается по бессмертной аксиоме «Хотели, как лучше...».

Озабоченные существующей в России «проблемой жестокого обращения с животными», в том числе домашними, наши общественные организации развили чрезвычайную активность. Российская и Московская думы плодят проекты соответствующих законов, при чтении которых теряется всякое представление о реальности. Отказавшись от вынужденного умерщвления бродячих безнадзорных животных (или маскируя его двусмысленными текстами и положениями), они внедряют не-реальные методы управления ими, создавая ненужные и дорогостоящие надстройки, предельно бюрократизируя вопрос, усложняя для владельцев домашних животных процесс их регистрации, выгуливания и даже захоронения. Проблема может быть решена лишь совместными усилиями экологов, экономистов, этологов, кинологов, физиологов, ветеринаров, зоотехников, психологов — после разработки и обсуждения прогрессивной концепции и ее широкой предварительной апробации в крупных городах или их подразделениях.

Животные на особо охраняемых природных территориях

В соответствии с Законом об особо охраняемых природных территориях (ООПТ) дикие животные на территории природных заповедников и заповедных зон национальных парков существуют по естественным законам и не подлежат хозяйственному использованию. Иными словами, по отношению к ним действует принцип невмешательства. Важность сохранения животного мира ООПТ еще не нашла полного отражения в отечественном законодательстве, которое предлагается усилить особой статьей (см. Концепцию).

Ошибки, допущенные при создании многих заповедников, делают их территории экологически неавтономными. Неконтролируемое развитие в них популяций биогенотипически активных видов животных приводит к нарушениям природного равновесия и к необходимости проведения регуляционных мероприятий. Регулирование численности и распределения животных в заповедниках не должно иметь характера охоты и может проводиться лишь силами сотрудников заповедников для выравнивания экологического баланса заповедных территорий.

Необходимость и возможности проведения регуляционных мероприятий в других категориях ООПТ, больше, чем в заповедниках. Однако и здесь они должны осуществляться персоналом ООПТ и не носить характера охоты.

Во всех случаях работники ООПТ ста-

Фото А. Дигилевича

ратических решений. К этой группе животных относятся прежде всего собаки и кошки — домашние, безнадзорные (полудики) и дикие, одичавшие. Отдельную группу составляют грызуны — серые крысы и домашние мыши. Мы можем также говорить о птицах, доставляющих известные хлопоты человеку, — серых воронах и диких голубях. У каждой группы свои сложности во взаимодействии с человеком и свои пути их решения.

Вопрос с вредящими грызунами ясен: они подлежат истреблению. Для этого созданы соответствующие службы. Ни одному сверхгуманисту, кажется, не пришло в голову защищать право на существование в городской сре-

валось так), продавали в лаборатории и институты. Система давала сбои, иногда жесткие процедуры осуществлялись при людях, и это, естественно, вызывало протесты. В системе трудилось немало опытных ловцов, не гордившихся, конечно, своим ремеслом, но выполнявших его добросовестно. Всегда надо помнить: благополучие человеческого общества зиждется, в том числе, и на занятиях, которые не принято афишировать.

Со всплывшей моды «на всеобщую жизнь», с формированием в обществе убеждения о недопустимости уничтожения бродячих собак, ловцы попали на перо пишущим людям. Их стали именовать не иначе как «живодерами». Обру-

раются использовать способы регуляции, не связанные с лишением жизни диких животных, и используют отстрел лишь в крайних случаях, преимущественно в охранных зонах ООПТ (Дёжкин, 1986; 2000).

Немного о теории

Теоретические аспекты проблемы «Человек — Животные» обсуждаются с давних времен и имеют огромную литературу. В последний период эта проблема рассматривается в рамках биоэтики, биодетризма, противопоставляемого антропоцентризму.

Соглашаясь с главными принципами биоэтики, в том числе и с постулатом о равном праве на жизнь человека и животных, мы тем не менее вынуждены и в основном тексте и в проекте концепции *исходить из существующего в мире положения и опираться на реальные факты*. В этом случае отпадает необходимость в детальном анализе проблемы по существующим публикациям наподобие той, которую принял недавно В. Е. Борейко в «Прорыве в экологическую этику» (2000). Целесообразно остановиться лишь на известном положении А. Швейцера, на которое ориентируются большинство авторов, касающихся ведущей проблемы биоэтики.

Напомним фразу, приведенную в качестве эпиграфа к этой статье: «Добро — то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей». Все гуманистические учения и движения последних десятилетий, выступающие в защиту животных, основываются на этом постулате.

Следует сказать, что цитированным постулатом учение А. Швейцера не исчерпывается. Ученый мыслит достаточно трезво и сделал принципиальную оговорку, учитывающую земную реальность:

«Что говорит этика благоговения перед жизнью об отношениях между человеком и творениями природы? — спрашивает А. Швейцер. — Там, где я наносу вред какой-либо жизни, я должен ясно осознавать, насколько это необходимо. Я не должен делать ничего, кроме неизбежного, даже самого незначительного», — заключает он.

Иными словами, в отношении к природе, к жизни А. Швейцер считает необходимым руководствоваться принципом осознанной необходимости. Нам представляется, что это обстоятельство, недостаточно воспринимаемое сторонниками ученого, является ядром его концепции отношения к живому. Да, любое лишение жизни противоречит этике благоговения перед жизнью. Но противоречия должны разрешаться не на основе абсолютных запретов, а путем глубокого анализа конкретных ситуаций. Даже В. Е. Борейко, последователь-

ный сторонник крайних догм биоцентризма, пишет: «Животные должны иметь право не подвергаться страданиям, но и право на жизнь, право на воспроизведение, право не быть без необходимости (подчеркнуто мною. — В. Д.) убитыми, замученными» («ЗМ», 1994, с. 28).

Все дело в этой печальной необходимости.

Основы концепции обращения с животными (проект для обсуждения)

— Общепризнанные в обществе нормы и традиции, а также постулаты христианской морали, накладывающие абсолютный запрет на умерщвление животных, отсутствуют.

— С позиций экологии смерть организмов — обязательное звено в биологическом круговороте вещества и энергии. Без смерти не было бы вечного движения и обновления жизни.

— Современная цивилизация основана в значительной мере на массовом умерщвлении животных для разных практических целей, в том числе для удовлетворения потребности в пище, получения одежды, медицинских препаратов и т. д.

— Непризнание существующих фактов общественно оправданного массового лишения жизни различных животных является ханжеством, ведущим либо к лицемерию, либо к изобретению фальшивых альтернатив, или нежеланием (неспособностью) осознать реальную действительность.

— Переход человечества на питание продукцией первого трофического уровня (то есть в состоянии полной растительности), декларируемый некоторыми учеными, не решит проблему обеспечения населения пищей, так как встретит жестокое (непреодолимое) сопротивление, разрушит экономику, драматически расколлит общество и, главное, лишит домашних растительных животных (предполагается их постепенное устранение) возможности трансформировать в нашу пищу огромную биомассу несъедобных для человека растений.

— Прижизненное использование продуктов животноводства не меняет существа проблемы, так как животные, служащие для этих целей, в конечном счете умерщвляются.

— Вегетарианство как частичный выход из ситуации, касающийся отдельных личностей, можно приветствовать, но в чистом виде оно не существует, так как люди, полностью отказывающиеся от животной пищи, все-таки произвольно потребляют и лишают жизни множество мелких живых организмов.

— С благоговением относиться ко всякой жизни и считать ее высшим достижением мироздания, следует ограни-

чивать умерщвление живых организмов действительно необходимыми случаями для удовлетворения истинных потребностей человечества.

— Человечество должно постоянно стремиться к уменьшению страданий животных, облегчая их умерщвление и избегая всяких неоправданных проявлений жестокости. Известный тезис А. Швейцера может быть изменен следующим образом: негуманно и заслуживает осуждения и наказания всякое неоправданное проявление жестокости по отношению к живым организмам («оправданность» и «неоправданность» нуждаются в глубоком морально-этическом обосновании, учитывающем реальные социально-экономические потребности людей).

— Требуется усиление законодательных основ охраны дикой природы, в том числе живых организмов, и бережного отношения к ним, для чего были сформулированы некоторые желательные положения российских законов (Дёжкин, 1997 и 1998):

а) Живое вещество биосферы и его компоненты нуждаются в сохранении и поддержании условий для постоянного воспроизводства как неперенные части великого биологического круговорота, создающего и поддерживающего жизнь на планете Земля (может рассматриваться в качестве дополнения к Конституции РФ);

б) Отношение к диким животным должно по возможности учитывать их право на существование и бережное отношение к ним. К негуманным относятся действия, причиняющие животным неоправданные мучения и неудобства, которые могут быть устранены или смягчены совершенствованием тех или иных технологий, связанных с содержанием, изъятием животных или воздействием на условия их обитания. Совершенствование таких технологий является одной из главных обязанностей пользователей животным миром;

в) При возникновении неразрешимых противоречий между интересами животных и насущными потребностями человека преимущество отдается последним (статьи для новой редакции Закона «О животном мире»);

г) Этика благоговения перед жизнью может быть одной из важнейших составных частей концепции заповедного дела (Никольский, 1997). Отсюда: одна из главных задач особо охраняемых природных территорий — сохранение и изучение всех форм жизни, поддержание естественной среды их существования (Дёжкин, 1998).

— Констатация печального положения с сохранением жизни животных в мире не должна означать полного согласия автора с имеющейся реальностью и отказа от поисков путей и методов гуманизации проблемы.

БРЯНСКИЙ ЛЕС

А. БОРОВКОВ,
биолог-охотовед,
участковый инспектор
заповедника «Брянский лес»

В России сейчас 36 национальных парков и 100 государственных природных заповедников; один из заповедников — «Брянский лес».

Лесной пояс протянулся через всю Брянскую область по левобережью реки Десны от границы с Украиной на юге до Калужской области на севере. Именно об этом лесе слагались быliny, пелись песни, именно он был «домом и защитником» в годы военных лихолетий. Заповедник «Брянский лес» был образован 14 июля 1987 г. и является одним из самых маленьких заповедников России. Расположен он на территории двух административных районов Брянской области: в Трубчевском — 10 875,5 га и Суземском — 1 293 га, всего 12 168,5 га. Территория заповедника находится большей частью в лесном массиве и имеет охранную зону общей площадью 21 216 га, что несколько выправляет не очень удачную конфигурацию территории самого заповедника.

Брянские леса уникальны по своему биоразнообразию. В заповеднике охраняется около 80 % растений Брянской области. Здесь произрастают такие редкости и «краснокнижники», как венерин башмачок настоящий, пальчатокоренник балтийский, пальчатокоренник Траунштейнера, пыльцеголовник красный, надбородник безлистный, неоттианта клобучковая, кокушник комарниковый, лядьян трехнадрезанный (всего около 30 видов). На заповедной территории обитают 234 вида позвоночных животных. Численность многих видов в заповеднике гораздо выше, чем на прилегающих территориях. Зимний маршрутный учет 2000 г. показал, что здесь обитают свыше 60 лосей, 240 кабанов, 300 косуль, около 50 оленей и 9 зубров.

Заповедник «Брянский лес» — дом для многих исчезающих животных. Эмблема заповедника — пара черных аистов в гнезде. Всего здесь обитают 18 краснокнижных видов птиц, включая змеяда, беркута, скопу, орлана-белохвоста. Это одно из трех мест в Европе, где обитают все девять европейских видов дятла. О благополучии экосистем свидетельствует наличие таких хищников, как медведь и рысь. Сохранился барсук, хотя на сопредельных территориях он почти исчез из-за браконьерского пресса. В заповеднике под руководством В. С. Пажетнова реализуется программа по пополнению генофонда медведей. В 1996—2000 гг. был произведен выпуск нескольких партий медвежат, всего 12 особей. Поэтому, думается, медведь здесь не ис-

чезнет, как в ряде соседних областей. Теперь следы медведей можно встретить чаще, чем 5—10 лет назад.

В 1997 г. в заповеднике «Брянский лес» была начата реализация проекта по воссозданию прежнего ареала зубра. Для создания маточного стада тогда было завезено три зубра из питомника Окского госзаповедника. Сейчас в заповедном лесу живут 9 этих самых крупных млекопитающих Европы. Пока все они завезены из других мест, но есть надежда, что в недалеком будущем появятся первенцы. Проект финансируется Всемирным фондом охраны дикой природы (WWF).

Заповедник расположен в густонаселенном районе, поэтому особое внимание уделяется развитию экологического просвещения. Для этой цели был построен современный визитерский центр (при финансовой поддержке Всемирного фонда охраны дикой природы и фонда Макартуров), который ежегодно посещают несколько тысяч человек, в основном из местных учебных заведений. Сотрудниками заповедника публикуются научно-популярные статьи, календари и буклеты, издавалась газета «Заповедный свиток», установлены творческие связи со школами и музеями Брянщины, проводится ежегодный конкурс детских рисунков на экологическую тематику, оформлены художественными композициями и фотостендами залы ожидания вокзалов райцентров Суземки и Трубчевска, развито сотрудничество с областным телевидением.

Заповедник окружен населенными пунктами с низким уровнем жизни и безработным трудоспособным населением, чем обусловлены огромные трудности в охране территории. Не-

смотря на усилия инспекторов, браконьеры ищут бреши в охране: пытаются охотиться ночью, в праздничные дни, все шире переходят на самодельные способы добычи. Бывают случаи, когда они используют самодельный взрывчатый транспорт. В связи с завершением строительства асфальтированной дороги вдоль границы охранной зоны участились визиты заезжих браконьеров, которые, в отличие от местных, используют быстходный транспорт, что затрудняет их задержание. Хотя заповедник имеет 4 УАЗика и Ниву, они далеко не всегда бывают задействованы в охране из-за отсутствия ГСМ, запчастей. Службе охраны не хватает снаряжения, обмундирования, хорошего оружия. Не всегда удается наказать нарушителей из-за плохого выполнения административных постановлений и судебных решений. Это, а также ничтожная зарплата объясняет высокую текучесть кадров и низкий уровень профессиональной подготовки. Охрана заповедной территории держится на энтузиазме отдельных сотрудников. В 1999 г. изъяты 8 ружей, более 30 петель для ловли диких копытных, на нересте изъяты десятки сетей. По итогам 1999 г. старейший сотрудник охраны П. Н. Шпиленок был удостоен звания лауреата первой премии Всероссийского конкурса среди заповедников «Рейнджер 99» в номинации «Громкое дело».

1. Гнезда аистов встречаются в нескольких местах заповедника
2. Неясыть — обычный обитатель заповедного леса
3. В 1997 г. в заповеднике была начата работа по восстановлению ареала зубра
4. Яркая окраска зимородка неизменно привлекает к нему внимание
5. Утро туманное...
6. На поляну вышел лосенок
7. Лесная речка — приют многих околотовных обитателей.

БРЯНСКИ

ФОТО И. ШПИЛЕНКА

Й ЛЕС

Ружья XXI века

Ижевский механический завод

М. БЛЮМ

Магазинное помповое ружье МР-133 имеет патронники разной длины: 76 или 89 мм. По сравнению с ИЖ-81 цевье стало удобнее, коробка приобрела более приятные очертания, форма спускового крючка изменена для большего удобства, была добавлена вторая тяга, соединяющая цевье и затворную раму. С правой стороны ствольной коробки появилась кнопка затворной задержки, а кнопка разобщителя стала более удобной. Стал более совершенным отъемный ударно-спусковой механизм и механизм подачи патронов на линию досылки в патронник. Все это сделало ружье более надежным. Вновь разработанный узел соединения ствола с трубчатым магазином позволил устанавливать удлинитель магазина. Вместимость магазина от 3 до 6 патронов в зависимости от длины патрона и наличия удлинителя трубчатого подствольного магазина. Стволы могут иметь сменные дульные сужения, а длину 540, 600 или 700 мм. На стволах длиной 600 и 700 мм устанавливается вентилируемая прицельная планка. Вес ружья не более 3,3 кг. Ружье может быть изготовлено с классическим прикладом, с пистолетной рукояткой и откидным прикладом или вообще без приклада.

В 1998 г. к отечественным самозарядным ружьям добавилась еще одна модель, созданная на базе помпового ружья ИЖ-81, а в 1999 г. началось их серийное производство. **Ружье МР-151** имеет газоотводный механизм с кольцевым газодымовым поршнем, перемещающимся по наружной поверхности трубки подствольного магазина, рассчитанного на заполнение четырьмя патронами. Однако если к магазину пристроить имеющийся в комплекте удлинитель, то емкость увеличивается до семи патронов. Припаянная к стволу стойка, располагающаяся под стволом

примерно посередине, является газовой камерой, которая с трехпозиционным газовым регулятором позволяет производить стрельбу различными по мощности патронами. Все детали, соприкасающиеся с пороховыми газами при выстреле, покрыты хромом для защиты их от поверхностного разрушения и увеличения срока службы. Следует обратить внимание на то, что затвор несколько облегчен, а это способствует более легкому отпиранию системы после выстрела за счет уменьшения потерь энергии. Это ружье имеет стволы цилиндрической сверловки длиной 600 мм, а стволы длиной 700 и 750 мм изготавливаются с полукоковой и чоковой сверловками под патроны с длиной гильзы 70 мм и максимальным давлением 663 кг/см². Вес ружья от 3,5 до 3,6 кг.

В 1996 г. авторитетный итальянский журнал «Armi e tiro» признал Ижмех крупнейшим в мире производителем оружия. В 1998 г. завод изготовил 600 тыс. единиц спортивного и охотничьего оружия, которое поставлено в 50 стран мира. Завод постоянно экспонирует свои образцы на международных выставках в Нюрнберге и США. На крупной международной выставке Shot Show, прошедшей в США в 1999 г., оружие Ижмеха получило диплом Американской Ассоциации производителей и продавцов огнестрельного оружия. В марте 1999 г. завод в шестой раз участвовал в Нюрнбергской выставке, на которой экспонировал более 80 моделей. 20 моделей были новинками. Среди них выделялся новый **малокалиберный карабин МР-141К** под патроны кольцевого воспламенения с полностью пластмассовой ложей, которая частично закрывает ствол сверху. Карабин получил современный и оригинальный внешний вид, который, безусловно, привлечет внимание потребителя. Карабин имеет затвор прямого действия и простую разборку, которая не требует применения специального инструмента. В конструкции предусмотрена возможность переделки карабина под более мощный патрон .22WMR.

Необходимость в увеличении производства оружия привела к внедрению новых технологий, таких как точное литье, порошковая металлургия, поперечная винтовая прокатка, чистовая вырубка, прошивка ствольных заготовок, значительное повышение коэффициента использования металла, сокращение или полное исключение затрат на механическую обработку деталей. Освоен технологический процесс изготовления стволов спортивно-охотничьего оружия из прутка методом прошивки заготовок, нагретых до температуры 1150° Цельсия с последующим редуцированием в горячем состоянии на вертикально-ковочных машинах. Этот метод позволил снизить расход металла на одну ствольную заготовку на 1,9 кг. Для стволов нарезного оружия стал применяться метод холодного редуцирования, при этом одновременно выполняются канал ствола и основные элементы патронника, за счет чего достигается их взаимная соосность. Все это значительно снижает объем обработки резанием.

К середине 1998 г. Ижмех окончательно определился с номенклатурой самого дешевого охотничьего оружия, которое почему-то всегда считалось принадлежностью начинающих охотников, а речь идет об одноствольном однозарядном переломном **ружье ИЖ-18МН**. Это ружье скорее можно считать ружьем, из которого может стрелять только профессионал, так как оно допускает сделать только один выстрел, и он должен быть результативным. В спортивной охоте надо стремиться к одному красивому «королевскому» выстрелу. Такое может себе позволить только высококлассный стрелок. В данном случае идет речь только о спортивной охоте, а не о промысловой, когда приходится отстреливать большое количество животных. Так вот, эта одностволочка стала выпускаться в самых разнообразных вариантах. С гладким стволом от 12 магнум до 32 калибра, 10 модификаций с нарезными стволами под патроны, начиная с патрона .222 Ремингтон и кончая довольно рас-

¹ Окончание. Начало см. в № 9, 2001.

MP153 - оригинальное самозарядное ружье. Для стрельбы могут применяться все виды патронов 12 калибра с гильзами длиной 70, 76 и 89 мм

пространенным среди наших охотников патроном 7,62x51, с оптическим прицелом, с ложей типа «Монте-Карло», с ложей типа «Stutzen», закрывающей ствол снизу по всей длине, с матовым хромированием ствола и ложей в стиле «Ferlach», с камуфлированной ложей из поликарбоната, выполненной заодно с цевьем (ствольная коробка закрыта с боков), с рамочным прикладом из поликарбоната. На некоторых образцах устанавливается эжектор. Появился и облегченный вариант этого ружья под названием «Юниор». За рубежом это ружье попало в разряд престижных однозарядных штуцеров для спортивной охоты на копытных и получило наибольшее распространение в Финляндии и Швеции.

Следует отметить, что завод производит некоторое количество карабинов «Байкал-Манлихер» (БМ-7,62) под патрон 7,62x51 с болтовым затвором и шнеллерным механизмом. Магазин ротаторный, отъемный, рассчитан на размещение 5 патронов. Ствольная коробка, затвор и ствол изготавливаются за рубежом. Завод изготавливает только ложи и производит сборку карабина.

Сейчас в продаже появилось самозарядное ружье MP-153, которое явилось дальнейшим совершенствованием модели MP-151. Это ружье с подствольным трубчатым магазином, рассчитанным на размещение от трех до шести патронов в зависимости от исполнения этого ружья под определенный тип патрона. Модель 153-12/89 допускает ис-

пользование патронов с гильзами длиной 70, 76 и 89 мм. Емкость магазина рассчитана на размещение трех патронов 12 калибра с гильзой 89 мм, четырех патронов с гильзой 76 мм и пяти патронов с гильзой 70 мм. Патронник под гильзу длиной 89 мм рассчитан на применение патронов «супер-магнум» со стальной дробью. Вместимость магазина может быть увеличена за счет удлинителя. Длина стволов у этой модели 540 мм. В модели MP-153-12/76 допускается использование патронов 12 калибра с гильзой длиной 76 мм (в магазине размещается четыре таких патрона) и с гильзой 70 мм (этих патронов в магазине помещается шесть штук). На этот образец может быть поставлен ствол длиной 600 мм или 700 мм. На всех модификациях стволы длиной 600 и 700 мм имеют вентилируемые прицельные планки. Кроме того, некоторые образцы имеют стволы со сменными чоковыми втулками, что позволяет устанавливать следующие дульные сужения: четверть чока, полчок, три четверти чока и полный чок. Эти ружья выпускаются как с классическим прикладом, имеющим пистолетной формы шейку и резиновый затыльник, так и с пистолетной рукояткой и откидывающимся прикладом. Можно заказать и образец только с пистолетной рукояткой без приклада. Вес ружья не более 3,6 кг. Перезарядка ружья осуществляется за счет энергии отведенных через отверстие в стволе пороховых газов. Двигатель, перемещающий подвижные части ружья при перезарядании, имеет кольцевой поршень, который скользит по наружной поверхности трубки магазина. Автоматический газовый регулятор обес-

печивает надежную работу автоматики на разных патронах. Детали, подверженные воздействию пороховых газов, к которым относятся канал ствола, патронник, поршень и газовая камера, хромированы. Запирание канала ствола перед выстрелом осуществляется на муфту ствола качающимся клином затвора, что уменьшает нагрузку на ствольную коробку, позволяет облегчить ружье и увеличить его долговечность. Ударно-спусковой механизм смонтирован на отдельном основании, имеет курок и исключает возможность произвести выстрел при неполном запертом затворе. Кнопочный предохранитель блокирует спусковой крючок. С классическим прикладом и стволом длиной 700 мм ружье имеет длину 1230 мм. Приклад и цевье изготавливаются из ореха, бука или тонированной березы. По желанию заказчика ружье может комплектоваться сменным стволом и вторым складывающимся прикладом или пистолетной рукояткой.

На выставке 2001 г. в Нюрнберге экспонировались новые образцы гладкоствольного и нарезного оружия. Такие как самозарядное ружье MP-154 с отключаемым механизмом автоматики под патроны 12/89 и 12/76, трехствольное ружье с вертикальным расположением стволов MP-271 (верхний гладкий ствол 20/76, нижний нарезной под патрон 7,62x51, а справа между стволами размещается ствол под патрон кольцевого воспламенения калибра 5,6 мм), тройник MP-272 с двумя верхними стволами под патроны 12/70 и нижний — нарезной под патрон .222 Ремингтон, двуствольная винтовка MP-221 «Артемид» под патроны 7,62x51 и настоящая курковка ИЖ-43КН.

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22
E-mail: chief@brush.kirov.ru

КМ
* ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ *

Знаменитые ружья

Лучано Бозис

Юрий МАСЛОВ

Лондонские корифеи ружейного дела долгие годы оставались вне конкуренции. Дорогие бескурковки знаменитых английских компаний отличались невероятным долголетием, передавались от деда к внуку. «Пёрде», «черчилли», «боссы» выдерживали до 50 тысяч выстрелов без малейшего ремонта. Много это или мало?

Даже самый страстный охотник редко делает за сезон две сотни выстрелов, обычно — не более ста. Но если стрелять и по 1000 раз в год, английского ружья хватит на 50 лет! Случилось то, что неизбежно должно было случиться. К началу 1970-х годов рынок оказался перенасыщен дорогим британским оружием. И молодые охотники перенесли свои взоры с туманного Альбиона на солнечное побережье Адриатики.

Италия — страна страстных охотников. Здесь любят добротное, надежное и красивое оружие. Англичане — народ сдержанный и рассудительный, а каждый итальянец в душе поэт. За последнее столетие англичане ничего не изменили в конструкции своих ружей (на то они и консерваторы). Итальянская ружейная промышленность — совсем другое дело.

Оружейники Апеннинского полуострова славились своим искусством еще со времен Римской империи, задолго до появления огнестрельного оружия. Во Флоренции, Милане, Венеции изготавливалось дорогое, с роскошной от-

делкой, холодное оружие. Центром производства огнестрельного оружия в Италии с XVI века становится Брешия и ее окрестности. Имена итальянских мастеров гремели на весь мир. Особой популярностью пользовались ружья семейства Коминаццо. Причем не только в XVII столетии, но и гораздо позже, в начале XIX века, когда технология оружейного производства повсеместно шагнула далеко вперед. Старым ружьям Лазаро Коминаццо по-прежнему приписывали совершенно необыкновенные качества. Однако потом пальму первенства на долго перехватили англичане.

Вновь на изделия итальянцев обратили внимание лишь в середине 60-х годов XX века. Отныне на первое место выходит не сверхдолговечность оружия, а его безопасность, высокая надежность механизмов и, главное, дешевизна. Этого можно добиться лишь в промышленном производстве с применением новейших станков и передовых технологий. И итальянцы достигли тут поистине заоблачных высот. Сегодня во всем мире нет уголка, где бы не знали о добротных, недорогих охотничьих ружьях из провинции Брешия. Но и ценители шедевров ружейного искусства не остались без внимания. Продукция фирмы «Лучано Бозис» — как раз для них.

Охотничьи ружья небольшой фирмы из местечка Травальято, что в окрестностях Брешии, стоят в одном ряду с

шедеврами Босса, Пёрде, Лебо-Куралли. Более того, ценители ружейного искусства сегодня все чаще предпочитают монументальным творениям британцев изящные двустолки итальянских мастеров.

Ружья с клеймом Luciano Bosis относятся не просто к высокой, а к наивысшей категории качества. За деньги, потраченные, к примеру, на модель «Микеланджело», можно купить не менее двадцати «беретт» рядового разбора. Создать ружье суперкласса по силам лишь избранным мастерам, настоящим художникам. Тут мало быть просто отличным оружейником. Тут требуется вдохновение, полная самоотдача, безаветная преданность своему делу. И месяцы, а порой — годы кропотливого труда. А это, согласитесь, стоит недешево.

Мастерская «Лучано Бозис» работает только по индивидуальным заказам. В год производится не более 20 ружей. И каждое — уникально.

Оружейник прежде всего досконально выясняет, что же требуется заказчику. Беседы с ним продолжаются часами на протяжении нескольких дней. Чтобы погрузиться в мир охотничьей романтики, прочувствовать поэзию того, конкретного, вида охоты, которому заказчик отдает предпочтение, мастер специально выезжает в поле, лес или на озеро. И только потом берется за работу.

Фирма славится особой тщательностью в подборе материала для ложи. Тут свои тонкости.

Первое, на что обращает внимание заказчик, — это гравировка металлических частей и текстура древесины. Внешний вид ружья не вызывает нареканий: казалось бы — чего же еще? Но не так все просто. Что касается гравировки, тут сомнений быть не может: на ружьях высшей категории качества она выполняется только первоклассными художниками и только вручную. С фирмой сотрудничают лучшие итальянские граверы: Анджело Галеацци, Манрико Торколи, Фирмо Фракасси, Джанкарло Педретти, Марио Терци... А вот к рисунку на прикладе и цевье совершенно другие требования. У заготовки может быть очень простой рисунок, но, тем не менее, именно ей отдается предпочтение. В чем тут дело?

Во-первых, для ружья жизненно важна абсолютная целостность приклада. Приклад воспринимает в момент выстрела огромные нагрузки, и если древесина окажется некачественной, в районе коробки возникнут трещины. Опытный глаз мастера-ложечника сразу выявляет слабины в заготовке: червоточины, трещинки или скрытые сучки.

Во-вторых, в идеале слои древесины должны идти параллельно линии шейки и линиям приклада. Конечно, на практике подобное встречается нечасто. Вполне прочными и долговечными

считаются ложи, у которых слои древесины параллельны либо шейке, либо линиям приклада. Но если эти слои перпендикулярны стволам, поломка ложи вам гарантирована. Разумеется, мастера фирмы обратят внимание заказчика на эти нюансы, ибо престиж марки дороже любой сиюминутной выгоды.

В настоящее время фирма выпускает три типа охотничьих двустволок. Самая престижная модель — «Микеланджело». Этот бокфлинт системы Босса с унитарным спусковым крючком — вершина совершенства среди вертикалок. Первая такая бескурковка была создана лондонской компанией «Томас Босс и Ко» в далеком 1909 году. С тех пор лишь очень немногие оружейники мира воплотили в металле эту сложную и дорогостоящую конструкцию. Приобретение «босса» считается у коллекционеров са-

мым выгодным вложением капитала: продажа ружья на аукционе высшего уровня всегда гарантирована. Двустволки этого типа у «Бозис» стоят дешевле, чем в Лондоне, да и получить заказчик готовое изделие в два раза быстрее. А вот если выставить «бозис» на аукционе «Сотбис» или «Кристи», то стартовые цены «Микеланджело» и оригинального лондонского «босса» будут одинаковыми.

Кроме ружей с вертикальными стволами итальянская фирма выпускает горизонталки классического типа с подкладными замками на досках. Эти дорогие двустволки изготавливаются по образцу модели высшей категории качества «Роял» лондонской компании «Голланд и Голланд». Ружье может иметь один или два спусковых крючка, а также английский или пистолетный типы лож. Калибр, длина стволов, вес и отделка — по желанию заказчика.

И, наконец, третий тип ружей «Бозис»: горизонталка с коробчатыми замками модифицированной системы «Энсон и Дили». Это самая дешевая модель в ряду элитных ружей знаменитой итальянской фирмы.

Что касается конкретных цен, то они варьируются в очень широких пределах. Многое зависит от материала стволов и ложи, отделки, стиля гравировки. Но главное — от времени, потраченного на подгонку всех параметров ружья к телосложению заказчика. Приобретение ружья «Бозис» можно сравнить с заказом костюма в ателье. Клиент выбирает модель и материал, и костюм шьется точно по его фигуре. Но какова бы ни была ваша «фигура», мастера фирмы «Лучано Бозис» в конце концов обязательно сотворят очередной шедевр.

Фотоконкурс

Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство» проводит
очередной фотоконкурс под девизом «Охота и природа, 2001»

Подробная информация о фотоконкурсе - в № 2 за 2001 год

Для Вас!

Охотники! Рыболовы! Туристы!

Закрытое Акционерное Общество «ИРБИС XXI век»

*Предлагает широкий выбор товаров, боеприпасов и оружия
со складов в Москве, Барнауле и Серпухове по оптовым ценам*

Оплата товара: наличный, безналичный расчет и взаимозачет

Отгрузка товара: багажом, ж/д контейнером, авиатранспортом и самовывоз

Приглашаем к сотрудничеству отечественных и зарубежных производителей

*В Москве: ЗАО «ИРБИС XXI век» 129090, г. Москва, ул. Щепкина, д. 22, подъезд 2
м. «Проспект Мира», м. «Сухаревская»*

тел. (095) 284-32-88, тел/факс (095) 284-01-44, местный тел. 2-44

Наш адрес в Интернет: [www. irbis XXI vek. ru](http://www.irbis XXI vek. ru)

В Барнауле: ООО «ИРБИС-АЛТАЙ»

656002, г. Барнаул, ул. Воровского, д. 161, тел. (3852) 38-10-99

В Серпухове: ЗАО «ИРБИС-ОКА» 142200 Моск. обл., ул. 1-я Московская, д. 9,

Магазин «Охотничьи просторы»

Тел/факс (096-27) 72-56-82

Пробы гончих

А. СТРУЧКОВ

С 1942 года и далее, в тяжелые военные и послевоенные годы, мне, как и многим деревенским мальчишкам, приходилось очень много работать по ведению домашнего хозяйства. Надо выращивать картошку и овощи. Простой ручной косой с двенадцати неполных лет заготавливал сено; зимой — уход за коровой, кормилицей всей семьи, доставался тоже мне. Держали и другой скот и птицу.

Во дворе постоянно держал одну, чаще двух дворовых собак. Старался заводить покрупнее. Присматривался, какой крови в них больше — от сторожевых собак или охотничьих. С детских лет испытывал и испытываю страсть к лошадям, собакам, а из птиц — к гусям и голубям. С возрастом больше внимания стал уделять чистокровным животным.

С 1948 года учился в Уфе, а родительский дом находился в ста километрах. В конце августа, приезжая в Уфу после летних каникул, я заставал на улицах города большие рекламные щиты о прошедшей республиканской выставке охотничьих собак. На этих щитах красовались пойнтеры в напряженной грациозной стойке и другие охотничьи собаки. Как это все волновало меня!... От подобных изображений я не отходил очень долго, сожалел, что не видел этих чудесных животных. С транспортом в те годы было очень тяжело. Пригородных поездов не было. Дома важных дел от зари до зари. Да я и не знал о сроках проведения республиканской выставки. Так четыре года я восторгался и наслаждался только афишами. Охотничьей литературы мне не попадалось.

Утром, идя на учебу по улицам города Уфы, много раз видел возвращающихся с охоты счастливых охотников с охотничьей экипировкой со связками водоплавающей птицы, с импортными ружьями, да еще с курчаарами. Виденные мной подобные картины не исчезали из памяти много дней и недель. Я мечтал, чтобы быстрее настало время и обстоятельства, чтобы я мог заняться охотой.

Потом срочная служба на Балтийском флоте. Затем опять учеба.

В жизни мне везло на общение с хорошими и полезными людьми. Так, в Горьком моим однокурсником был Женя Ручкин из Марийской республики. Он был моложе меня, но имел большую страсть к охоте и собакам. Главное, он уже имел приличный практический опыт охоты по водоплавающей и боровой птице в разные сезоны.

Живя в Горьком, я часто заходил в книжные магазины, приобретал книги по охоте. В киосках покупал журнал «Охота и охотничье хозяйство». Торо-

По белой тропе

пил время, хотелось быстрее закончить учебу, приступить к работе, самостоятельному образу жизни и как можно быстрее завести гончую и охотиться с ней.

Получил направление на работу в северный район Горьковской области, где много леса и простора для охоты. В райцентре Урень охотников было около двадцати. Чистокровных гончих не было. Были только вислоухие собаки под названием гончие, — с ними и охотились и добывали зайцев. В первую же осень я приобрел трехлетнего русского гончего Задора с полной родословной. К сожалению, он скоро трагически погиб. Мечтая о выдающейся гончей с ярким залившимся голосом, я ежегодно покупал гончих с родословными. Но за шесть лет не нашел ничего подходящего. Дошел до отчаяния, понес большие материальные затраты. В этой связи назрел семейный кризис. Я потерял всякую уверенность найти желаемое. Одновременно потерял веру в то, что писали дореволюционные и современные гончатники о прекрасных рабочих качествах, о чарующей музыке гона...

Случай свел меня с А. Н. Распоповым из г. Кирова. В то время у него был чемпион Амур 1382 р. г. с оценкой «отлично», 2 дипл. — II, 2 дипл. — III и 1 дипл. III степени в смычке, при голосе 8.3.4, 8.4.4. Я решил приобрести потомка от этого чемпиона.

Анатолий Николаевич, человек щедрой души, помогал как мог, и в 1966 году моя мечта сбылась. Я получил пятилетнего Урала — сына ч. Амура 1382. Урал багряный, невысокий, простоват, хорошо одет, костист, но без оценочных и полевых дипломов. Появилась надежда на интересную охоту, и я стал готовить его к сезону. Много гулял с ним на поводке, купал в реке, бегал по грунтовым дорогам, гонял на велосипеде.

Наблюдая мои неудачи с гончими,

мои семейные скандалы из-за них, местные гончатники советовали мне бросить тратить деньги на собак с бумажными сертификатами. Уговаривали взять щенка от местных гончих; например, у лесника дяди Пети: всего-то одна-две бутылки, обмоем и будешь с гончей. Но я не сдавался.

Наступил август. Мой Урал был физически готов к серьезной нагрузке, хотя послушать его не удавалось, — то жара, то дожди, то занят, то попадались зайчата. После долгих размышлений я решился на пробу.

Идя по лесу, мой товарищ по охоте Петр отмечал, насколько крупнее его Баян в сравнении с Уралом, насколько длиннее. Упрекал меня, что не взял щенка — однопометника Баяна, зря отдал месячную зарплату за иногороднего Урала.

Пришли в лес, идем просекой на юг. Набросили выжлецов, пошли медленнее, изредка порскаем. Сердце волнуется-трепещет, как перенести возможную неудачу, а возможно, и многократные насмешки за очередную покупку.

Прошли около десяти минут, слева-сзади в трехстах метрах два-три раза прозвучал голос выжлеца. Через несколько секунд еще и взрыв — яркая помывка по зрячему. Меня — как током. Гон пошел на юг широким кругом. Гонит один выжлец доносчивым, породным, щедрым, модулирующим голосом, часто слышно второй более высокий тембр. Этот второй голос создает впечатление, что подвалила вторая гончая. Иногда я и сам сомневался, одна ли собака гонит. Широким кругом по ходу часовой стрелки идет красивый, яркий, душу волнующий гон, пересекая просеку в полукилометре от нас. Затем гон пошел на север вдоль местной речки. На этой речке бобры подняли плотину и вода залила часть леса. Слышим, в ста метрах и ближе парато проходит выжлец, только шум

от бега по воде, да его многоголосый навзрыд гон. Вот он пошел на север к лугам и опушке леса, затем на восток более широким кругом, чем первый.

С большим нетерпением ждем, когда подвалит второй выжлец, а гонит пока один. Я не знаю куда себя деть, не знаю, что предпринять, не могу понять, что происходит, как будто вопрос встал, быть или не быть чему-то чрезвычайно важному.

Петр сияет от великолепного гона. Блаженная улыбка не сходит с его лица. Стараются говорить тише, чтоб не подшуметь зверя, да лучше слушать гон. Но от радости начинает вскрикивать. «Слышишь, как гонит, слышишь, какой голос, опять двойной. Вот залил, а это почти зарев!!! Я говорил возьми у меня щенка, отдавал недорого. Теперь и у тебя был бы такой гонец. Какое чутье, а паратость. Во-во, опять двойной голос...»

Я постоянно отворачивался от него. Не хотел показывать своих слез, а они капали мне на куртку, иногда слышал, как они ударялись о мои сапоги. Я проклинал себя, что согласился на эту позорную для меня пробу. Не понимал, что меня так взволновало, в чем главная причина: необычный яркий гон, упреки Петра, что не взял у него щенка, прошлые неудачи с гончими, семейные проблемы или все, вместе взятое.

После короткого молчания Петр произнес:

— А твой-то где?

Это был последний — завершающий удар по моему самолюбию. В голове шумело, сердце стучало с перебоями. Я был в шоке. Я еле отошел в сторону и тупо глядел по просеке на юг.

Вдруг страстная яркая помычка по зрячему вернула меня к действительности. Вероятно, перед этим был короткий скол. Не зная что предпринять, я быстро пошел по просеке ближе к гону, дальше от Петра. Гон шел в мою сторону. Может пересечь просеку. Че-

Перед началом охоты

рез несколько секунд, вижу, через просеку проскакал матерый беляк. Петр мне на ухо, какой большой. Я не заметил, как он шел за мной. Следом за зайцем в 25—30 секундах, щедро отдавая породный сильный двойщийся голос, проскакал Урал, и гон пошел на удаление.

Я взглянул на Петра, он и так-то не высок, метр с шапкой, а сейчас стал еще ниже. Лицо побледнело, глаза гомутнели, челюсть отвисла, рот широко раскрыт. Не помню, сколько времени была эта немая сцена. Мне был неприятен вид Петра. Я перевел взгляд в сторону и вижу — по просеке по нашим следам бежит Баян, радуясь, что нашел хозяина. Ткнул носом в опущенную руку хозяина, слегка радостно взвизгнув, замахал гоном и всем задом. Почувствовал это Петр, глянул на собаку, признал, что это его Баян. Сердито произнес: «Ах ты, гад такой» — и сильно нул сапогом в живот.

С этого года я стал иметь настоящих гончих. Поверил в чистокровных гончих с очень хорошими родословными. Наладились семейные отношения. Завязалась дружба с гончатниками нашей и соседних областей.

Держал и держу обычно смычок. Были: Заря с дипломом I степени, двумя дипломами II степени, за голос — 8.3.4.

Волна с дипломом I степени, двумя дипломами III степени в смычке, за голос — 7.3.4.

Лада с двумя дипломами I степени, одним — III степени, за голос — 7.3.4.

Это отдаленные потомки ч. Амура 1382 А. Н. Распопова, ч. Набата 1235 К. А. Орлова из Перми. С прилитием крови гончих М. А. Сергеева и Э. В. Шмита с приставкой к кличкам охотничьи. Пишу в благодарность этим собаководам за их труд и щедрость души и в память о них и их выдающихся гончих.

Фото Н. Яровицкой

В.Е. Флинт

СТРАТЕГИЯ СОХРАНЕНИЯ РЕДКИХ ВИДОВ В РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

С каждым годом на нашей планете становится все меньше природных сообществ, а многие виды животных исчезают с лица Земли. Человечество столкнулось с этой проблемой давно, но относительно недавно мы осознали необходимость мер по предотвращению процессов вымирания животных. Этому в большой мере способствовало создание Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП), а также Комиссии по редким видам, что позволило включить эту проблему во Всемирную стратегию охраны природы.

Этой важной проблеме посвящена замечательная книга доктора биологических наук, профессора В. Е. Флинта «Стратегия сохранения редких видов в России: теория и практика», в которой он впервые предлагает научно обоснованный комплексный подход к сохранению редких видов животных. Книга — результат более чем 25-летней многогранной научной деятельности автора в области охраны и изучения редких видов. В. Е. Флинт в живой и увлекательной форме рассказывает о проблеме сохранения редких видов в бывшем Советском Союзе и России. Ведь автор книги стоял у истоков и на протяжении многих лет руководил рядом проектов по спасению редких видов животных. Он принимал активное участие в создании Красной книги СССР, в организации питомников редких видов, в проведении конференций и совещаний, посвященных этой проблеме, создании проекта Федерального закона СССР «Об охране и использовании животного мира». Всемирную известность В. Е. Флинт получил при проведении «Операции стерх» и создании вольерной популяции стерха в питомниках Окского заповедника и Международного Фонда охраны журавлей.

М. ГЛАЗОВ, канд. географ. наук

Рыжий Угар

Георгий СЕМЕНОВ

Снег просыпался в последние дни осени, когда земля была скована первым морозцем. Ветер подхватил сухие снежинки, закружил их, стал сметать с голых полей в овраги и к лесным опушкам — и началась белая кутерьма. А после метели, как всегда, потеплело и даже пролился дождь.

Но вдруг ударил мороз.

Солнце в розовой, лютой мгле поднялось над обмороженной землей, над голыми и мертвенными в глинистом своем однообразии полями, над обледеневшей желтой осокой едва припорошенных болот, над еловыми опушками и сквозящими березняками.

Все обмерло в страхе перед этими бесспешными морозами, все застыло в тишине солнечных дней и лунных ночей.

Каждая веточка, травинка, каждый обмороженный листик, крохотный какой-нибудь кустик, покрытый корочкой льда, — все это трещало, разрушалось с хрустом под ногами, легко разламывалось, вскрикивало, и оттого ходить в оцепеневшем лесу стало неловко, словно бы виноват был перед лесом за нарушенный, мрачный его покой, словно бы не до тебя ему теперь, не до твоей утех.

Вспорхнет неслышно синица, мороз уколёт щеку, захлебнешься вдруг холодным, льдистым воздухом, закашляешься, остановишься и бросишь с ненавистью душную сигарету: «Будь она трижды!» А там вдруг в еловой чаще зеленая ветка с шипеньем махнет тебя по лицу колючей своей лапой, обдаст морозным ароматом хвои.

«Черт подери, где же Угар?!»

Наш огненно-рыжий, лобастый выжлец, содравший накануне палец в кровь, давно уже топчет в тишине лапищами, ломится сквозь кусты, старается изо всех сил, стреляет паром, сопит чутким своим носом, мелькает в дымчатой чаще голого ольшаника, торопится в поиске и, забыв о содранном пальце, носится по лесу, то отдаляясь от нас, то вдруг пугая неожиданным и шумным приближением.

— Ай-яй-яй-яй! — покрикивает егерь. — Тут-тут-тут! Работай, Угар, работай!

Какая уж тут работа! Все на свете позабыл Угар и живет теперь одной лишь страстью, одним лишь диким инстинктом и кажется безумным и ошалелым, когда проносится стороною, низко держа лобастую башку и не видя никого из нас, не слыша ничего, отдавшись охотничьему азарту.

Если бы не Угар, мы бы давно, наверное, ушли из леса домой, потому что какая уж тут охота, когда и шагу сделать нельзя без шума, будто ты не в лесу, а по замерзшим лужам ходишь. Одна надежда и была на Угара, которого мы из-за ноги пораненной не хотели брать на охоту и привязали, чтоб он за нами не пошел, но Угар перегрыз веревку и, прихрамывая, догнал нас уже на опушке... Вот и получилось, что не мы его привязали, а он нас привязал к охоте.

Мы с егерем не рассчитывали задерживаться в обмороженном лесу и уж, конечно, не углубились бы так далеко, не будь с нами рыжего лисогона с трубным, срывчатым голосом, который несколько раз уже пробовал и начинал как будто бы гнать и отдалялся от нас, ухая в тихом и гулком лесу. Но вдруг умолкал. И как мы ни прислушивались, как ни надеялись на гон — что-то там у него не получалось: то ли след терял, то ли ошибался, подавая голос, а то, может быть, и вовсе обманывал нас, подогревая голосом свою страсть.

Так же и на этот раз началось...

Впрочем, не совсем так, потому что, когда Угар прихватил свежий след, я был поблизости и видел, как он, торопясь и повизгивая, пересек поляну и промчался рядом со мной. Сиплым стоном прорезал тишину леса и, удаляясь от меня, мелькая в кустах рыжей рубашкой, огласил вдруг мертвенную округу набатным голосом.

И все помутилось у меня в голове, весь я превратился в чуткое существо, которому, казалось, на роду было написано только слушать этот живой набат в промороженном лесу и бежать сломя голову на этот набат и кричать в радости и восторге:

— Погнал! Погнал!.. Я видел, как он прихватил. Погнал!

Погнал Угар! Голос его, окрепнув, заполнил весь лес и четкими ударами пульсировал в моем сознании, в каждой клеточке моего окрепшего вдруг, сбросившего усталость тела. Погнал! И

понятно уже было, что на этот раз охота началась.

— Лису погнал, — сказал мне егерь, а сам торопливым шагом пошел куда-то в сторону, не туда, где слышен был бубухающий голос Угара, а совсем в противоположную, задумав, видимо, свою, одному ему известную тактику.

Страсть во мне так разыгралась, что я и сам готов был бежать за собакой. Я был неопытным еще молодым охотником, которому впервые в жизни удалось вот так хорошо увидеть, как прихватила след собака, а потом услышать начало стремительного и звонкого гона. Я не знал, что мне делать! Видимо, егерь предполагал, что я охотник бывалый и подсказывать мне ничего не надо, во всяком случае его со мной не было, и я не мог понять, где он и какие у него планы.

Когда Угар убежал так далеко, что и голос его потерялся, я остановился посреди заиндевелой сечи и стал слушать.

Было так тихо вокруг, что кровь, бегущая толчками, бьющая мне в голову гулками ударами, сбивала меня и мешала услышать далекий лай. Дыхание мое тоже мешало мне.

И только чутые подсказывало, что за далекими островами леса, вставшими посреди огромных сечей, за синими лесными далями все еще продолжался и набирал силы смертельный этот поединок хитрого зверя и лобастой умной собаки, которая еще никогда, как сказал мне егерь, не сходила с гона, коли зверь бежит живехонький и невредимый где-то впереди него. И теперь лису могла спасти лишь темнота предзимней, ранней ночи или глубокая нора, в которую не сможет проникнуть собака.

Неужели на этот раз бросил?

До слуха моего доносились чуть слышные звуки, они на лане не похожи были, казалось, будто кто-то далеко-далеко рубил топориком звонкое промерзшее дерево. Держать эти звуки на слуху было очень нелегко. Они то вдруг пропадали, и я слышал тогда только стук

своего сердца, то возникали вновь. И я побегал на эти ускользящие, загадочные звуки.

Я долго метался от одного перелеска к другому, пересекая заросшие кустарником сечи, и слышал уже в надвигающихся сумерках, как егерь потрубливал в рог, отзывая меня, как собаку с гона... Но он был так же далеко от меня, как и Угар. Промокший от пота, запыхавшийся и возбужденный, слыша опять приближающийся голос Угара, бежал я наперерез, а лиса опять разгадывала мои замыслы и опять проходила стороной.

И все-таки наступило наконец мгновение, когда наши пути скрестились.

Я стоял, пошатываясь от усталости, в реденьком перелеске и с надеждой слушал Угара, голос которого впервые за все это время раздавался так близко, что чудилось мне, будто это уже не собачий лай, а гулкие, срывчатые, страстные крики какого-то неведомого существа летели на меня, заполняя лес и меня своим трубным звоном.

И странно! Я лису сначала тоже услышал, а потом уже увидел. Я услышал, как прошуршало что-то за двумя голоствольными елками, — и вдруг увидел рыжую лису! Она бежала легкой трусцой, повернув треугольную, остренькую головку в сторону собачьего лая, прислушиваясь к этому лаю и словно бы

раздумывая, как ей быть дальше, и поэтому не видела меня, увлеченная собакой, которая была уже поблизости. Сомнения в душе, как выстрел, — собака ведь тоже рыжая! Не убить бы собаку! Нет. Это была лиса.

И я бессознательно вскинул ружье, палец дернул спусковой крючок... Выстрел! Лиса подпрыгнула и стелюще побежала. Не видя меня и не поняв, откуда этот грохот, она бежала ко мне... Я опять выстрелил, и опять промахнулся. А лиса так близко промчалась мимо, что я хорошо успел разглядеть ее: хвост по земле волочился, а голову словно бы в плечи вобрала, съжилась вся, сгорбатилась. Пронеслась рядом, так и не увидев как будто меня, и скрылась.

Угар умолк, услышав выстрелы, и вскоре вывалился из леса, подбежал ко мне и, поняв, что я промахнулся, застонал на весь лес, прихватил горячий след и осипшим голосом, простудно забил опять в свой колокол и ушел за лисой.

А я стоял и поверить не мог, что промахнулся. Стыдно мне было перед собакой и перед егерем, который пришел на выстрелы, стыдно. На все мои жалобы и проклятия он отвечал, улыбаясь: — Бывает...

За собаку только тревожился.

— Лиса не занорится, так и будет гонять, не раньше утра теперь придет, — говорил егерь, и видно было, что ему не хочется возвращаться домой без собаки.

Он потрубливал в рог. Но лес был тих и мрачен.

Но все-таки Угар пришел. Бока его рыжие ходили ходуном, язык торопливо дергался, обнажая белые клыки в разинутой пасти. Егерь успокоился и говорил собаке ласково:

— Ну что, Угарка? Что, рыжий, лапка болит? Пошли домой?

И я тоже радовался, что собака пришла, говорил ей:

— Молодец, Угар. Все хорошо сделал, а я, дубина, промазал.

— Ничего, — говорил егерь, — бывает!

В лесу смеркалось, но мы уже вышли на дорогу, которая вела в деревню, и было спокойно у меня на душе. Страсти мои улеглись, досада уже не мучила меня, и я даже подумал, когда мы подходили к дому: «Ну зачем мне эта лиса? Что бы я стал с ней делать? Шкуру содрал? А потом? Зачем мне эта шкура?»

И, оглянувшись на сумрачный, промороженный, мрачный лес, с радостью представил себе на миг рыжую лисицу в норе, перепуганную до смерти моими выстрелами и собакой, которая гоняла ее, бедную, оглашая лес набатными ударами гулко и страстного своего голоса, который теперь звучал во мне тихой и торжественной музыкой.

Публикация Е. Семеновой

Рисунки Б. Игнатьева

Рябина

Р. ДОРМИДОНТОВ

Рябину, как и березу, вполне можно было бы назвать российским деревом. Недаром ей посвящены стихи и песни, и, наверное, никому не нужно доказывать, что рябина очень красива, и потому разводят ее в садах и сажают вдоль дорог. Она легко размножается семенами, порослью от пней и корневыми отпрысками, выдерживает довольно большое затенение. Но на освещенных местах плодоносит лучше. Живет рябина до 200—300 лет.

Лето прошлого года порадовало нас фантастически обильным урожаем рябины по всей России. Но урожай такой, видимо, истощил силы рябин и в этом году и цветение было жалким, и ягод мало.

На территории бывшего Союза ССР насчитывается 34 вида дикой рябины; в России — 10 видов, в их числе обыкновенная, сибирская, смешанная, кавказская, амурская, бузинолистная, бороватая, глоговина, зонтичная и финская. Кроме того, выведены сорта рябины гранатной (полученной Мичуриным от скрещивания рябины обыкновенной и сибирского боярышника) и невежинской (название происходит от села Невежино Владимирской области, где ее начали выращивать). Кстати, черноплодная рябина относится к роду Арония. Поэтому правильнее называть ее арония черноплодная.

В нашем журнале мы рассказываем о рябине, потому что ягоды ее любят многие животные. Бурый медведь, можно сказать, обожает рябину. В урожайные годы он подолгу кормится ею и, к сожалению, обламывает для этого много веток. Молодыми побегами рябины и ее корой питаются лоси. Не брезгуют ягодами рябины волк и лисица, с удовольствием поедают их соболь, куница, белка, глухарь, тетерев, куропатки и рябчик. А уж как любят ягоды рябины дрозды, свиристели, снегири и даже вороны, рассказывать излишне. Недаром одного из дроздов называют рябинником. Поэтому рябина — желанное дерево в наших лесах, парках, лесополосах и садах. Она — хороший медонос и прельщает не только пчел, диких птиц и зверей; из ее ягод варят специфические по вкусу варенья и джемы, делают на них великолепные настойки.

В русской народной медицине ягоды рябины используют как легкое слабительное средство, повышающее аппетит. Их употребляют при лечении гипертонии, атеросклероза и почечнокаменной болезни.

Из листьев рябины получают коричнево-красную краску. Крепкую и упругую древесину рябины красноватого цвета используют для изготовления мебели и мелких изделий прикладного значения.

См. 4-ую стр. обложки

Лето прошлого года порадовало всех небывало большим урожаем рябины
Фото автора

«АРМАГЕДОН»

Игорь АЛЁХИН

Кажется, в основу очерка со столь категоричным названием должно было быть положено некое неординарное событие, нечто из ряда вон выходящее, может быть, — пророческого толка или даже мистическое. Однако на самом деле ничего подобного не произошло — я просто построил лодку. Вообще-то лодка в моей охотничьей жизни всегда занимала значительное место как часть экипировки, и первое резинотехническое изделие под названием «Омега» появилось у меня как бы не раньше, чем ружье. Прослужила надувашка верой и правдой тринадцать лет, получив за это время единственный прокол тройником вылетевшей из щучьей пасти блесны, и была благополучно продана куму Петру за тридцать рублей при первоначальной стоимости восемьдесят. По-моему, прошедшая «Крым и Рим» «Омега» и сейчас висит у него в гараже в боеготовом состоянии, несмотря на то, что Петр Константинович, обладающий весьма деятельным характером, проделывал с посудиною всевозможные эксплуатационные экзекуции. Он, например, считал нормальным проплыть на «резинке» километра четыре в дальний конец довольно глубокого лимана, затащить лодку на залом бамбукообразного тростника, взгромоздиться на нее сверху и стрелять уток из этого орлиного гнезда, ничуть не смущаясь возможностью выбираться обратно на проколотовой «Омге».

Я же к тому времени приобрел себе изделие Новосибирского авиастроительного завода — «складную килевую охотничью гребную» лодку без названия — и хоть сейчас готов отвесить низкий поклон ее конструкторам и производителям, настолько лодочка оказалась удобной, практичной и быстрой. Ее без труда можно было протаскать через заросли камыша, пронести километр-два, повесив на плечо, — при своей грузоподъемности она не весила, кажется, ничего. Под веслами лодка легко шла километров шесть в час. Собственно, почему «шла»? Она и сейчас мне служит, и, дай Бог, не последний год.

Но пришло время, когда мне показалось, что пора обзаводиться мотором. Весла веслами, а карбюратор все же позволяет, как говорится, расширить горизонты... С движком вопрос решался однозначно — его можно было только купить, тогда как лодку все же можно было изготовить собственными силами, ставя во главу угла минимум материальных затрат.

Правдами и неправдами раздобыл две дециметровые дюралевые поливные трубы-двухсотмиллиметровки, разрезав и раскатав их на вальцах, выкроил, не утруждая себя консульта-

циями с журналом «Катер и яхты» (о чем впоследствии пожалел), заготовил и при помощи газовой горелки и алюминиевого флюса сваял лодочку чуть более трех метров длины, с транцевой доской и закрытым кокпитом. Раскрашенная камуфляжными разводами моторка после регистрации в Приморско-Ахтарске получила бортовой номер, но мне этого показалось мало, и я сам присвоил ей название, хорошо помня известную многим любителям мультфильмов фразу: «Как вы яхту назовете, так она и поплывет». Я аккуратно вырезал еще один трафарет и белоснежной краской отпечатал на камуфлированном борту латинским шрифтом слово «Армагедон», не зная, что допускаю ошибку.

Испытания — ходовые, на непотопляемость и устойчивость — прошли на местной речке с оценкой «отлично» — может оттого, что председателем приемной комиссии был сам конструктор и изготовитель в одном лице. Эстетические требования были отнесены к несущественным, учитывая, что «Армагедон» являлся опытным образцом, был, так сказать, прототипом. По внешнему виду, особенно носовой части, лодка напоминала нечто среднее между утюгом и немецким линкором «Тирпиц», сходство с которым должно было еще более усилиться, стоило мне, как бывалому мореходу, закурить сигарету, а сыну, находящемуся на борту в качестве пассажира, — взять в руки ружье.

Вскорости подошло время открытия охоты на водоплавающую дичь. Сакраментальный «остап-вишневский» вопрос — «куда ехать?» повис в воздухе. Сослуживцы-охотники заговаривали со мной об этом со сложной смесью завысти, пренебрежения и себялюбия в голосе. Многие из них с удовольствием составили бы мне компанию в плавании по Азовским плавням — я не скупился на яркие выражения и захватывающие эпизоды с тучами уток на взморье и килограммовыми окунями, рвущими друг у друга блесну, — но все они понимали, каких расходов это стоит, и отводили глаза, многозначительно вздыхая. Кое-кто, совершенно уж конкретный, говорил: «Если б точно знать, что набьешь и наловишь, тогда б я поехал...» Боже мой, говорил я себе, Боже ш ты мой... Где, где те люди, с которыми я мог бы общаться? Для которых охота — это не только «дебет-кредит»?

И тем не менее на открытие охоты я поехал с компанией. Так получилось. Родственник по жене, Виктор, по давней договоренности приехал из Краснодара в пятницу утром с четырнадцатилетними сыновьями-близнятами, чему особенно был рад мой сын Костя, который всего на год их моложе и который, чего греха таить, один на один

со мной чувствовал себя несколько закрепощенным. Я видел его скованность и пытался решить проблему несколькими способами, одним из которых были совместные охоты с его ровесниками. К тому же в нашей компании оказался еще один экипаж: сослуживец, которому супруга в качестве поощрения за ударный труд в домашнем хозяйстве разрешила ежегодный вояж в плавни, ехал тоже с сыном.

Сборы заняли больше времени, чем я предполагал, но все же до обеда успели выехать. Коротж состоял из трех машин. Впереди ехал я в до отказа забитой охотничьим скарбом «Ниве» с пятнистой лодкой наверху. Сзади рулил Виктор на белоснежной «Волге», через стекла которой просматривались веселые рожи его сыновей и моего Кости. Замыкающим шел на алой «пятерке» сослуживец с сыном и включенным в последний момент в состав экспедиции моим кумом Сергеем, для которого решающим фактором его участия в поездке явилось то обстоятельство, что его родной брат, по профессии водитель, выделил ему канистру бензина.

Конечной точкой маршрута должен был стать лиман Кушеватый, богатый, по слухам, рыбой и дичью, правда, самой простецкой — лысухой, но по нынешним временам уже и лысуха стала считаться дичью, хотя на моей памяти сравнительно недавние годы, когда птицу эту били ну разве что вынужденно, а табуны ее черным покрывалом крыли большие лиманы... Шум вспугнутых стай был сравним с лавиной. Приехав охотиться, скажем, в район Рясного или Бурлуцкого лимана, кашкалдаков этих можно было набить при наличии лодки не одну сотню. Только кому это было нужно... В настоящее время, по чисто арифметическим подсчетам, количество лысухи, по-моему, сократилось в плавнях в сотни, если не в тысячи раз! И никто, кажется, этот вопрос не объясняет. Такая вот неприятная черная эта птица...

А выбор мой на Кушеватый пал не случайно. Еще летом один мой знакомый, вспоминая прошлогоднее открытие, на вопрос, как, мол, охота на Кушеватом, удрученно-восторженно произнес:

— Это не охота. Убийство.

— В смысле? — посмотрел я на его округлое лицо.

— В прямом смысле натуральное убийство. Расстрел, — улыбнулся он. — Миллион лыски, миллион охотников, три миллиона выстрелов.

— А рыба?

— Рыбы полно. Мы сеть ставили, ну ее, конечно, моторка порвала: там на моторах пьяные носятся с ночи до ночи, лыску гоняют, — так даже в обрывках мы килограммов пятнадцать карася и красноперки насобирали. Окуней и щучек.

— Ну а охота?
— Утки немного, можно сказать — мало, или места надо знать... У меня жинка лыску не приемлет, так я просто с десяток убил — раздать знакомым. Там ее на моторах — страсть как лупят.

— Так а вроде... нельзя ведь с лодки с включенным двигателем...

— Ну, — понимающе развел руками знакомый, — может, местные... Им же все можно, знаешь?

Я согласно покивал — что же делать, мол... Все мы знаем.

Дорога оказалась длинной. Дул очень сильный и очень холодный северо-восточный ветер, но светило яркое, блистающее солнце, и хотелось верить во что-то хорошее. В удачу, например. Но после станции Каневской, куда я заехал купить пленку для фотоаппарата, мы заплутали, проскочив нужный поворот. Почувствовав, что еду не туда, я остановился и стал объяснять сгрудившимся компаньонам, что сам здесь впервые и дорогу знаю по рассказам — «а сами знаете, как у нас могут объяснять...». Было очень холодно для сентября — из-за неожиданного не то циклона, не то его антипода. По небу летели рваные тучи, солнечного света убавилось. На мой вопрос — куда мы едем? — водитель притормозившего грузовика указал пальцем — «там Чепигинская». В родную станцию славного атамана Чепиги нам «триста лет было не нужно», поэтому пришлось поворачивать, мерить обратно пройденные километры! Поэтому, когда мы наконец свернули с асфальта на свеженакатанную грунтовку и пристроились в хвост трактору, тащившему за собой прицеп, я вдохнул с облегчением. В прицепе перекосенной стопой лежали лодки-подъездки, штук шесть, и в разные стороны торчали длинные деревянные скамьи, незаменимые на сельских свадьбах, к которым может быть приравнено и открытие охоты, надо полагать. Так что по всему выходило, что ехали мы правильно.

Черно-глянцевая дорога покатила вниз, и сразу стал виден широкий свинцовый разлив лимана с извилистой каймой зелено-бурых камышей. На развилке дорог трактор поджидала бортовая машина, кузов которой тоже напоминал кадры из кинофильма «Табар уходит в небо». Я обреченно поехал следом за этими переселенцами. Они знали дорогу, я — нет, но надеялся где-нибудь отпочковаться от их компании. Лиман-то не маленький...

Совсем рядом с камышами в лесополосе был широкий разрыв, большущая клинообразная поляна заканчивалась у воды травяной дамбой, вокруг которой, словно зубы гигантского чудовища, залегшего под берегом, торчали редкие бетонные сваи. Трактор и грузовик поехали дальше, не остановившись, и я содрогнулся от радости. Хотя и понимал, что на нашу поляну могут до вечера приехать десять тракторов с прицепами и пяток тягачей-дальномерщиков.

По зеленой траве-мураве между редких акаций мы заехали в посадку и наконец стали окончательно.

Место оказалось довольно уютным, благо от ветра его прикрывал высокий косогор. Пирс, на котором мы оказались (так называли его местные), пока был заселен мало. У самой воды стоял неприкаянный желтый «Москвич», да рядом с нашей стоянкой пировала компания о двух «Жигулях». Приехали они значительно раньше нас, потому что один их товарищ уже не подавал признаков жизни, уткнувшись лицом в траву. Но я хорошо понимал, что обстановка к вечеру может очень измениться, и на всякий случай обдумывал план передислокации вдоль береговой линии. Судя по всему, на новой стоянке для выхода к воде пришлось бы ломать проход в тростнике — двадцать, тридцать, пятьдесят метров... А тут чистый берег, удобная дамба — «пирс!» — и рыбку можно половить, наверное... И я остался. Точнее, все мы остались. Я вроде как за главного, потому что из взрослых Виктор-краснодарец был гостем и в общем-то не охотником, кум Сергей Георгиевич был страстным охотником, но по доброте и восторженности характера большую часть времени на охоте в плавнях проводил в невменяемом состоянии, не расщеляя свой новенький бокфлинт, а последний, сослуживец Саша, был из числа людей, которые очень мало говорят, но очень много делают, пока говорят другие. Кроме того, он охотился всего третий сезон, был, так сказать, начинающим. Мой охотничий стаж составлял почти тридцать пять лет, я много проблукал в камышах Приазовья, меня не так уж легко можно было спойти, и в конце концов в эту дыру всю компанию затащил я. Я был опытен и предусмотрителен, поэтому собрал вокруг себя четверых несовершеннолетних и сказал:

— Скоро, хлопцы, здесь будет очень много взрослых мужиков, многие из них будут очень пьяными и будут много и громко материться. — Я сделал паузу и стал думать, что же я все-таки хочу сказать по поводу этого, действительно... Но меня выручил мой молчаливый сын.

— А мы не будем слушать! — выпалил он решительно.

— О! — обрадовался я. — Именно. Но не убивать же этих скотов?..

Обустройство лагеря заняло полчаса. За это время машин и людей на полуострове прибавилось. Затрещали акации в посадке, задымили костры. Кто-то уже истерически хохотал. У наших соседей гориллоподобный парень с лицом Терминатора, схватив за ноги, заботливо оттащил павшего товарища подальше от тлеющих углей. «Пойдем на лиман глянем», — сказал я Виктору.

Пока шли к бывшему пирсу, на поляне, рыва двигателем, остановился бортовой КамАЗ, и камуфлированные люди из подъехавших легковушек стали выгружать из него лодки и мебель.

Трапезничать на расстеленных на траве плащах давно стало не модно.

По Кущеватому гуляли серые волны. Лиман был километра два-три в ширину и раза в четыре больше в длину. Кое-где от середины до противоположного берега поверхность россыпью точек усеивали стаи лысух числом в несколько сотен. Я вообще-то ожидал больше.

— Глянь, сколько лыски, — улыбнулся добродушный Виктор.

— Немного, — покачал я головой. — Судя по рассказам и сведениям прошлых лет, птицы должны здесь быть ну хотя бы раз в десять больше.

— Нам хватит! Че нам, на шулом не хватит, что ли?

— Да о чем речь... Я просто пацанам хотел показать — пусть популяют хоть по лыскам вволю. Если так дело пойдет и дальше, лет через десять даже вот это, — я ткнул пальцем в лиман, — им только вспоминать придется...

Через лиман шла моторка, разбрызгивая белые усы волн бортами. Стаи лысух разбегались по ее ходу, перемещались. Пролетело несколько стаек уток, по виду — это красноголовиков. Продрогнув на ветру, мы вернулись к машинам. На стане все было уже обустроено, лишь Сергей возился с палаткой. У него была отличная палатка, устанавливающаяся без колец и веревок — посредством пружинящих стальных дуг, защелкивающихся изнутри по типу зонтика, но сделать это оказалось не так просто. Сейчас Сергей Георгиевич, стояя, ворочался внутри брезентового балахона, вспоминая мать палатки, конструктора и изготовителя поочередно.

— Сережа, — участливо спросил я, — не забыл ли ты правило, единственно при выполнении которого и ставится твоя палатка? Не забыл ли ты, как мы с тобой нарушили это правило и битый час барахтались в темноте, пока не попадали и не уснули под грудой брезента?

«Да не пил я ни капли! — в бешенстве высунул голову в дверной разрез бывший капитан. — Просто она...» Он снова исчез, но минут через пять конвульсивных движений и стонов из дряблого брезентового конуса раздался щелчок и туго натянутая палатка предстала во всей своей рациональной красе.

Скоро все собрались за скатертью-самобранкой. Закусывая, я с интересом поглядывал на прибывающие экипажи, и особенно на лодки охотников. Мой «Армагедон» совсем недавно «сошел со ступеней», и страсть к судостроительству еще не полностью угасла у меня в душе. После трех стопок водки я даже утвердился во мнении, что на следующий год, утя все недочеты в проектировании, построю новый ковчег.

Лодки появлялись из-за косогора на крышах авто или на прицепах, килевые и плоскдонные, транцевые и «обоюдоострые». Были и байдарочного

типа, и одно фирменное каноэ. Расцветка плавсредства тоже не грешила однообразием. Здесь было все — от туманных разводов, сделанных при помощи пульверизатора, до экспрессионистской мазни половой краской по лягушачьим бортам. Больше всего мне понравилась зеленая ромбическая сетка из узких полос, перекрещивающихся на темном фоне: в камышовой стенке она, пожалуй, будет наименее заметной. Но вот поздней осенью, когда камыш пожелтеет... Так что на первое место по раскраске я уверенно поставил свое детище, на бортах которого красовался камуфляж штурмового вертолета МИ-24. Но когда мимо нашего бивуака протарахтел ЛУАЗ с лодкой

— Ну... за гусей!

Потом мы всем скопом перетаскивали мою лодку и мотор к воде, затем мотор обратно к палатке, чтобы не украли ночью. Дальний пока свободный угол поляны заняла компания, прибывшая на двух «навороченных» «Нивах» и громадном перламутровом джипе.

Когда нам удалось уложить спать пацанов, было уже темно и неуютно. Вокруг гулял ветер, раздавались ржание и громкий мат, гудели паяльные лампы и слышался топот резиновых сапог.

Утомленные долгой дорогой компании скоро заснули, не обговорив толком наши утренние действия. Утомленный совсем по другой причине быв-

просто глупой. Свертки с закуской лежали аккуратно между блестящих бочков бутылок с пивом. Безусловно, будь я один — непременно поплыл бы на охоту, но с ребятей сонной...

— Лодки одной нет, Витя, — сказал я, открывая захолонувшее пиво.

— Как — нет? — зябко поежился он. — «Армагедон» и моя складная тут, а Сашкиной нет.

— Надо ему сказать...

Я подошел к машине сослуживца и постучал в окно. Дверь открылась, высунулась голова его сына.

— Привет, позови батьку.

— А он уплыл давно, — сказал Ярик.

— Куда уплыл? — тупо спросил я.

— В лиман. На охоту.

наверху, я открыл рот. Виктор, не поняв моей реакции, с тревогой спросил:

— Забыл ружья или патроны?..

— Нет, Витя, — покачал я головой. — Оглянись и посмотри на всплеск чело-веческой фантазии.

Оглянувшись за нашим столом все, даже четыре подростка.

На салатного цвета бортах посуды были нарисованы большие светло-серые гуси с красными лапами и носами, как на лубочных картинках. Между гусями равномерно красовались оранжевые круги величиной с апельсин. Все это омывалось волнами в виде извилистых синих линий. Кое-где для полной схожести с природным фоном были нарисованы пучки темно-зеленой травы.

— А... эти... мандарины зачем? — спросил сослуживец, макая пучок зеленого лука в соль.

Я не сумел найти какого-либо ответа, поэтому в свою очередь спросил:

— А гуси?..

Бывший капитан пожал плечами, как человек, которого нельзя уже ничем удивить, а Виктор примиряюще поднял рюмку и генеральским тоном сказал:

ший капитан спал уже давно, и, глядя на его торчащие из палатки ноги, я опасался, что — мертвым сном. Отойти от тепла костра и проверить, так ли это, было лень, и я еще долго сидел в ночи, вздрагивая от взрывов гомерического хохота, раздававшихся из темноты, и тупо убеждал себя, что приехал в это исключительно богатое кашкалдаками место единственно, чтобы угодить товарищам, потому что утку на открытие искать — дохлое дело, а лыска — вот она, пожалуйста, бей, коли желание есть. Потом, завернувшись в плащ, заснул, привалившись к стенке палатки.

Проснулся, как показалось, рано. Было темно, но я сразу увидел, что одной нашей лодки нет. Украли? Вряд ли... но все может быть. Вставать не хотелось, будить ребятню — жаль, капитана — бесполезно. Ветер так и дул, холодный, надоедливый, неуютный. Я подошел к «Волге» и позвал Виктора. Он вылез, открыл багажник, и в его освещенном лампочкой нутре я увидел то, против чего перспектива плыть сейчас с полусонным сыном в лодке по волнам ветреного лимана показалась

— А нас чего не разбудил?

— Я не знаю.

Действительно, откуда ему знать. Тихонько протасил лодку, погрузился и... Ну-ну.

— Он давно на охоте, Витя, — сказал я, подходя. — За его лодку не надо беспокоиться. Молодец. Я сплю чутко, несмотря ни на что, — так сумел не разбудить, заботливый... Вот увидишь, будет говорить, что будил, кричал, а мы — ни бум-бум.

— Да я-то в машине, только дверь открой — проснусь... — развел руками добродушный Виктор.

— Ну и что — поплывем? — провокационно спросил я.

Кроны акаций шумели под напором ветра, порывом разметало искры непрогоревшего за ночь полена.

— А ты как? — смущенно улыбнулся Виктор. Он в общем-то был не охотником.

— Да я в этих лиманах уже тридцать лет... мне оно, знаешь...

— Не, не разбудить он должен был — вместе же приехали!

— Конечно, закон — проснулся первым, разбуди товарищей, а там уж кто как хочет.

На лимане грохнул приглушенный ветром выстрел, еще один, потом дуплет.

— Началось, — кивнул я в ту сторону. — Мы вот что сделаем. Дождемся, пока хлопцы проснутся — бо на моего Костю, если не выспится, смотреть не моги — мрачный и злой, как шершень, — а потом я возьму его и одного твоего хлопца на «Армагедон», ты с другим — на моей складной лодке — и поплывем потихоньку, глядишь, и нам чего перепадет.

— Согласен, — улыбнулся родственник. — А то ночью плыть... да еще с пацанами... Еще застрелят! А мы пока пивка, да? И позавтракаем...

Выстрелы на лимане усталились, стреляли уже со всех сторон. Восток быстро светлел, и стрельба нарастала.

Мы завтракали, наслаждаясь своим благоразумием, и часа через полтора, когда канонада стала стихать и совсем рассвело, проснулись наши сыновья. У них было сложное состояние — вроде как спросонку не могли понять, почему они не на охоте.

Но через полчаса, сбросив с себя расслабленность и валяжность, навеянные завтраком, я погрузил всех в лодки и погнал в рябой от волн лиман. Мой «Ветерок» заурчал было бодро и деловито, но скоро стал захлебываться, наматывая на винт водоросли. Приходилось лавировать среди пятен куширя, покрывавших весь обмелевший лиман. Лодка Виктора отделилась, а мы приткнулись к кусту камыша и выжидательно усталились в разные стороны. На нас стали налетать перепуганные лысухи, я три раза промазал и передал инициативу хлопцам, а сам занялся мотором, недоумевая, почему конструкторы-изготовители оставили четырехмиллиметровый зазор между фланцем редуктора и ступицей винта, куда беспрепятственно заматывались водоросли, и если просто с лопастей сбросить их было нетрудно, то из этой щели приходилось выковыривать ножом. Я знал, как устранить этот зазор самому, вытачив специальную втулку, но не понимал, почему это не делает завод, выпускающий «Ветерки» уже не одно десятилетие. Я знал, что выпущенная специальная книга о том, как улучшить параметры мотора руками владельцев-умельцев, с описанием нескольких полезных приспособлений. Выпустить книгу о переделках, оказывается, гораздо легче, чем в заводских условиях выпускать качественную продукцию. Странен все же русский человек, которому вечно кто-то мешает нормально жить. А если уж ну никак в этом никого обвинить не удастся, в качестве аргумента беспутства и расхлябанности приводится загадочная русская душа.

В это время Косте удалось сбить красивым боковым выстрелом пролетавшего кашкалдака, птица упала метрах в тридцати от лодки, вынырнула и стала отплывать. Подранок, черт... Пацаны открыли беглый огонь по беглецу, но

поразить мельтешащую в волнах голову не могли. Крикнув: «Не стрелять!», я дернул шнур, завел мотор, и скоро первая пацанья добыча оказалась в лодке. Тут же стрелки мои захлестали выстрелами пару лысух из оказавшейся поблизости стайки. Пришлось догонять и этих.

Неподалеку в закрайках камыша маячили фигуры охотников в лодках. Мне было ужасно неловко мотаться по плесу у них перед носом, да еще браконьерствуя, — ведь мы стреляли с лодки с невыключенным мотором, но кто-то из соседей подбодрил нас криком: «Давай-давай, гоняй их!» Получалось, что моя роль загонщика их устраивала. Я стал раздумывать, будет ли считаться браконьерством, если гонять на моторе стаю лысух, выключать двигатель, отстреливать боекомплект, снова заводить и так далее. Ведь самого факта стрельбы с невыключенным мотором не будет. Но все равно было неуютно — и от пронизывающего ветра, швырявшего сорванные с волн брызги в лодку, и от этой дурацкой охоты с ревом двигателя, с бесконечным распуыванием водорослей на винте и дерганьем заводного шнура. Я нервно поглядывал по сторонам. На противоположном конце водной гребенчатой гряды носилась моторка с «Вихрем». Видно, что это были профессионалы. Стоило мотору завести от перегрузки, намотав на винт водоросли, рулевой мгновенно сбрасывал газ, поднимал резко винт из воды, давал прогазовку, и за кормой веером летели ошметки куширя. Стреляли они двумя бортами и часто подбирали добычу. Но жались к камышу, а потом вдруг куда-то исчезли.

Я как раз медленно, как позволял забытый травой винт восьмисильного «Ветерка», подобрался к болтающейся на середине лимана стае кашкалдаков, когда увидел несущийся нам наперерез катер. Одного взгляда на его пассажиров было достаточно, чтобы понять, что веселая наша стрельба подошла к логическому завершению. На головных уборах сидящих в катере троих мужчин сияли золотом кокарды.

Я крикнул целящемуся в лысух и ничего не ведающему Константину: «Не стреляй!» и «Опусти ружье!», заглушил двигатель, закурил сигарету, понурил глупую голову и стал ждать. Было понятно, что одной ногой я уже стою в дерьме. Я придержал борт мягко ткнувшегося в нашу лодку катера и, не зная, что буду говорить, тупо смотрел на их сорокасильный «Меркурий», сверкавший черным лаком. От такого не удерешь, даже повесив шесть «Ветерков» на корму... Приехали, как говорится. Ох как стыдно... На кой черт сдались мне эти лысухи! Я поднял глаза и увидел, что один из сидящих в катере — мой хороший знакомый. Несколько мгновений мне казалось, что я сплю или мне срочно нужны шиферные гвозди, потому что этот человек никак не мог быть на этом проклятом лимане, встречались мы за сотни ки-

лометров от этого места. И все же это был он.

— Что же вы делаете? — вместо приветствия спросил он.

— Да вот... э... — проблеял я. — Проспали с ребятами... ну... вот решили пяток лысух на шулюм... Мы сейчас домой, и все, и никогда...

— Вы что, не знаете, что с мотором стрелять нельзя? — официальным тоном продолжал знакомый. Два его напарника хранили молчание.

— Знаем, — виновато с кислой улыбкой промямлил я. — Черт попутал... лукавый... если бы не проспали...

Повисла неловкая пауза.

— Мы сейчас строго — на берег, — заискивающим тоном пробормотал я. — Если что... к нашему шалашу... мы вон возле пирса...

— Да видели мы ваш шалман — сто человек и ни одного трезвого.

Я поскреб голову. Их рулевой, все так же не говоря ни слова, даже не улыбнувшись, опустил двигатель, завел его, и через несколько секунд мы остались посреди лимана в одиночестве.

— Ну че, можно стрелять? — спросил сын.

— А? — оторопело отозвался я. — Стрелять? Какой там стрелять, тикаем со всей скоростью, на которую способно это гениальное творение конструктора Фишбеяна!

На берегу нас поджидал тоже вернувшийся с лимана Виктор.

— А мы только одну, — улыбнулся он. — На веслах не догонишь, мы вдвоем — тяжело. Видели, как к вам моторка подъезжала, — че они?

— Да так, поинтересовались, как строительство, не перегрелся ли мотор...

— А! — осторожно кивнул Виктор.

Подъезжали другие лодки. Охотники выгружали связки пепельно-черных лысух. Кто-то швырнул на берег баклана.

— Семеныч! — заорал рыжий парень. — На кой хрен он тебе.

— Шулюм будем варить, — осклабился скуластый хитроглазый мужик. — Я ничего не пропускаю, сам знаешь... За утро, кроме лысух, три чайки, две цапли и ворона.

— Гы-гы-гы, — заржал рыжий. — Оце тренировка! А этих — нырцов — бьешь?

— Шо о так пищат — пи-пи-пи? А як же! Я их, подлюк, настрелял штук пять. Там и бросил — шо с них возьмешь, шура да рыба вонь.

— А я зайца долбанул, — сказал подошедший дородный мужчина. — Ночью еще. Те мужики, что за нами табором стоят, тоже ночью с фарами мотались... Ну они дают — всю ночь гай-гуй!

— А че — отдыхают люди... Так и надо.

Вернувшись на стан, Виктор занялся приготовлением обеда, ребятня ускакала побродить вдоль берега лимана. Сослуживца с охоты еще не было, а экспонат так и спал в палатке. Я решил пойтись — от нечего делать.

Поляна представляла собой подобие свалки. Всюду валялись пустые полиэтиленовые бутылки из-под различных напитков, стеклянные и жестяные из-под водки и пива, множество другого мусора, кучи содранных с лысух шкур-рок вместе с перьями, кое-где на ветках висели выброшенные птички кишки. Я шел вдоль лесополосы, минув одну стоянку первобытных людей за другой. Я поражаюсь количеству мусора, которое может оставить и разбросать каждая из компаний. Но то, что я увидел, отойдя от нашего табора метров на пятьсот, все равно было вне конкуренции.

Еще издали на бетонированном поле был заметен стеклянный блеск. Подойдя поближе, понял — это тир. Метрах в сорока от лесополосы сверкал ряд из двух десятков разбитых бутылок, поближе к деревьям осколки стекла усеивали землю широко и равномерно — этих били влет.

Но бивуак был пуст (компания по какой-то причине покинула его), и я подошел ближе. Здесь было что посмотреть. Место отдыха даже огородили: по периметру, прицепленные к деревьям, на ветру трепыхались вереницы флажков на шнурках, в два ряда. Флажки были бумажные, фирменные, красочные, с надписями «Тампакс» и «Ол дейз». Посреди вытопанной и порубленной поляны в лесополосе красовалось кострище. Над ним, погасшим, проткнутое палкой-шампуром на рогульках висело темно-красное слегка обугленное тело животного. Я сразу не смог определить, кого жарили охотники, но, подняв глаза, увидел на соседнем дереве лисью лапу с неснятой шкуркой и догадался. Лапа схвачена веревочной удавкой — здесь шурили... До открытия на пушного было два месяца, но зачем людям невылинявшая шкура, понять можно, с трудом, но можно, а вот для чего они жарили лисью тушку...

В лесополосе валялись кучами бутылки, куски хлеба и пустые полиэтиленовые пакеты всевозможных цветов. Никто не сделал даже попытки собрать все это хотя бы в одно место. На молоденькой акации, зачем-то искромсанной топором, висели мокрые свитер и брюки, в другое дерево был воткнут забытый нож. Чего я тоже не смог понять — так это то, что люди оставили под одним из деревьев целый запас продовольствия: две буханки хлеба, несколько банок неоткрытых домашних солений-варений, большой кусок сала на полиэтиленовом пакете, нетронутые яркие бутылки кетчупов, полмешка картошки... Но сами ушли...

Я походил по стойбищу, повторяя как заведенный одну и ту же фразу: «Боже мой...», попинал сапогами банки и бутылки, хотел забрать нож, но вспомнил, что ножи и вилки подбирать по поверью нельзя, и пошел обратно.

Неподалеку от нашей стоянки в посадке темнел боком ЛУАЗ — тот самый, что привез лодку с нарисованными гу-

сями. Лодка лежала рядом с машиной, и тут же на маленьком раскладном стульчике сидел пожилой охотник. Он подкладывал веточки в маленький костерок, над которым на проволочном таганке стоял армейский котелок, — наверное, с чаем.

Не знаю, зачем я остановился и спросил с улыбкой, но довольно печально:

— Все могу понять, но вот для чего эти желтые пятна?... — И я показал на нарисованные на бортах плоскодонки апельсины.

Охотник посмотрел на меня неожиданно очень добрыми глазами и спокойно произнес, словно ожидал такого вопроса:

— Могу объяснить, ничего тут такого нет... Присаживайтесь...

Я увидел, что лет ему действительно немало. Почти дедок, хотя... Было многого неловко присоединяться к его компании — вроде как я сам напросился со своим дурацким вопросом... Однако, глянув в сторону нашего табора, я увидел, что пацаны еще не пришли, Виктор возится у костра, — и, подойдя к дедовскому костерку, присел на предположенный стульчик. У него и бутылочка была — открытая, но нетронутая! Дедок словно ждал меня — или кого-нибудь еще... Когда он начал наливать, я не стал махать руками и отказываться, потому что это выглядело бы показушно, а без улыбки покусал заусеницу на пальце и сказал:

— У нас этого добра тоже хватает...

— Я понимаю, — улыбнулся охотник. — Этого-то сегодня у все-ех... Как охота-то?

Я закусил тоненьким перышком зеленого лука и пожал плечами:

— Да не знаю... все как-то... Я здесь впервые — не мои это места. Компанию привез — ради пацанов, думал охоту им устроить, пусть лысок набьют хоть... А утром так неохота было их будить! Позже на моторе выехали, а тут...

— Да видел я, — улыбнулся он добрыми глазами. — Видел, к вам охотинспекция подъезжала — ну и как же она вас отпустила-то? Вы ж просто подарок им...

— Да вот... — махнул я рукой. — Повезло, можно сказать — хорошие люди попались...

— Хорошие люди попались хорошим людям! — засмеялся он. — Ну-ну...

С рябого от волн лимана долетали нечастые хлопки выстрелов. Кто хотел охотиться — охотился.

— А лодка моя, — улыбнулся охотник, — это внукина работа. Она у меня рисованье любит. Когда я начал было подъездок раскрашивать — она тут как тут: давай, деда, я тебе красиво сделаю. Ну — вот видишь... Переделывать не стал — ее, не дай бог, обидишь, а мне в принципе какая разница...

— Да, — согласно кивнул я. — Ради детей чего не сделаешь. Только как их воспитывать, на чем? На каких примерах?

— Ну-у, — неопределенно протянул мой собеседник и вновь наполнил стопки.

— Я вот привез пацанов сюда на охоту, а что они видят вокруг? Хамство, тупость, цинизм, беспринципность...

— А ты их еще на лодку с мотором — да за лысками! — поддел меня востроглазый дедок.

— Да, — потупился я, — каюсь, грешен. Иной раз и сорвешься. Зло берет! На рыбалку приедешь — рядом в наглую шуруют хватками, накидями, сетями — в нересловный период cedят судака, тарань... Сын так и спрашивает: «Пап, а мы не можем, как дяди, что это мы все с удочкой да удочкой?» Ну что я ему объясню? Что в наших плавнях делается, если вдуматься? Полный бардак и беспредел! Абсолютный!

— Ой, да что ты! — улыбнулся дедок. — Оно, кстати, и раньше было — но не так. Не так явно и совсем не в таких масштабах.

Твоя лодка, кстати, как называется-то? — продолжил он, глянув на меня насмешливо-заинтересованно.

— «Армагедон», — ответил я, закуривая. — Чтoб непонятней и смешнее было.

— А ничего тут непонятного или смешного нет, — склонил голову охотник. — Сам-то знаешь, что означает это слово?

— Конечно, — кивнул я. — Фильм видел американский, там к Земле несется астероид, при столкновении всем будет полный... дефолт. Так вот то ли этот астероид, то ли сам факт его столкновения и называется Армагеддоном — последний час нашей планеты, в общем.

— Ну в принципе верно, — улыбнулся дедок. — Я тоже сразу понял. Я ведь учительствовал в школе почти всю жизнь, так что — понял. Да...

— Ну и вот! — упрямо, словно алкоголик к водке, потянулся я к прежней теме. — Что творится в плавнях? Ворунок абсолютно все — то во что горазд! Любители стараются добыть больше, чем указано в путевке, — любым доступным способом, егеря их не проверяют, потому что им некогда — надо самим воровать, да еще обслуживать высокопоставленных воров, приезжающих либо отдыхать и при этом воровать, либо проверять ворующих егерей и при этом брать с них дань. Если кто-то кого-то ловит, значит, кто-то кому-то не угодил, или по дурости, вот как я сегодня вляпался. О, если б не случай, раскрутили бы меня на славу! Как же — выявленный факт браконьерства! Работа проводится!

— А на деле, — печально покивал головой охотник, — все окончательно погрязло, и выхода не видно... Стрельба в плавнях круглый год — что он местным сделает, егерь-то? Жизнь ведь человеческая — ни-че-го сейчас не стоит. А кроме того, у него кум, сват, брат — без работы... в общем, понятное.

— А если вдуматься, какая это уникальная природная система, наши плавни. Сюда хозяина — господи, да тут рыбы и дичи кишело бы!

— Хозяина... — с улыбкой почесал затылок дедок. — Где ж взять его? Не будет уже... Нация временщиков и социально активных идиотов — вот кто мы... Или вот — видел соседей наших? На джипах.

— Точно, точно! — подхватил я. — И вот объясните мне — зачем мужику на джипе в триста тысяч рублей — бить в сентябре зайца? — За-чем?

— Не зачем, — махнул рукой мой собеседник. — А почему. Потому что можно. Потому что за это ничего не будет. Зачем... Вот у меня зять был одно время гайшником. Ну, важный такой стал, при очках темных, с папкой... Как-то подвозил меня на «патрулке» легковой, а переезд закрыт, очередь машин стоит, так он всех объехал, всунулся под самый шлагбаум, а поезда нет, так он как газанет — и через закрытый переезд... Я ему: что, мол, спешим куда — вроде некуда? А он: да никуда, это, мол, я так, по привычке! Ха — привычка у него! Понял? А как выгнали из ГАИ, так опять стал в очереди перед переездом стоять, привычка делась куда-то. Зятек...

— Ну и что же дальше ждет российское общество? — спросил я. вновь глянув в сторону суетящихся на берегу лимана людей. — Нацию!

— Нацию? — изумленно посмотрел на меня бывший учитель средней школы. — Какую нацию? Вот это сборище деградировавших и бездушных циников можно назвать нацией? Да они сами не осознают себя нацией!

Глаза его разгорелись, какой-то яростный блеск мелькал в глубине их, и я понял, что пары алкоголя уже сделали свое дело. Но я и сам был не трезвей его.

— Нация! — опять жарко заговорил мой собеседник. — Эта нация уже ни на что не способна! Вот сейчас нажрут-ся и будут выяснять, кто из них казак, фамилии будут приводить из истории,

факты какие-то. А что толку? Все равно из их же разговора выйдет, что жить им не дадут проклятые евреи. Или армяне. Или еще кто-нибудь.

— И ты, — вдруг весело почти заорал он, придвинувшись поближе, — еще спрашиваешь, что нас ждет?!

Дедок был пьян совсем немного, и глаза его смеялись, но каким-то горестным смехом.

— Ты, который ответ на вопрос написал на собственной лодке! А я тебе по-простому, по-другому: эту нацию воров, дураков и проституток ждет полный...

Нехорошее матерное слово уже готово было сорваться с уст бывшего учителя, но в это время к нам подбежал мой сын, взволнованный больше обычного, и радостно выпалил: «Пап, мы фазана убили! Здорового!»

Я опустил голову и театрально обхватил ее руками. А дедок, на секунду запнувшись, со смехом закончил:

— ...Армагеддон. А фазанов вообще-то стрелять нельзя — но все их стреляют.

После этой охоты прошло несколько дней. Собираясь пойти просто погулять по городу, где в будни не бывает людской суеты, а светло-желтая листва платанов играет с солнечными лучами ранней осени, я услышал, как жена зовет меня к телевизору: «Посмотри, тут, кажется, про ваши плавни что-то показывают».

По центральному телевидению шел репортаж о рейдах по борьбе с браконьерством на Азовском море. Километры сетей, тысячи снятых крючьев, центнеры красной рыбы — все как обычно. Даже то, что рейд проводила не рыбинспекция, а пограничники и ловили они как раз ту самую рыбинспекцию, которая должна была ловить браконьеров, но вместо этого воровала рыбу сама, было не необычно. Я подумал: «А если теперь пограничники

начнут браконьерничать — кто их будет ловить? ФСБ? Или обидевшаяся на погранвойска коррумпированная рыбинспекция?»

Когда мы с женой зашли в маленькое кафе, где готовили вкусные чебуреки и торговали спиртным на разлив, там было безлюдно. Пока супруга разговаривала со знакомой продавщицей, я от нечего делать разглядывал полки с напитками. Одна бутылка привлекла мое внимание. На красивой каплевидной посудине, на этикетке с золотыми вензелями сияло золотом же отпечатанное слово «Армагеддон». Я попробовал посмотреть.

Вино было не виноградным, а приготавливалось, как указывалось, по оригинальной технологии из отборных плодов садов Кубани... далее по тексту. К ужасу жены, я купил эту рифленую бутылку. Потом уговорил ее сесть за столик, принес блюдце с горячими чебуреками, истекавшими мясным соком, и, указав на название вина, заставил выпить две рюмки. Вино по вкусу напоминало известный напиток «Амаретто».

Когда вино почти закончилось, я еще раз глянул на этикетку и увидел, что слово «Армагеддон» написано с двумя «д». А в названии лодки стояло одно. Выходит, я ошибся.

Рисунки Б. Игнатьева

От Хлебагаста Владимиру

А. БИКУМЛИН

Дед Максим гончатничал попросту, без всякой лишней атрибутики. Гончая. Ружье. Пяток патронов с заячьей дробью в кармане фуфайки. Никаких ремней, перевязей, эмблем, перьев и тем более охотничьих рогов.

«Эт какой? — изумился он, когда я спросил у него про рог, о котором читался в охотничьих книгах и журналах. — Зачем? Себя лишний раз в лесу оказывать? Ладно пастух! Ему самый кон в рожок играть, стадо собирать, а охотник должен в лесу тихим быть. Где рябец на манок откликнется, где тетерев взлетит, — продолжал он поучать меня, сидя на валежине рядом со своей довоенной тулкой и добытым беляком с тряпошно обвисшими ушами к жухлой, битой заморозками траве. — Эт помещики — раньше на лошадях, с псарями, со стаями ездили. Им нужно было знак о себе давать: где собираться, где собак напускать, где зверь, а охотнику-одиночке или, к примеру, как нам с тобой, можно и без дудок обойтись. Лишний вес только на себе таскать».

Русский охотничий рог, без мундштука и по этой причине давно оцененный, десятки раз активированный ревивизией, заброшенный на верхнюю полку под самый потолок магазина союза охотников, я купил в туманном отрочестве, за 3-90, к великой радости Герки Говлядского, что нашелся хихикнутый покупатель на пропащий залежалый товар.

Токарь Саня Тормозов выточил по моей просьбе мундштук из латуни, и я за пару недель более-менее научился выжимать из своей покупки хриплые звуки. Первые дни болела голова, губы, кислило во рту, глаза от натуги лезли из орбит, язык, при одном взгляде на рог, начинал вылизывать небо и биться беспокойно во рту, но потом все встало на свои места. Мышцы губ подобрались по месту, отвердели, и, едва я касался ими мундштука, из рога, картинно вскинутого к серому ноябрьскому небу, глухо хрипело: «Ду-у-у!»

Рог был «дубовый» на звук, тяжел для подачи сигнала, незазвист, и никаких других колен из него я, при всей своей музыкальности, извлечь больше не мог. Длиннее-короче — еще куда ни шло, а выше не выходило, так и мычало по-коровьи, сколько бы ни трубил гибнущим на Пиренеях Роландом, сколько бы ни драил этот «оллифант» на полировальном фетровом круге, доводя жаркую медь до зеркального сияния.

Мы с другом Саней вымуштровали его гончую, ублюдка Дингу, трубя перед каждой кормежкой и наводя иерихонскую жуть на всех соседей, и стояло где-то в лесу Динге пропасть надолго, мы ревели в мою трубу, и псина

Памяти Николая Федоровича Заречнева

*О, души рыцарей, чей хребтик был суров,
Не ваши ль голоса несутся из рогов?
Угрюмый Ронсеваль! В твоей седой долине
Роланда славного тень бродит и доныне!*
Альфред де Виньи. Рог

с языком на бок в скором времени являлась перед нами. Чего-чего, а сожрать Динга готова была все что угодно, начиная от сала с колбасой, словленного зайца и кончая целлофановыми пакетами из-под съестного, и даже коровьими лепехами. (Позже я вычитал про извращенный собачий аппетит.) Особой разницы между сигналом паровоза и моим фабричным рогом не было, и как-то раз вечно ненасытная псина, услышав гудок паровоза с железной дороги, рванула в ту сторону и исчезла из нашей жизни навсегда!

После армии этот фабрично-паровозный «оллифант» у меня выкупил страстный собашник Николай Федорович Заречнев, тративший всю зарплату с пенсией на собак и охоту. Увидев у меня рог, принесенный в цех на полировку, он загорелся маньячно глазами, ходил за мной неотвязно, умоляя продать ему это «сокровище».

Что подделашь? Гончих своих я не держал: моя первая охотничья любовь была отдана другой охоте, дед Максим с Черновым дудок не жаловали, стараясь быть в лесу незаметней и неслышней, рог без дела тускнел над моей «девичьей» койкой, и поэтому я уступил Заречневу свою «паровозину» за пять пачек заводских патронов с тройкой. Пусть хоть человеку будет в толк, а то как собака на сене — ни себе, ни людям.

Все мои знакомые охотники-зайчатники тоже охотились с гончими «безрого». Хороших рогов промышленность сделать не могла, а те, что манили с витрин охотничьих магазинов, тревожа своим видом душу непонятной тоской о седой старине и зовом вольных странствий, на деле были глухи и тяжелы на звук. Порой в лесу встречались гончатники с железнодорожными рожками или с пионерскими горнами, а одна охотничья компаньша возила в машине тромбон, служивший темой нескончаемых подковырок и шуток.

Изредка мне приходилось слышать хороших гончих и переливы настоящего охотничьего рога поздней осенью на переломе сезона, прожывая пролетных вальдшнепов, когда я охотился в Буграх за Конным обозом. Ничего общего с моей бывшей трубой, Саниной Дингой и слабоголосыми тявкушами, постоянно рвущими гон!

Прижимаю к себе хорошо поработавшего лаверрака, лаская пальцами о дикое перо добытых сегодня вальдшнепов и слушая дивные звуки, я, про-

тив воли, гусенел кожей, ибо только охотник и воин могут понять до конца этот древний голос меди. Казалось, за вечерующими оврагами и крепчающим к ночи ветром-листобоем тоскует нестарелая «песнь о Роланде» и доблестный рыцарь, окруженный маврами, гибнет в бессчетный раз в неравном бою, тщетно призывая на помощь. Или же казалось; русская дружина, отрезанная от строя общей рати, тает, изгибая под сабельным блеском где-то в половецких степях, и не призыв ли это самого князя Игоря из знаменитого «Слова...». А может, отчаявшийся в поисках Дануси сам Юранд из Спыхова из любимых мною «Крестоносцев» Г. Сенкевича, протрубив, покорно стоит перед воротами немецкого замка, готовый ради единственной дочери отдать все, пойти на любые унижения и даже смерть.

Кто? Я так и не встретил того «волшебного стрелка» и подлинного ценителя красоты правильной охоты с гончими. А последние годы и вовсе не слышно того рога. Смолк. Видно, старый гончатник покинул этот мир, но мне опять рисуется иная картина: пали последние воины, рухнул княжеский стяг с ликом Спасителя, и израненный трубач, не dokonчив ноты, захлебнулся горлом в собственной крови от режущего хруста засапожника, вошедшего по рукоятке в хрящеватый кадык, не закрытый воротом кольчуги.

Ефимов с Гайдаром, с кем я гончатничаю все чернотропные «отъезжие поля» и первые пороши, носят с собой железнодорожные рожки, трубят друг дружке, если плутанут один от другого в разные стороны. Я откликаюсь им в ствол ижевки. Помню, первый раз на привале я показал им, как трубить в ствол ружья, и они ошалели: «Как? Ну-ка еще разок!»

Писать об охотничьем роге не входило в мои планы при всем «воспаленном» воображении ума. Гончих своих нет, рога нет. Ну ни с какого боку припеку не входит встрять в этот поэтический и красивый разговор. Писали о роге: В. Казанский, Н. Смирнов, Н. Пахомов, А. Зейдер, В. Митрофанов, А. Кузьяев и многие-многие другие. Что еще к такой возвышенной благородной теме можно добавить простому смертному? Ничего, кроме общеизвестного. Но как, оказывается, все непросто в жизни, как все переплетено и как душа порой может отозваться, восторженно, исторгнуться из своих глубин потаенным, о чем мы подчас не подозреваем, откликнуться «зовом крови» и излиться на бумаге доселе неведомым откровением.

В 11-м номере «Охоты и охотничьего хозяйства» за 1998 год я увидел фотографию охотничьих рогов, изготовленных Владимиром Петровичем Сергеем-

вым. Похоже, бился-бился человек с «безрожьем» и с горя освоил производство охотничьих рогов.

Что скажешь?

Кустарь-золотые руки! Сильна ма-тушка-Русь!

Где-то есть музыкальные фабрики, инженеры, технологи, станки, оборудование, материалы, рабочие, склады, начальники снабжения и сбыта, а здесь один-разъединственный человек с золотыми руками и тончайшей поэтической душой. Казалось бы, все за фабричное производство, им все карты в руки, но мастер-штучник, изготавливающий изделие от заготовки материала и раскроя медного листа до готового рога, стоит на порядковое число выше, если не больше. И скрипки на тех музыкальных фабриках ладят, да только почему-то штучные средневековые Страдивари и Гварнери год от года лишь дороже и дороже в цене становятся. На то и звание было и есть — мастер!

Судя по чистоте работы, плавности завершенности линий, спряжений, совершенству и рациональности пропорций, грациозности и изящности, мастер-медник изготовил не одну дюжину охотничьих рогов. Так и тянет взять каждый в руки, вскинуть, поднести мундштук к губам и насладиться охотничьей стариной, побыть хоть раз в жизни Феоном-доезжачим или Чертопановым, ощутить свою причастность к русской охоте и культурному наследию славных предков. Жаль только, на фотографии звука не слышно, но это такая несовместимость, что хоть гармонь, играя на свадьбе, пополам разорви от усердия — все равно мелодии на фото не услышишь.

Как знать, может, лет через пятьдесят, а может, спустя столетие новые поколения смоленских гончатников, трубя на охоте в сергеевские рога, знать-ведать не будут о мастере-самородке, если ему еще не пришло в голову ставить на каждом изделии свою метку по примеру древних новгородских ремесленников: «Коста делал». «Братила мастер», «Людота ковал», или, как написано на золотом роге из Дании древнегерманскими руническими знаками:

KNIMPEFRAIF-IMICFY-IAET-FFMO
что при дешифровке гласит: «EKNLEWAGASTIR HOLTINGAR HORNA TAWIDO», что на русском современном значит: «Я Хлевагаст, сын Холтеса, рог сделал».

В этом нет нескромного бахвальства. Каждый мастер имел и имеет священное право ставить свое имя на изделии, сделанном его руками. Это закон. Выходные данные, «паспорт», гарантия качества и т. д. Имя мастера лишь подтверждает ценность штучной вещи, независимо в какое время она была изготовлена.

Хлевагаст, сын Холтеса, жил более шестнадцати веков назад и был родовым кузнецом древних данов. Изготовив для старейшины рог из чистого золота около 400-го года нашей эры, он написал на нем священные руниры, заявив о себе как конкретном мастере, «паспортизовав» рог, преподнес человечеству бесценный памятник рунической письменности и обессмертив таким образом свое имя в тысячелетиях. «Хорна тавидо» (Горн сделал). Дал и филологам-лингвистам разминку ума на тему схожести индоевропейских языков: Хорн — Горн. Вальд хорн — Вальторна (лесной рог).

«Я, Хлевагаст, сын Холтеса, рог сделал». Звучит гордо, с достоинством, без великого уничижения, как и должно быть знающему себе цену мастеру.

Остается лишь пожелать от всей души уважаемому Владимиру Петровичу оставить на охотничьих рогах свою метку, клеймо, тамгу, фирменный знак, фамилию: что угодно, называйте как хотите и, передать ему как эстафету мастеров-штучников привет от далекого кузнеца Хлевагаста, попавшего в мое собрание древних надписей-граффити*, благодаря личному «автографу» «сына Холтеса».

И пусть здравствует, процветает кустарь-самородок, пусть поют его валторны и рога в притихшем предзимье, славя жизнь, охоту, гончих и отдавая последнюю честь добытому зверю, пусть млеют сердца охотников от волшебных звуков звонкогласной меди и пусть никогда не пропадают гончие!

* Граффити — надпись на оружии, посуде, стене храма, пещеры и т. д.

Рисунок Б. Игнатьева

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Ветка С. **Охотничьи собаки.** Леваяе, спаниели, таксы. Серия «Библиотека охотника и рыболова». Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. — 448 с.

Издание продолжает знакомство с охотничьими собаками. В нее вошли описания легавых, спаниелей и такс. С. Ветка — профессиональный кинолог с большим стажем работы. Материалы основаны не только на опыте самого автора, но и на рекомендациях других специалистов, а также на сведениях, полученных от коллег и проверенных на практике. Речь в книге идет о выборе, содержании, натаске и подготовке собаки к соревнованиям в таком объеме, чтобы у читателей не возникло вопросов по изложенному материалу.

Леонтьев В. В. **Охота.** СПб.: ООО «Диамант», ООО «Золотой век», ООО «Лейла», 2000. — 640 с., ил.

Полезные сведения и советы даны в разделах: «Охота по перу», «Охота по зверю», «Календарь охотника», «Охотничье собаководство», «Краткий охотничий словарь».

Трофимов В. Н. **Отечественные комбинированные и спортивные ружья.** Справочник. Часть 3. Серия «Охотник». М.: «ДАИРС», 2000. — 224 с.

В третью (последнюю) книгу справочника вошло описание около 20 моделей комбинированных охотничьих ружей и около 80 моделей спортивного гладкоствольного и нарезного оружия, выпущенных в советское и постсоветское время.

Книга состоит из двух частей. В первой — комбинированные ружья: одно-, двух- и четырехствольные спортивные ружья. Во второй части — произвольные (целевые) спортивные винтовки, спортивные произвольные винтовки для стрельбы по движущимся мишеням («Бегущий олень», «Бегущая косуля», «Бегущий кабан»), спортивные винтовки «Биатлон», а также цены на охотничьи ружья в магазинах Москвы в 1997—2000 гг.

Наумов С. М. **Справочник начинающего охотника.** М.: Издательский Дом МСП, 2000. — 200 с.

Книга поможет начинающему охотнику получить необходимые сведения об оружии, приемах стрельбы, правилах охоты на зверя и птицу, по технике безопасности и охотничьей этике.

Круковер Владимир. **600 практических советов охотникам.** Серия «Мои увлечения». М.: ТИД КОНТИНЕНТ-Пресс, 2001. — 368 с.

Автор составил книгу в форме советов. Она охватывает все вопросы, которые могут возникнуть у начинающих охотников: как экипироваться на охоту, когда, где и на какую дичь охотиться, где разыскивать тот или иной вид животных и как сохранить охотничьи трофеи.

Ата ЭБЕРДЫЕВ,
Председатель Национального клуба
сокольников Туркменистана

Наш клуб является общественной организацией, главная задача которой — сохранение и развитие древней традиции нашего народа — охоты с ловчими птицами.

Члены нашего клуба занимаются вынашиванием (подготовкой и воспитанием) ловчих птиц и ежегодно проводят с ними охоту в песках Каракумов. Также мы ведем работу по картированию гнездовий хищных птиц и изучению исторических материалов о соколиной охоте, собираем экспонаты для музеев, готовим материалы для СМИ.

Мы хотим предложить вам две наши статьи. Если они вас заинтересуют, будем очень рады сотрудничеству. При необходимости можем предоставлять цветные фотографии и материалы о соколиной охоте и охотничьих туркменских борзых — тазы.

ЖИВОЙ СНАРЯД

В прошлом году мы вели охоту недалеко от колодца Тамдырлы. Около трех часов по пескам Каракумов добирались мы на машине, проехав более двухсот километров от города Сердар. Выбранным местом мы были довольны — здесь в зарослях кандыма водилось много песчаных зайцев — талаев. Редкие высокие кустарники облегчали задачу борзой (тазы), выгоняющей зайцев на открытую местность, туда, где их легко мог настичь сокол-балобан. Достаточно было и сакаула, служащего нам основным топливом.

В один из дней, возвращаясь с охоты, я услышал тревожные слова Аннамана-ага — своего наставника, о том, что нам придется менять место для лагеря. Я понимал беспокойство яшули. Вот уже третий день во время охоты над нами кружились крупные хищные птицы, готовые напасть на сокола, чтобы отнять у него добычу.

На следующее утро, сняв попоны с собак, мы дали им порезвиться. За завтраком, посоветовавшись, решили идти на север от лагеря, надеясь, что там охота будет безопасней для наших ловчих птиц.

Пройдя примерно триста метров, мы увидели свежие заячьи следы. Аннаман-ага, сняв напускную привязь, подготовил птицу к свободному полету. Борзая устремилась в сторону небольшого бархана, за которым скрылся заяц. Сокол был уже в воздухе, так как

СОКОЛЬНИКИ ТУРКМЕНИСТАНА

его зоркий глаз заметил добычу гораздо раньше. Внимательно следя за полетом птицы, мы заметили два вертикальных подъема сокола над барханом. Из этого следовало, что заяц еще не пойман. Вдруг над местом охоты нашего сокола появился крупный беркут. Его стремительное снижение не давало времени на раздумья. Я изо всех сил побежал на помощь соколу. Возбавшись на бархан, я увидел нашу ловчую птицу с добычей в когтях. Внезапно откуда-то со стороны появился беркут. Мощным ударом он сбил сокола с зайца, отбросив его на несколько метров, и принялся клевать его добычу. Сокол с пронзительным криком стал резко подниматься ввысь. Я на несколько секунд потерял его из виду. Тут же, как живой снаряд, он стал камнем падать на своего обидчика. Сильный удар в голову беркута сопровождался жалобным криком сокола. Теперь сокол сел недалеко от меня, взяв его на руки, я понял причину крика — ударные когти (боек) на обеих лапах отсутствовали —

остались в затылке мертвого беркута.

Смелая и гордая птица не испугалась хищника, который намного крупнее и сильнее ее. А ведь мы были свидетелями отлетов ловчих птиц в подобных случаях. Испугавшись, сокол далеко улетал и больше не возвращался к хозяину.

Наши предки знали, на каких скалах гнездятся смелые от природы ловчие птицы, и именно оттуда брали птенцов на воспитание.

Долго мы выхаживали раненую самку, дав ей кличку Чонок, что означало беспалая. Позже выпустили ее на волю возле скал Индели, надеясь, что она приживется и даст потомство в том месте, где родилась сама.

К нашей большой радости, во время

Этого зайца-талая они добывали вместе
Наставники клуба: 76-летний Аннаман Мов-
лямов (слева) и Ата Татаров
Молодой сокольник Александр Кузнецов
Фото автора

В традиционной охоте с ловчими птицами в странах Средней Азии используют не только соколов, но и орлов-беркутов. Фото А. Дигилевича

ежегодного учета гнездовой хищных птиц, возле знакомых скал мы увидели Чонок, высиживающую птенцов. Гордые и смелые птицы и впредь будут украшать природу нашего края.

ДОРОГА ДОМОЙ

Умение ориентироваться свойственно многим животным — домашним и диким. Наблюдения и исследования подтверждают наличие у них прекрасных «топографических» способностей, помогающих им безошибочно найти путь домой.

Во время соколиной охоты напуск ловчей птицы производится чаще всего с расстояния 200—300 метров. К концу дня невольно оказываешься далеко от лагеря и даже с помощью бинокля трудно найти обратную дорогу. Нужно торопиться, иначе ранние зимние сумерки заставят вас ночевать под открытым небом. Рядом с сокольников находится его верный помощник. Получив команду от хозяина, борзая собака — тазы отыскивает самый короткий путь в лагерь. Если внимательно следить за поведением тазы, можно убедиться в правильности выбранного пути. Когда уже сам охотник видит ослепленный им ориентир, собака во всю

прыть бежит в лагерь, будто бы знает — хозяин теперь в безопасности.

Старейшина нашего Клуба Рахимдурды Ильмамедов вот уже второй год трудится на арендуемом земельном участке, который находится в восьмидесяти километрах от дома. Уезжая туда на лето, старик брал с собой своего сокола. В начале осени Рахимдурды возвращался домой и начинал готовить птицу к охоте.

В один из сентябрьских дней сокол, сорвавшись с привязной веревки, улетел. Четыре дня искал его хозяин, подзывая на вабилу. Он побывал во всех местах города, где содержали голубей, в надежде, что сокол там будет искать себе добычу. Но, увы, сокола никто не видел. Только на пятый день старику сообщили, что его сокол уже три дня как вернулся в поле на его участок. Там Рахимдурды-ага и нашел его.

В декабре 1995 г. мы с моим наставником Аннаманом-ага вышли на охоту с ловчими птицами. Лагерь разбили в песках, проехав около трехсот километров от г. Сердар. На второй день утром, переночевав с нами, водитель отправился в обратный путь, пообещав вернуться за нами через 15—20 дней. Именно на такой промежуток времени был рассчитан наш запас питания, а

главное — воды. Прошло 25 дней, а водитель не возвращался. По ночам мы внимательно вслушивались в тишину. Как только до нас доносились похожие на шум мотора звуки, мы разжигали на барханах костры. Третий день мы довольствовались двумя кружками воды, собирая утром с кустов саксаула лед. Нужно было срочно искать поблизости такыры (глинистые впадины), в которых собирается дождевая вода.

На двадцать седьмой день мы услышали невдалеке перезвон колокольчика. Это шла отара овец. За чаем в лагере Аннаман-ага рассказал чабану Довлету о наших проблемах. Чабан был бы рад поделиться с нами водой, но его ждала дальняя дорога. По словам чабана, в 50—60 км от нашего лагеря находился колодец, на котором он был вчера на водопое. Посадив меня на пятилитного «корабля пустыни», он сказал: «Не управляйте верблюдом, он сам найдет дорогу к воде». Через шесть часов пути я действительно увидел колодец. Набрав во фляги воды и дав напиться верблюду, я поспешил обратно. Даже в абсолютной темноте верблюд без единой остановки доставил меня в лагерь.

Фото А. Дигилевича

Здравствуйте, дорогие мои друзья и родные души! Откровенно говоря, давненько хотел вам написать, излить свою душу и поблагодарить создателей журнала за такое бесценное издание.

Зерно охотничьей страсти, похоже, было посеяно моим дедом Платоном Артемовичем. Отец в детстве не расставался с рогаткой, а потом мастерил себе кучу различных поджигов. Вот дед и купил ему на сэкономленные деньги ружье — в честь 16-летия.

В 1943 году папе было 17 лет и его забрали в Армию. Начинать служить под Красноярском. Рассказывал, как в 45-градусные морозы в их казарме был практически такой же холод — горела одна буржуйка, которая не могла обогреть помещение с сотнями людей. И чтобы не замерзнуть, солдаты в шинелях всю ночь напролет бегали между коек-нар. А утром на политзанятиях в более-менее прогретом помещении всех резко размаривало и клонило в сон. И так длилось несколько месяцев, после чего отец попал в лазарет.

Затем он служил под Орлом, где иногда солдаты добывали зайцев, потом в Подмоскovie в авиации. Из Армии пришел в 1951 году — восемь лет отдал службе. Нас, сыновей, у него было двое, так он говорил, что за нас обоих отслужил срок.

Первым родился я. Когда мне было около года или чуть больше, отец, заряжая патроны на предстоящую охоту, просил меня подать ему молоток забивать капсули. И я, не умея еще ходить, громыхая по полу, старался подползти к отцу, чтобы подать ему молоток. А потом произошло в семье несчастье. В полтора года я падаю с бабушкиной печки. Итог — перелом позвоночника. Родители отвозят меня в Барнаульский костно-туберкулезный санаторий, откуда я выписался только в шесть лет.

Но я, кажется, отвлекся от охоты. Отец был в молодости заядлым охотником. Он обладал редкой выносливостью, крепостью ног, весь день мог месить болота и ло-

А. П. Костюков на рыбалке

мать, кажется, непреодолимые стены из камыша. Ориентировался просто прекрасно. И вот, обладая такими качествами, он всячески пытался меня отговорить от охоты, хотя меня к охоте и к нему тянуло как магнитом. Ходить с ним мне было, конечно, очень тяжело, но я был упрям как танк.

1998-й для нас, точнее, для отца будет последним! Если бы я знал... Последний охотничий сезон мы стояли недалеко друг от друга. Я взял свой «Зенит-автомат» и сделал 10—12 кадров отца. Но в силу своего головотаяства не обратил внимания, что пленка не попала перфорацией на шестеренку и я хлопаю все на один кадр. Как меня потом затрясло, когда я узнал, что все пропало...

Я уехал в Барнаул и всю зиму провел в городе, периодически позванивая домой. В ту осень отец заготавливал для кур отходы и перевозил их на тележке. Случайно он запнулся, упал, а мешки свалились на него и сильно ушибли. После этого отца постоянно знобило и ощущал он сильную слабость. Лежал дважды в госпитале Ветеранов войны, проверялся в разных поликлиниках, все больше пил обезболивающих препаратов, без укола уже не мог заснуть.

Ближе к осени 1999 года я бросил работу, взял все деньги, какие были, накопил на них лекарств и разных трав и поехал домой ухаживать за отцом. Когда я приехал, он был весь желтый и лежал под капельницей. Последний месяц был крошечным адом, мы теряли его... Я до сих пор плачу и спрашиваю, за что ему такое наказание.

С того времени я не мог не только выписывать ваш журнал, но и заглядывать в него — такой это был стресс, от которого я и сейчас еще не отошел. Но недавно в Департаменте увидел подшивку журнала за 1999 год, и душа моя затрепетала. Флинт, Чернышев, Волков, Павлов — это же наши корифеи охоты, степенные, рассудительные, умудренные большим жизненным опытом! Перелистав несколько раз подшивку, пришел к выводу, что лучшие снимки у А. Севастьянова и А. Дигилевича.

Хотелось бы познакомиться с Игорем Алехиным, ведь мы с ним практически ровесники; с И. Силуяновым, его письмо и особенно фотография на стр. 45 в № 1—99 г. меня очень тронули; с Владимиром Сергеевичем Шишкиным — как с художником определенного жанра; и конечно же, с А. А. Севастьяновым,

А. Ф. Дигилевичем, с Юрием Вячеславовичем Котляровым — ведь он мой земляк.

Может, кто-то захочет написать мне, пишите, буду с нетерпением ждать.

Адрес: 656002, г. Барнаул-2, ул. Продинтерна, 38-9. Костюкову Анатолию Анатольевичу.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Мне 20 лет. Недавно пришел из Армии и сразу же вступил в охотобщество. Но ружье, к сожалению, до сих пор не могу приобрести.

Отец начал брать меня на охоту с 10 лет. Очень нравится нам с ним охота на уток и по «белой тропе», любим постоять на тяге. Но более всего по душе охота с гончими по чернотропу, когда по «мягкой тропе» мы бродим по березовым рощам, соснякам, по вырубкам. Слушая гон собак, звонкие, заливающие, чуть ли не плачущие голоса, забываем обо всем и наслаждаемся красотой, которую дарит нам природа — «не явь, а сказка». Бывает в нашей охотничьей жизни и горе, когда теряем четвероногих друзей. Собаки часто погибают под колесами автомобилей и поездов.

В последнее время мы стали вывозить собак на выставки и полевые испытания. Хотелось бы съездить на межобластные состязания, но бюджет семьи пока не позволяет.

Водится у нас заяц-русак, куница, много лисиц. В феврале за один световой день я наблюдал на поле до 15—17 лисиц. Беялка нет. На него мы ездим охотиться в другой район за 100 километров. Все реже видим следы кабанов, а про лося и говорить нечего.

Про браконьерство можно много-много писать и говорить. Если мы сами не примем меры по охране и восстановлению порядка в своих угодьях, то через 5—10 лет положение станет катастрофическим. Но есть еще люди, которые безгранично преданы своему делу, они не жалуют ни времени, ни сил, именно они составляют основную костяк охотников, а значит, охота у нас есть и будет. К таким людям я могу отнести

своего отца. Не раз им был остановлен браконьер, предотвращены нарушения правил охоты. Я благодарен ему за то, что он помог мне понять природу, полюбить ее, научил всем правилам охотничьего этикета. В коллективе отец пользуется большим уважением. Более 10 лет является председателем первичного охотколлектива. Не так давно моему отцу, Кутузову Алексею Александровичу, исполнилось 40 лет. Для него было бы большим подарком, если бы вы напечатали это письмо в журнале.

Хотелось бы завязать переписку с такими же молодыми охотниками, как я, а также и охотницами... Письма пишите по адресу: 243006 Брянская обл., Новозыбковский р-н, с. Каташин, ул. Молодежная, д. 24.

СПИРИДОНОВ Андрей

Уважаемая, родная и неизменная моя редакция! Журнал я выписываю с 1962 года. Столько же лет занимаюсь охотой с гончими и разведением их по породе англорусская гончая. Участвовал во многих мероприятиях по собаководству, проводимых различными обществами в Ленинграде, Москве, Петрозаводске, Новгороде, Пскове, Тамбове, Орле. Напечатайте, пожалуйста, мое письмо и стихотворение, пусть это будет моим приветом друзьям-гончатникам. Перечислять их всех места не хватит. Пусть люди моего возраста вспомнят приятные минуты прошлого. А молодые, может, общаются к самой поэтичной охоте — охоте с гончими. И если кто из молодых оторвет себя еще и от табакокурения, алкоголизма, наркомании, найдя себя в охоте, я буду вполне счастлив.

*Набросив гончих,
жду подъема.
Любуясь маревом зари.
Ушли в полз, а у болота
Поднялись с шумом глухари.
Вот слышу альт своей
выжловки,
Выжлец ей басом повторил.
Проснулся лес под эти звуки,
Ожило все, а я застыл.
Какая ж прелесть
в этой песне,
Словами выразить нет сил...*

Н. А. СКОРИН
Ленинградская обл.

Добрый день, уважаемая редакция! Хочу высказать свое мнение о споре между охотобществами и районным охотоведом одного из районов Томской области.

При том положении дел, какое сейчас мы имеем (законов, нормативных актов и т. п.), ничего, кроме раздоров и ограбления простых охотников, не будет. Тому пример — гибель коопзверопромхозов и госпромхозов. Раньше в этих структурах работали профессионалы, которые кормили себя, свои семьи и давали доход государству. Сегодня нарушен основной принцип, на котором все держалось и за который идет самый большой спор, а именно — наличие территории у конкретного охотника, в промхозах он назывался охотучастком.

На этой территории сама жизнь заставляла охотника ловить столько, сколько можно и нужно. Одновременно такой охотник был самым принципиальным борцом с браконьерством.

Сама бюрократическая структура, столь обруганная, на самом деле была необходима для взаимовыгодного контакта с государством. Охотники сами и ругали эту структуру, и ставили ее на место, но и обойтись без нее не могли. Не могли и не могут! Результаты их труда были реализованы, аукцион всех устраивал. А сейчас? Аукционы обдирают нас как липку, резко усилилось влияние черного рынка, а правительство совершенно игнорирует этот факт.

Фактически стрелка-одиночку пытаются поставить на одну доску с юридическим лицом, приравняв таким образом простого нищего охотника к предпринимателю, бизнесмену. В результате мы получаем массовый отказ от аренды.

Районный охотовед самонадеянно считает, что он вправе давать право охотиться на всей территории района кому бы то ни было. На моем участке, например, не было сохатых. Я сделал все возможное, чтобы они появились. На своем горбу соль таскал, делал солонцы.

И вот тут появились хозяева этих сохатых! Лицензии, видите ли, у них. Мне очень жаль, но при таком «хозяйствовании» у нас скоро не останется зверей. Я считаю, что для успешного развития охотничьего хозяйства на первом месте должны стоять права и интересы простого охотника, а потом уже всех остальных посреднических организаций.

Теперь о путевках. Что за бред на каждую мелочь выписывать лицензию, да еще и путевку?

А. ЧАЙКА
Хабаровский кр.

Уважаемая редакция! Меня мучает ностальгия по вашему краю. Мыслями я все еще брожу по российским просторам, прекрасным лесам, горам, широким степям. Надеюсь когда-нибудь вновь побывать здесь.

Эти воспоминания побуждают меня писать. Много лет читаю ваш журнал, думаю, что он — один из интереснейших журналов. Жаль, что в настоящее время я его не получаю. У меня одна просьба, если напечатаете фото, вышлите мне этот номер.

П. ДАБРИШЮС, Литва

Пятрас Дабришюс, егерь

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

На привале

НЕОЖИДАННЫЕ ТРОФЕИ

На три дня ноябрьских праздников в далеком 1950 году мы, трое студентов-охотников — я, Женя и Вадим — решили поехать к моей бабушке в деревню, расположенную километрах в 20 от Волоколамска, поохотиться на тетеревов. Подобраться к кормящимся или отдыхающим тетеревам поздней осенью очень сложно, и единственный шанс — добыть осторожных птиц с помощью чучел. Никакого опыта в такой охоте у нас не было. В охотничьей литературе я нашел пару очерков об этом способе, рассказал ребятам, и мы начали готовиться. Отыскали по домам несколько старых одежек из черного материала и сшили семь чучел тетеревов-петухов. Получилось вполне прилично.

До деревни добрались на перекладных где-то в середине дня, бабушка была нам очень рада. Быстренько разгрузили рюкзаки и стали набивать сеном «тетеревиные» заготовки. Чучела после набивки выглядели очень даже неплохо. Мы затолкали их в рюкзаки, взяли ружья и отправились к небольшой березовой рощице недалеко от опушки леса. Как я заметил в прошлую осень, именно там любил присаживаться тетерева после кормежки в полях. На месте занялись работой — и к вечеру у невысоких березок метрах в ста друг от друга стояли два малозаметных шалаша с сиденьями внутри. Поскольку уже стало смеркаться, решили с помощью тонких длинных шестов-подчучельников разместить на березках метрах в двадцати чучела: у одного шалаша четыре, у другого три. С рассветом можно будет начать охоту.

За ужином обсудили план охоты, он был таков: двое садятся в шалаш, один по жребию идет в загон, добытые тетерева в общий котел; после стрельбы по тетеревам, независимо от результата стрелявший идет в загон, а его место занимает предыдущий загонщик. По жребию первым в загон отправлялся я.

Было еще темно. Подсвечивая фонариком, мы шагали по полю к шалашам. Пока шли, небо на востоке слегка посветлело, и на фоне зари мы заметили три или четыре стойки тетеревов, которые уже летели на кормежку. Пока добрались до места и подправили посадку чучел, развернув грудью против ветра, стало совсем светло. Ребята залезли в шалаш, а я отправился в загон. Метров триста я прошел вдоль опушки, а потом круто свернул в поле, надеясь обойти стаи кормящихся птиц и спугнуть их в сторону шалашей. По дороге я решил проверить небольшой кочкарник, в котором, я знал это по предыдущим охотам, любили ложиться русаки. В стволах патроны с тройкой и единицей, подхожу осторожно, весь внимание... И пролез-то совсем немного по кочкам, и вдруг что-то живое появилось в траве — уши и широкая спина, и недалеко. Здоровущий русак, не спеша, ковылял впереди, выбираясь из кочкарника. Ловлю мелькающую спину стволами — сухой хлопок выстрела... Готов! Бегу, спотыкаясь о кочки и на ходу перезаряжая ружье. Вот он, мой трофей, действительно здоровущий. Поднимаю за задние ноги, разглядываю, а сам в сторону поля гляжу: как там тетерева после моего выстрела? Замечаю небольшую стайку птиц, стремительно летящую к нашим шалашам. Замираю и слежу, умоляя, чтобы подсели к чучелам. Стайка круто поворачивает, и птицы рассаживаются на березке среди четырех чучел, взмахивая крыльями. Там в шалаше сидит Женя. Бах! Бах! слышу торопливый дуллет, а падающих птиц не вижу. Стая рассыпается, и испуганные тетерева летят в сторону леса. Явно поспешил Женя и промазал. А какой момент был, ведь сработали наши чучела!

С зайцем в руке иду обратно. Теперь согласно уговору Женя пойдет в загон, а я в шалаш сяду. Подхожу. Женя расстроен, говорит поспешил, не выдержали нервы при виде такой близкой добычи. С добытым русаком поздравили и отправился по моему маршруту. Я сажусь на его место и начинаю ждать... Время идет, но желанных птиц нет. Мне через бойницу видны чучела около шалаша Вадима, там тоже пусто. Вдруг в той стороне, куда ушел Женя, раздается выстрел, за ним второй. И тут же слышу грохот выстрела у шалаша Вадима. Вывываюсь и вижу: приятель поднимает за пышный хвост огненно-рыжую лисицу. Вот это повезло. Такой неожиданный и шикарный трофей для начинающего охотника! Бегу поздравить Вадима. Он говорит, что лисица бежала мимо шалаша совсем близко и промахнуться было сложно. Вскоре и Женя вернулся. Вадим трофеем показал, еще раз внимательно осматрели, оказался лисовин, здоровый и с прекрасной шкурой. Загонщик наш сказал, что он его на поле поднял, но далеко, два раза по нему отвесил — и лисовин рванул прямо к шалашу Вадима... Посовещались и решили тетеревами больше не заниматься. Чучела сняли, вытряхнули сено, а заготовки спрятали в рюкзаки, еще пригодятся. Я предложил Вадиму снять шкуру с лисовина, чтобы не таскать лишний груз, но он решил отвезти трофей в Москву целиком, а там дать знакомому таксидермисту для изготовления чучела, пусть квартиру украшает.

Утром возвращались домой. Поезд тащился до Москвы четыре часа. В вагоне было жарко, и лисовин, которого Вадим трофеем поместил на полку, стал «отходить» в тепле. Сначала стало пахнуть псиной, потом завоняло и зело. На нас стали коситься, так как видели, что мы охотники, ружья-то были при нас, а один из пассажиров даже подошел и стал выяснять, какая у нас собака и почему от нее так ядовито пахнет. Мы сказали, что собаки у нас нет и тоже не понимаем, откуда запахи псыни. Так и доехали. Вадиму потом пришлось тащиться домой пешком, так как из общественного транспорта его наверняка бы выгнали.

Ю. ШЕВЯКОВ

ОДНИМ ВЫСТРЕЛОМ — ТРЕХ

Сумерки года навевают минор в душе. Гнет прожитых лет и житейских забот осенью ощущается сильнее и устойчивость сгибает плечи. В надежде встряхнуться решил воспользоваться давним приглашением егеря Анатолия Николаевича Бычкова. Нашел окно в каждодневной суете бытия, взял ружье и своего верного Айтоса, русского спаниеля.

Николаич много лет после выхода на пенсию работает егерем в Клязьменском охотхозяйстве. Невысокий, худощавый, как говорится, жилистый, не может долго сидеть без дела. Он посоветовал испытать удачу на заводи около деревни Близино, это километра два вниз по реке. На другой стороне Клязьмы расположен республиканский боброво-выхухольевый заказник: много стариц, рукавов, баклуш и, конечно, уток — там их никто не беспокоит. Вечерами они частенько перелетают и на эту сторону, на заводу, так что шанс у охотников есть...

С подъезда вспугнули «табунок» кряковых, видимо, бывших здесь на дневке (в это время тревожить их уже некому). Травы от прошедших заморозков, пожухнув, полегла и коров не гоняют. Первый тонкий хрустальный ледок, покрывший закрайки, отпугнул рыбаков.

Скрыв «Ниву» повыше в кустах, я спустился к воде и пошел вдоль берега, выбирая место для вечерней охоты на перелете. Решил двинуться по извилистой тропинке в дремучие заросли помрачневшего ивняка к безвестной баклуше. Устроился на фоне ракиты, без листьев похожей на огромную растрепанную метлу. Айтос, несколько раз оббежав небольшое «блюдец» водоема, потыкавшись носом в укромные места, прочно уселся напротив и заснул в своей классической позе впередсмотрящего. Приготовился. Ждем, напряженно слушаю тишину.

НА ПРИВАЛЕ

Тихий тусклый вечер — продолжение невзрачного дня — медленно погружается в ночь. Осенний мрак, выходя из ям и ложбинок, разливается по земле, поднимаясь выше и выше, размывает очертания кустов и постепенно топится в темноте округу. Лишь пара могучих дубов, неизвестно как здесь уцелевших, высоко вскинув густые оголенные кроны, кажется, пытается ими удержать рассеянный в облачной пелене свет. Тщетно, заметно смеркается...

Айтос встрепенулся. Он раньше меня услышал знакомый волнующий свист крыльев. Первые утки, быстро махая крыльями, пролетели высоко и стороной. Не мои. Взглянул на часы — перелет начался в 18.25.

Низкий гул, странно похожий на ход автошин по бетонному мосту, подсказал, что рядом, невидимый за кустами, пролетает табунок. Немедленно начинаю манить. Шваркающим голосом ответил селезень: похоже, утки повернули ко мне. Теперь бы угадать, откуда налетят. Как всегда это не удается. Из полумрака, почти касаясь вершин кустов, стремительно, как пущенные из пращи, метнулись над баклушей под защиту деревьев четыре утки. Не имея времени выцеливать, кинул на плечо пятизарядку и успел лишь раз нажать на курок.

Эффект ночной съемки — утка кажется белой.

Фото автора

Сердце от впрыснутого адреналина бешено заколотилось: почти сразу стала падать одна утка. Невозможно описать чувство, девятым валом охватившее меня, когда в то же мгновение камнем одна за другой упали еще две птицы. Донеслась дробь глухих ударов о землю. Не воспринимая еще случившееся как реальность, спотыкаясь о невидимые в темноте кочки и проваливаясь в ямы, я бросился напролом: «Одним выстрелом — трех!!!»

Как я ни спешил, Айтос на месте был первым и уже держал в зубах крикву. Видимо, мое возбуждение передалось и ему — движения хвоста достигли скорости пропеллера. Желания добровольно отдать мне добычу не наблюдалось. Анализировать его поведение было некогда — предстояло найти еще двух уток, которые могли, если подранки, и убежать. Дисциплинированный пес, подчиняясь команде, недовольно и, как показалось, небрежно сунул мне в руки птицу и торопливо бросился за другой. Вторую отдал с еще большей неохотой, совсем раздраженно, почти швырнув в руки. Секунд через пять, найдя третью, повернулся боком, набычившись, опустил голову, не выпуская из пасти добычу, как бы говоря всем своим видом: «Ну уж эту-то сам понеси!». Похоже, он тоже обалдел от неслыханной удачи. Я великодушно согласился: «Неси, дорогой! Заслужил». Без него по темноте в дебрях пойменных зарослей найти добычу было бы невозможно. Желая остановить мгновение, вынул фотоаппа-

рат и, как потом выяснилось, на последний кадр снял его. С уткой.

Интересно, кому удавались более удачные выстрелы влет?

Р. С. Наверное, из-за таких вот моментов некоторые охотники говорят, что запросто поменяют жену на утку. Мудрые жены с пониманием относятся к своим чудачкам, ведь с уткой изменить нельзя, а вернувшись с удачной охоты, муж и полы вымоет, и посуду, и не только...

Тем, кто заинтересуется статистикой, сообщая: вес селезня 1,29 кг, вес одной утки 1,06 кг, другой 1,05 кг.

Л. КАРАНТАЕВ

«ПОДАРОЧЕК»

Электричка останавливается, и мы с другом Вадимом и спаниелем Тимом выходим на платформу «Березки-Дачные» (по Ленинградской железной дороге). Уже много лет приезжаем сюда к знакомому егерю поохотиться на болотную дичь в заросшей и болотистой пойме маленькой речушки, впадавшей когда-то в Истру. Особенно хорошие охоты были на осенних выпадках до самого отлета. Но без отлично работающего спаниеля там делать было нечего, а Тим был именно такой собакой. Но в этот раз мы приехали поискать пролетного вальдшнепа по опушкам мелколесья, а заодно и зайца (сегодня открывалась охота и на него). О путевках мы позаботились заранее и поэтому не спеша двинулись к знакомым местам, до которых было километра два.

Уже рассветало. Как только перешли речушку по мостику и стали подыматься в гору по дороге позади огородов деревни, Тим заработал. Надо сказать, что он отлично работал по всем видам дичи: болотной, боровой, водоплавающей, но его «хобби» были зайцы. Нет, Тим не гонял их, но, прихватив запах любимого зверя, необыкновенно аккуратно подводил нас с другом к лежке и останавливался, дожидаясь команды «дай». Увидев, что спаниель азартно замотался по траве, я поздравил его и взял на поводок. «Слушай, ушастый, еще набегаешься, чего по-пустому около деревни молотить. Иди рядом», — строгим голосом сказал я, так как пес настойчиво тянул вперед. Пришлось даже прикрикнуть, но Тим, подняв нос кверху и ловя им утренние запахи, двинулся к небольшой куртине кустов и пожухлой травы совсем рядом с дорогой. «Слушай, Вадик, пес явно что-то прихватил. Давай соберем ружья и отпустим Тима — уж очень он рвется в бой. Непонятно только, какая живность почти на огороде расположилась. Да и темновато еще, но попробуем», — предложил я другу. По очереди собрали ружья, придерживая вертящего хвостом спаниеля, и я отстегнул карабин поводка. Ушастый рванул вперед, обжег кусты и исчез в них. Мы стояли, держа ружья наготове, и слушали тишину. Наконец я не выдержал и громко крикнул: «Тим, дай!» — и тут же что-то живое мелькнуло в кустах — ближе, ближе...

Видно было плоховато, но судя по тому, что животное направлялась прямо к нам, я решил, что это кошка. Повернувшись к другу, который стоял метрах в двух-трех от меня, сказал: «Вот охломон ушастый, кошка вытурил!» А «кошак» шмыгнул между нами и надал ходу. И только тут я сообразил, что это заяц, и заорал: «Стреляем!» Два выстрела грохнули одновременно. На выстрелы из кустов выскочил Тим, промчался по следу и воткнулся носом в зайца, сел, прижал длиннющие уши к голове и гордо смотрел, как мы с другом топаем к нему. На морде будто было написано: «Как я зайчика к вам даванул — только стреляй! До места еще не дошли, а белячок наш. Какой подарочек сделал!» Мы с ним были полностью согласны.

Ю. ЛЮСИН

СТАРЧЕНКО Н. Дорога к муравейнику	1
ГРЕВЦЕВ В. Проблемы пушных ресурсов	4
РУЧКИН Н. Погоняш	7
ОНЫЩУК А., ОНЫЩУК И. Первый чемпионат по кур- сингу	8
РУСАНОВ Я. «Охоты в России». На зайцев	10
АЛФЕРОВ М. В поддержку новых правил	13
БЛЮМ А. На соболя с лайкой	14
ФЛИНТ В. Большое событие для заповедного дела	17
БОБРОВ Р. Общества правильной охоты	18
ДЁЖКИН В. Желанное и реальность	20
БОРОВИКОВ А. Брянский лес	23
БЛЮМ М. Ружья XXI века. Ижевский механический завод	26
МАСЛОВ Ю. Знаменитые ружья. Лучано Бозис	28
СТРУЧКОВ А. Пробы гончих	30
СЕМЕНОВ Г. Рыжий Угар	32
АЛЕХИН И. «Армагедон»	34
БИКУМЛИН А. От Хлебагаста Владимиру	40
ЭБЕРДЫЕВ Ата. Сокольники Туркменистана	42
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	17, 27, 29
ШИШКИН В. Гусеобразные	48

На первой странице обложки:
Енот-полоскун был завезен в нашу страну из Северной
Америки и акклиматизирован в Приморском крае и на
Кавказе

Фото А. Севастьянова

Вниманию наших авторов!

В связи с тем, что налоговая инспекция требует от редакции сведений
об авторах (полностью фамилия, имя, отчество; день, месяц и год ро-
ждения; серия и номер паспорта; где, когда и кем выдан; домашний адр-
ес с почтовым индексом; ИНН — идентификационный номер налого-
плательщика), просим присылать перечисленные сведения вместе с
материалами, предлагаемыми для публикации.

Редакция

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев,
Т. А. Волжина (ответственный секретарь),
Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов,
А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева,
А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт,
В. Б. Чернышев

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 01.08.2001 г. Подписано к печати 04.09.2001 г.
Формат 84х108. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 29340 экз. Заказ 225. Цена 17 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78,
Садовая-Спасская ул., 18 Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Ордена Трудового Красного Знамени
ГУП Чеховский полиграфический комбинат
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
142300, г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336. Факс (272) 62-536

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь,
пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

ГУСЕОБРАЗНЫЕ

Турпаны и синьги, черные, преимущественно морские утки, заселяют в сезон размножения не только прибрежную тундуру и лесотундру нашего Севера, но и проникают в зону тайги (горбоносый турпан гнездится, например, на Алтае, в Прибайкалье) и даже степей. Обыкновенный турпан гнезился на озерах Армении и Грузии.

Обыкновенный или черный турпан довольно крупная утка, вес самцов может превышать 1,7 кг, длина около 55 см. Брачный наряд самца черный, за исключением белого зеркальца на крыле и белого «мазочка» под глазом. Радужина белая. Клюв желтый с черным вздутием у основания надклювья и черными полосками, окаймляющими зубчатые края надклювья и конек. Лапы оранжево-красные с темными перепонками. Самка темно-бурая, на боках головы два светлых пятна: заглазничное и у разреза клюва. Зеркальце на крыле белое. Радужина коричневая. Клюв черно-серый. Лапы оранжево-бурые. У нас обыкновенный турпан распространен от Мурмана (на западе) до Хатанги (на востоке). Далее на восток (от Чукотки до Камчатки) идет близкий вид — **горбоносый турпан** (иногда его считают лишь подвидом обыкновенного турпана). В междуречье Енисея и Лены, возможно, есть области совместного обитания двух видов. Во время кочевок и миграции оба вида турпанов встречаются далеко от указанных границ (обыкновенный турпан отмечался, например, в Приамурье). Обыкновенный турпан зимует в основном на Балтике, северном море, на северо-востоке Атлантики, горбоносый — на Северо-Западе Тихого океана. Самец горбоносого турпана хорошо отличается от обыкновенного большим вздутием на надклювье, в профиль заметно, что вершина верста выдается вперед. Бока надклювья красные, углы черные, ноготок желтый. Ноздри круглые, а не щелевидные (как у обыкновенного). Самка горбоносого турпана отличается от самки обыкновенного тем, что оперенный косячок на боках надклювья заходит за уровень ноздрей углом снизу. У самки обыкновенного он либо не доходит до ноздрей, либо слегка выдается сверху ноздрей.

На Чукотку залетает из Северной Америки и может гнездиться **пестроносый турпан**. Он меньше двух предыдущих видов и лишен белого зеркальца. У самца белое пятно на лбу и затылке. Клюв желто-красный с черным пятном на белой зоне боков основания надклювья. У бурой самки основание переносицы далеко выдается вперед, прикрывая верх надклювья (также как у самца). К двум очень светлым пятнам на боках головы у самок часто добавляется светлое пятно на затылке.

Синьга и близкая к ней американская синьга поделили северные гнездовые биотопы по типу турпанов: до дельты Лены доходит синьга, а восточнее распространена американская синьга. Синьги меньше крупных турпанов, лишены белого зеркальца. Оперение самцов черное. Вздутие надклювья американской синьги желтое, этот цвет лишь немного заходит за передний край ноздрей. У обыкновенной синьги желтого на черном клюве меньше, желтая зона, однако, продолжается далеко впереди ноздрей, иногда узкой полоской заходит на ноготок и по глубокой продольной борозде на черное вздутие основания надклювья. Самки двух видов похожи, темно-бурые, бока головы светлые. У обоих полов лапы темные, радужина белая. Образ жизни турпанов и двух видов синьги сходен. Кладка (6—8 яиц) на земле, хорошо укрыта (часто в кустарнике). Насиживание около 4 недель. Пуховики темно-бурые. Через 7—8 недель птенцы встают на крыло. Так как в питании турпана и синьги преобладают водные беспозвоночные, мясо этих уток не отличается блестящими вкусовыми качествами. На гнездовании нигде не образуют высокие плотностей (горбоносый турпан, например, включен в Красную книгу Республики Алтай), но на пролете, в местах зимовок, по-прежнему объект охоты.

В. ШИШКИН

Обыкновенный
турпан
самец,
самка

Горбоносый
турпан
самец

Пестроносый
турпан
самец

Американская
синьга самец

Синьга
самец,
самка

Американская синьга

самец

самка

Обыкновенный
турпан
самец

Горбоносый
турпан самка

Обыкновенный
турпан самка

Горбоносый
турпан
самец

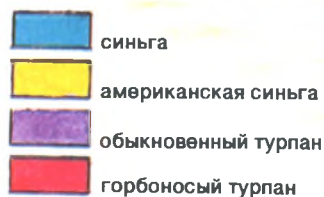
Синьга самец

Синьга самка

самка

Пестроносый турпан самец,

Рябина

